

Голсуорси Джон

Пылающее копьё

Джон Голсуорси
Пылающее копьё
Перевод А. Сергеева
С сердцем, полным диких грез,
В вымысле послушном
Мчусь с пылающим копьём
На коне воздушном.
Проскакать во имя долга
Сквозь зловещий мрак
Двадцать миль за краем света
Для меня пустяк.
Том Бедлам.

I
ГЕРОЙ

В 19... году на Хемпстед Хит жил невысокий и худенький джентльмен лет пятидесяти восьми, обладатель кроткого нрава и скромных средств, рассудок которого отчасти помутился от чрезмерного чтения писаний и речей различных общественных деятелей. Как и все англичане, он любил повторять "мой дом моя крепость" и обитал в крепости, которая утопала в кустах сирени и раkitника и соседствовала с другой крепостью, которая из чисто британской нелюбви к однообразию утопала в кустах акации и калины. До мировой войны наш джентльмен, имя которого Джон Левендер, жил так, как живут немногие: он никому не причинял зла. Юрист по образованию, он, подобно большинству людей с юридическим образованием, адвокатом не стал и все свое время проводил среди домашних животных и античной мудрости. К началу изображаемых событий у него была молоденькая овчарка Блинк, чьи прекрасные глаза еле проглядывали сквозь густую шерсть; герой наш пользовался услугами худощавой энергичной экономки, некоей Мариан Петти, которая, по его мнению, была выше всех человеческих

слабостей, а также услугами ее мужа Джо, который служил у него шофером.

Подобно всем общественным деятелям, наш герой жаждал быть рыцарем без страха и упрека. Он не пил, избегал женской любви и обычно говорил правду. Его худощавое лицо со впалыми щеками не лишено было приятности, несмотря на то, что одна из бровей имела обыкновение подергиваться; светлые карие глаза, всегда смотревшие в лицо собеседнику, не умели читать тайных мыслей. Усы его были еще темны, но густые выющиеся волосы давно поседели, ибо кабинет его с пола до потолка был завален книгами, брошюрами, журналами и стенограммами речей великих ораторов. Он был неприхотлив, ел что подают, а когда его спрашивали, что бы он хотел к обеду, он неизменно говорил: "А что у нас есть?" - и никогда не прислушивался к ответу. Дело в том, что за едою он всегда читал творения великих мужей.

- Джо, - говаривал он своему шоферу, который отличался легкой хромотой, зеленоватыми бегающими глазками и красным лицом с довольно кривым и красным носом, - Джо, вам следует прочесть вот это.

На что Джо обыкновенно отвечал:

- А кто это, сэр?

- Зуддингтон; великий человек, Джо.

- Да, башковитый парень, ничего не скажешь, сэр.

- Он так много сделал для нашей страны. Вот послушайте.

И мистер Левендер читал что-нибудь вроде:

- "Будь у меня пятьдесят сыновей, я бы отдал их всех. Будь у меня сорок дочерей, я бы послал их ухаживать за ранеными, мыть полы, полоть огороды и начинять снаряды. Будь у меня тридцать вилл, я бы все их отдал под госпитали; будь у меня двадцать вечных ручек, я бы писал ими с утра до ночи; будь у меня десять голосов, они никогда не уставали бы вдохновлять мою страну на подвиги и помогать ей в трудный час".

- А будь у него девять жизней, - довольно неожиданно прерывал его Джо, - он бы все их оставил себе.

Мистер Левендер опускал газету.

- Я не выношу цинизма, Джо; он никак не подобает джентльмену.

- Мы с этим парнем ведь и не лезем в джентльмены, сэр.

- Вы неисправимы, Джо, - заключал мистер Левендер.

Наш джентльмен, как и все джентльмены, имел счет в банке; каждый раз, читая призывы к населению нести деньги в банк и этим спасать отечество, он порывался подвести баланс в своей банковской книжке в надежде обнаружить на ней неожиданно крупную сумму.

Однажды утром в конце мая, установив, что таковой суммой он не обладает, он призвал экономку и заявил:

- Миссис Петти, мы тратим слишком много; нас опять призывают экономить. Послушайте: "Каждое пенни, не пошедшее на нужды войны, истрачено в пользу врагов рода человеческого. Я уверен, что ни один патриот - будь то мужчина или женщина - не истратит на себя ни гроша, который мог бы пойти на достижение благородных целей, столь близких нашим сердцам. Пусть каждое медное пенни станет пулей, усиливающей наше военное могущество!" Превосходная речь! Без чего мы можем обойтись?

- Без газет, сэр.

- Не говорите глупостей, миссис Петти. Откуда же мы будем черпать вдохновение, что утешит нас в эти тяжелые дни?

Миссис Петти фыркнула.

- Вы не можете есть меньше, чем едите, - сказала она, - но вы можете не кормить Блинк со своего стола - вот это да.

- Но ни один оратор до сих пор не утверждал, что это запрещено, возразил мистер Левендер. - Когда герцог Крикингом призовет нас, я первым последую его примеру, можете быть уверены. Отечество прежде всего.

Миссис Петти покачала головой и недовольно пробормотала:

- Вы думаете, сэр, у него есть чем показать пример?

- Миссис Петти, - ответил мистер Левендер, - это совершенно недостойно вас. Скажите мне серьезно, без чего мы можем обойтись?

- Я могу обойтись без Джо, - ответила миссис Петти - он ведь теперь не возит вас.

- Прошу вас, будьте серьезны. Джо - неотъемлемая часть моего дома, кроме того, я думаю предложить свои услуги правительству в качестве оратора, и тогда мне выдадут бензин.

- Вот как! - сказала миссис Петти.

- Я собираюсь заявить об этом завтра.

- Да что вы, сэр!

- Я чувствую, что мои силы используются не полностью.

- Неужели, сэр?

- Между прочим, вчера я читал поразительную статью о картофеле. Мы должны перекопать наш сад. Знаете ли вы, какая у нас подпочва?

- Надо думать, битый кирпич и дохлые кошки?

- М-да! Ну, скоро мы это исправим. Каждый дюйм освоенной земли - это гвоздь в крышку гроба нашего общего врага.

И, подойдя к книжному шкафу, он взял из огромной кипы третью сверху газету.

- Послушайте! - сказал он. - "Наша главная задача - извлечь из нашей земли каждую потенциальную унцию продуктов питания. Мы не удовольствуемся полумерами. Картофель! Картофель! Неважно, где, когда и как, - главнейшая национальная проблема заключается теперь в выращивании картофеля. Все британцы должны объединить усилия в деле выращивания того растения, в котором заключается самое наше спасение".

- Вот чепуха, - пробормотала миссис Петти. Мистер Левендер читал и читал, и глаза его сверкали.

"А я ведь тоже могу внести свою лепту в спасение Англии... - думал он. - Нужна лишь искра, чтобы испепелить шлак этого непроходимого здравого смысла, который так мешает стране идти вперед".

- Миссис Петти! - позвал он, но миссис Петти уже исчезла.

.....

Мистер Левендер никогда не откладывал дела в долгий ящик. Стоило ему принять внезапное решение внести свою лепту в спасение Англии, как он тотчас же послал заявление в нужную, как ему казалось, инстанцию и, не получив ответа, сам отправился в центр государственной жизни. Было время больших перемен и немало народного тревожения; новые метлы чисто мели, новые учреждения возникали повсеместно. Мистер Левендер в смятении расхаживал возле больших каменных зданий и маленьких деревянных домов, не зная, куда идти. С самого начала войны он не купил себе ни одного костюма, если не считать различных форм добровольных организаций, которые правительство от времени до времени меняло, вероятно, вместе с меняющейся обстановкой; и его маленькая,

съежившаяся фигурка с локтями и коленями, блестящими на солнце, не могла не бросаться в глаза. Найдя наконец на улице то, что, казалось, нисколько не изменилось, он спросил:

- Не скажете ли вы, где находится министерство? Полисмен снисходительно взглянул на него.

- Которое?

- В котором говорят речи об отечестве.

- Министерство пропаганды? Первый поворот направо, вторая дверь налево.

- Благодарю вас. Наша полиция безупречна.

- Ничего подобного, - холодно возразил полисмен.

- Я хотел сказать, что вы безупречны.

- Я это слышал.

- Но это же чистая правда. Не знаю, что делала бы страна без вас. Ваша надежность, ваша неизменная доброжелательность, ваша истинно британская чуткость по отношению к...

- Пройдите! - сказал полисмен.

- Я лишь повторяю то, что мы все говорим о вас, - укоризненно возразил мистер Левендер.

- Вы слышали, я сказал "пройдите"? - повторил полисмен. - А то я покажу вам, как надо себя вести!

- Вы уже показываете! - заметил мистер Левендер с чувством.

- Если вы будете оскорблять меня, - сказал полисмен официальным тоном, - я отведу вас в участок. - И он устремился в гущу машин, скопившихся на улице.

Удивленный его недружелюбием, мистер Левендер возобновил поиски и, найдя указанную дверь, вошел. Темный, пыльный, пустынный коридор долго не приводил его решительно никуда, пока он не набрел на длинноволосую девочку в коричневом платье.

- Не скажете ли вы, крошка... - начал он, положив ей руку на голову.

- Это вы бросьте! - сказала крошка.

- Нет-нет, что вы! - возразил оскорбленный мистер Левендер. - Я только хотел спросить, где я могу найти министра.

- Вы назначены?

- Нет, но я ему писал. Он должен меня ждать.

- Фамилия?

- Джон Левендер. Вот моя карточка.

- Давайте. Обождите тут!

"Превосходно! - размышлял мистер Левендер. - Патриотические чувства уже проникли в сердца наших детей! Как это сказал наш поэт-патриот?"

Где то дитя, которое в британском пульсе

Биения нужды б не услышало,

Не жаждало б, чтобы среди мировых конвульсий

Отечество его поцеловало?

Такие юные, а готовы уже принести свои жизни на алтарь отечества!"

- Пройдите, - сказала внезапно появившаяся крошка. - Он примет вас.

Мистер Левендер вошел в комнату, весьма напоминавшую приемную юриста, с той только разницей, что в ней не было шкафов с толстыми томами. Казалось, единственной мебелью в ней был сам министр, который сидел, положив ногу на ногу; на нем были огромные очки в черепаховой оправе, которые, однако, не скрывали его пронзительного взгляда. Это был человек с коротко подстриженными седыми волосами, широким и желтым, чисто выбритым лицом и выпуклыми серыми глазами.

- Мистер Левендер, - сказал он ровным и громким голосом, - садитесь, пожалуйста.

- Я писал вам, - начал наш герой, - предлагая свои услуги в качестве оратора.

- Ах так? - сказал министр. - Посмотрим: Левендер, Левендер. Вот ваше письмо. - И, достав письмо из картотеки, он просмотрел его, все время борясь со своими черепаховыми очками. - Вы хотите совершать агитационные поездки? Магистр искусств, юрист, член зоологического общества. Вы хороший оратор?

- Душевный пыл... - начал мистер Левендер.

- Так, порядок! Мы боремся за победу, сэр.

- Совершенно верно, - начал мистер Левендер. - Моя преданность...

- Вам потребуется бензин, - сказал министр, - мы бензин не оплачиваем.

- Да зачем же! - ужаснулся мистер Левендер. - Я заплачу сам!

Министр устремил на него пронизательный взгляд.

- А какова ваша тематика? Что-нибудь специальное или патриотизм вообще? Я советовал бы вам остановиться именно на этом, но тут, знаете ли, нужен пафос.

- Я проштудировал всех великих ораторов этой войны, сэр, - ответил мистер Левендер, - я ознакомился также с сочинениями всех великих публицистов, посвященными этой войне. Я буду учиться у них, и мой энтузиазм...

- Вот-вот! - сказал министр. - Если вам потребуются зверства, мы дадим вам сколько угодно. И никаких фактов, никаких цифр, только общая фразеология.

- Я осмеливаюсь... - начал мистер Левендер.

- Всего хорошего, - сказал министр, поднимаясь. - Когда вы приступите к делу?

Мистер Левендер тоже встал.

- Завтра же, - сказал он, - если только у меня будет бензин.

Министр нажал кнопку звонка.

- Вы все делаете на свою ответственность, - сказал он. - Никаких фактов, народу нужен только пафос. Итак, мистер Джеймс?

И, увидев, что министр смотрит сквозь свои черепаховые очки на кого-то в дверях, мистер Левендер повернулся и вышел. В коридоре он подумал:

"Какая энергия! Как это не похоже на дни, когда Диккенс писал свое "Министерство Волокиты". Так!"

Он ошибся дверью и попал в комнату, где вдоль стен сидели, положив палец в рот, шесть девочек в коричневых платицах.

- Ах, - сказал он, - кажется, я заблудился.

Старшая из девочек вынула палец изо рта.

- Чего вам?

- Выход, - ответил мистер Левендер.

- Вторая дверь направо.

- До свидания, - сказал мистер Левендер.

Девочки не ответили.

"Эти дети поистине прекрасны! - думал он, выходя из министерства, Какая преданность! И все же страна еще не вполне восстала от сна!"

II

ЕГО СЛУГА

Джо Петти размышлял об автомобиле, который был куплен лет пятнадцать тому назад и на котором ни разу не ездили с начала войны. В волосяных сиденьях птицы вили гнезда. Внутри пахло плесенью, все скрежетало от ржавчины.

"Хозяин явно рехнулся, - думал Джо, - на этом старом гейзере далеко не уедешь. Хорошо хоть, что на дворе лето. Если я доконаю машину, то по крайней мере не доконаю себя ремонтом. Впрочем, работать на правительство - это лучше, чем рыть землю или маршировать. Хозяин молодец!"

Размышляя таким образом, он раскурил трубку и обследовал ящик под водительским сиденьем.

"Сюда бы бутылочку-другую, - думал он, - на случай, если патриотизм собьет нас с панталыку. Хлеба батончика бы два, горшочек меду и доброй старой ветчинки. "О вольная жизнь на дороге..." И как только они додумались дать ему эту работу!"

Его монолог был прерван появлением жены, которая несла саквояж.

- Не хочешь ли с нами, старушка? - беспечно проговорил он.

- Нет уж. Я счастлива избавиться от вас. Смотри, чтобы он не промочил ноги. Что у тебя там под сиденьем?

Джо Петти заморгал.

- И с грохотом же вы, наверно, поедете, - сказала миссис Петти, оглядев автомобиль.

- Да, - глубокомысленно проговорил муж, - нам не надо никакой рекламы, чтобы собирать народ.

И, рассеянно взяв за головы двух подошедших к ним маленьких мальчишек, он столкнул их лбами.

- Ладно, - сказала миссис Петти, - мне некогда. Вот его запасные зубы. Смотри, не потеряй. Ты не забыл свою зубную щетку? Чисть зубы и веди себя как следует. Черкни строчку-другую. Да не давай ему слишком кипятиться. Она постучала пальцем по лбу. - Убирайтесь отсюда, живо! - цыкнула она на мальчишек.

Мальчишки, которых было уже шестеро, тонкими голосами закричали "ура", ибо в это мгновение в воротах появился мистер Левендер в серой широкополой шляпе и полотняном пыльнике. Он

нес такую огромную кипу газет и брошюр, что из-за нее выпядывали лишь ноги и шляпа.

- Откройте дверцу, Джо, - сказал он, наткнувшись на автомобиль. Восемь мальчишек, стоявших с другой стороны машины, издали пронзительное "ура". Приняв это за предзнаменование успеха, мистер Левендер снял шляпу и, просунув голову в окно, обратился к десяти мальчишкам:

- Благодарю вас. Я никогда не забуду ваших чувств. Правительство облекло меня высокой миссией пробудить нашу страну в дни, требующие от нас чрезвычайных усилий. Я счастлив, что сейчас, в преддверии моей высокой миссии, я могу приветствовать собрание юных светлых умов, каждый из которых в этой демократической стране, быть может, имеет задатки генерала или даже премьер-министра. Да будут ваши ревностные старания...

В эту секунду кусок школьного ластика ударился в лоб мистеру Левендеру, и оратор отпрянул в глубь машины.

- Все ли в порядке, сэр? - спросил Джо, обернувшись, и, не дожидаясь ответа, включил мотор. Автомобиль двинулся под градом камней, мячей и криков "ура", которыми его осыпали пятнадцать рьяных преследователей. Покачиваясь из стороны в сторону и громыхая канистрой, машина набрала скорость и, свернув за угол, выехала на шоссе. Мистер Левендер, несколько ошеломленный, ибо ластик был тверд, как камень, сидел и смотрел в заднее Окошечко на оставшийся позади великий город. Губы его шевелились, бессознательно выражая чувства бесчисленных лорд-мэров:

- Великая столица мира, королева торговли, я слышу биение твоего сердца, со смешанным чувством гордости и печали я покидаю тебя. С чувством величайшей благодарности к тебе я слагаю с себя эти обязанности. Иной труд зовет меня, он... Джо!

- Да, сэр?

- Вы видите?

- Я вижу только вашу голову, сэр.

- Нас сопровождает облачко пыли, которое все время находится на одинаковом удалении от нас, как раз посреди дороги. Как вы полагаете, это не может быть добрым предзнаменованием?

- Нет. Скорее, это собака.

- В таком случае остановитесь! - сказал мистер Левендер, который был равнодушен к собакам. Джо затормозил и выпянул из окна. Облачко пыли быстро приближалось.

- Это действительно собака, - сказал мистер Левендер, - это Блинк.

Из пыли возникла почти распластавшаяся на бегу серая овчарка с белой мордой и грудью, обезумевшая от волнения и от того, что шерсть, падавшая на глаза, слепила ее; она пронеслась мимо них, как молния.

- Поехали! - закричал мистер Левендер. - За ней, она хочет догнать нас!

Джо прибавил газу, и машина бесстрашно понеслась вперед, раскачиваясь кузовом из стороны в сторону и громыкая канистрой, но чем быстрее они мчались, тем быстрее бежала овчарка.

-Это ужасно! - в отчаянии бормотал мистер Левендер, высовываясь из машины. - Блинк! Блинк!

Его крики тонули в реве мотора.

- Чертова сука! - шипел Джо. - При такой скорости она будет за холмом в два счета. За кого она нас принимает?

- Блинк! Блинк! - вопил мистер Левендер. - Быстрее, Джо, быстрее! Она все дальше и дальше.

- В жизни ничего подобного не видел, - сказал Джо. - Подумать только, гнаться за тем, кто догоняет тебя. Ну и ну!

Подгоняемая их криками и грохотом преследующего ее автомобиля, бедная овчарка что было сил старалась нагнать своего исчезнувшего хозяина; в свою очередь, мистер Левендер, Джо и начавший издавать самые жалобные звуки и запахи автомобиль тоже старались изо всех сил.

- Так я загублю машину, - сказал Джо.

- Ну и пусть! - воскликнул мистер Левендер. - Я должен догнать собаку!

Они пронеслись по окраине Гарден Сити.

- Держите ее! Держите ее! - взывал мистер Левендер к оставшимся позади изумленным жителям. - Джо, это какой-то кошмар!

- Страшный сон среди бела дня, - подтвердил Джо, прибавляя скорость; пар столбом вырывался из радиатора.

- Если она добежит до того холма прежде, чем мы догоним ее, нам крышка; этот старый гейзер лазить по холмам явно не может.

- Мы нагоняем ее! - закричал мистер Левендер. - Я уже вижу ее высунутый язык.

И словно испугавшись его крика, автомобиль рванулся вперед и, содрогнувшись всем корпусом, внезапно остановился; дверца распахнулась, и мистер Левендер вывалился прямо на овчарку.

К счастью, упал он как раз там, где были единственные в этом краю заросли крапивы, а упав в крапиву и вдобавок на собаку, он значительно смягчил свое падение. Все же прошло несколько минут, прежде чем мистер Левендер полностью пришел в себя. Он обнаружил, что сидит на придорожной вехе, что овчарка стоит перед ним на задних лапах и тщательно вылизывает его лицо и дышит ему прямо в рот.

- Джо, - позвал он, - где вы? Голос Джо донесся из-под машины:

- Здесь, сэр. Авария.

- Вы хотите сказать, что мы надолго задержимся? Да. Накрепко застряли. Вы пошли бы домой, сэр. Здесь нет и двух миль.

- Нет, нет! - сказал мистер Левендер. - Мы ведь недавно проехали Гарден Сити, я могу пойти туда и сказать там речь. Долго вы здесь задержитесь?

- День-два, - ответил Джо.

Мистер Левендер вздохнул; услышав этот горестный вздох, овчарка принялась утешать хозяина с удвоенной энергией.

"Ничто так не украшает человека, как философское отношение к жизни, думал он. - Я всегда восхищался теми великими деятелями, которые в минуту величайшей опасности, нависающей над страной, сохраняют хороший аппетит. Мы немножко посидим в автомобиле, ибо у меня, кажется, все болит, и я тем. временем обдумаю свою речь".

Движимый этими мыслями, он вместе с собакой влез в машину и уселся в ней. ощущая явственное беспокойство.

"На какую же тему я буду говорить в Гарден Сити?" - думал он. И, вспомнив, что захватил речь одного епископа о деторождении, он углубился в груды литературы и, разыскав нужную брошюру, начал зубрить ее. От резкого удара молотком как раз под тем местом, на

котором сидела Блинк, мистер Левендер на мгновение оторвался от брошюры, а Блинк вскочила и осмотрела свой крошечный хвостик.

"Интересно, что Джо всегда делает то, что следует, но не там, где следует, - мечтательно подумал мистер Левендер. - Это очень по-английски".

Грохот молотка продолжался, и собака, вспомнив о всемогуществе своего хозяина, влезла на сиденье и вновь стала лизать его лицо. Мистеру Левендеру пришлось подчиниться.

- Джо, - сказал он, высовываясь и глядя вниз, - вам это необходимо?

Очень красное лицо Джо выплянуло из-под машины.

- В чем дело, сэр?

- Я готовлюсь к речи, вам очень необходимо стучать?

- Нет, - ответил Джо, - можно и без этого.

- Я не хочу, чтобы вы впустую тратили время, - сказал мистер Левендер.

- Не беспокойтесь, сэр, - ответил Джо, - тут работы непочатый край.

- В таком случае я хотел бы закончить приготовления к речи.

Мистер Левендер снова уселся на сиденье, а Блинк улеглась внизу, положив голову ему на ботинки. Звук его голоса, подобный жужжанию большой мухи, наполнил автомобиль.

- Если мы хотим выиграть эту войну, мы должны делать все для того, чтобы наше народонаселение неуклонно возрастало. В городах и в деревнях, в хижинах и во дворцах, а превыше всего здесь, в Гарден Сити, мы должны стремиться к тому, чтобы у нас было как можно больше детей.

В этом месте Блинк, смотревшая на него с обожанием, прыгнула ему на колени и лизнула его в губы. Снова мистер Левендер вынужден был отвлечься.

- Прочь, Блинк, прочь! Я говорю это не тебе. Будущее нашей страны в руках только что родившихся маленьких граждан. Мой призыв обращен главным образом к нашим женщинам. Именно в них мы видим...

- Не хотите ли пивка, сэр?

Перед мистером Левендером появился стакан с янтарной жидкостью.

- Джо, - грустно сказал он, - вы же знаете мои правила...

- В виде исключения, сэр.

Мистер Левендер вздохнул.

- Нет-нет, я должен жить согласно тем принципам, которые проповедую. Я скоро подниму общественное мнение по вопросу об алкоголе.

- Ладно, мое счастье, - сказал Джо, осушая стакан. - Не хотите ли ветчинки?

- Вот это мне не повредит, - сказал мистер Левендер, беря из рук Джо нож, на который был наколот кусок ветчины.

- Именно в них мы видим, - продолжал он, - надежду на омоложение империи, надежду на восполнение боевых потерь. - И он поднес нож ко рту. Ветчины на нем не было, а Блинк уже виляла задом и облизывалась.

- Блинк! - укоризненно сказал мистер Левендер. - Джо!

- Да, сэр!

- Когда вы позавтракаете и отремонтируете машину, вы сможете разыскать меня в ратуше или на рыночной площади. Смотрите за собакой. Я привяжу ее. У вас есть какая-нибудь бечевочка?

Привязав Блинк к ручке дверцы и стараясь не смотреть в ее грустные глаза, мистер Левендер направился в Гарден Сити, сжимая в одной руке брошюру, а в другой - палку с Т-образным набалдашником. Водворив ветчину под сиденье, Джо прикончил бутылку пива.

"Вот и прекрасно, - мечтательно раздумывал он. - Тихо, ты, сука! Будешь ты сидеть смирно? Как я смогу вздремнуть, когда ты затеяла эту возню? Ложись! Так оно лучше".

Блинк утихла и принялась грызть веревку. Улыбка на лице Джо становилась все шире и шире, голова слегка подалась в сторону, рот раскрылся, в него влетела муха.

"Фу ты, черт, - подумал он, выплевывая ее, - собака вроде утихомирилась".

Он уснул.

III

МИСТЕР ЛЕВЕНДЕР ВЫСТУПАЕТ ПЕРЕД ТОЛПОЙ ГУННОВ

"Народу нужен пафос! - думал мистер Левендер, подходя к окраинным домам. - Моя первая задача тем не менее собрать народ".

- Не скажете ли вы, - обратился он к мусорщику, - где здесь рыночная площадь?

- У нас ее нету.

- В таком случае, где же ратуша?

- Тоже нету.

- Где же, наконец, собираются люди? - спросил мистер Левендер.

- А они не собираются.

- Разве здесь не бывает массовых митингов?

- Гм! - загадочно хмыкнул мусорщик.

- Я хотел бы сказать здесь речь о деторождении.

- Билл! Джентльмен хочет говорить о деторождении. Куда бы его послать?

Человек, несший ящик с инструментами, даже не обернулся.

- Видали? - сказал мусорщик и, стегнув свою кобылу, поехал прочь.

"Как это неучтиво!" - подумал мистер Левендер. Что-то холодное и влажное ткнулось ему в руку, он вздрогнул и увидел Блинк, которая плясала вокруг него, изогнувшись, как подкова. С шеи собаки свисал обрывок бечевки. В горький миг разочарования вид преданного существа доставил мистеру Левендеру чистую радость.

- Удивительное животное! - прошептал он.

Овчарка ответила ему прыжками и таким оглушительным лаем, что двое мальчишек и девочка с коляской остановились посмотреть и послушать.

"Она словно ртуть", - подумал мистер Левендер, и, поскольку собака занялась его шляпой, которую она сбила наземь, изливая чувства, он погладил ее по голове и пощекотал за ухом. Овчарка пришла в состояние гипнотического транса, прерывавшегося лишь блаженным урчанием.

"Самые прекрасные глаза в мире! - думал мистер Левендер, водружая шляпу на место. - Из них так и лучится доброта и невинность!"

Его длинный полотняный пыльник, вываленная в пыли широкополая шляпа и трость с Т-образным набалдашником привлекли внимание пяти мальчишек, маленькой девочки с коляской, почтальона, горничной и трех престарелых леди.

- Какая прелестная собачка! - сказала одна из престарелых леди.
Чудная собачка! Скажите, вы пастух?

Мистер Левендер снял шляпу.

- Нет, сударыня, - сказал он, - я оратор.

- Как это плуто с моей стороны! - сказала престарелая леди.

- Что вы, что вы, это моя вина. - И мистер Левендер поклонился. - Я пришел сюда, чтобы произнести речь о необходимости деторождения.

Престарелая леди, пронзительно взглянув на него, сказала что-то на ухо своим спутницам, и они отошли подальше.

Тем временем разнесся слух, что на Клемансо-Роуд околела лошадь, и новые мальчишки, девочки и три солдата в синих госпитальных пижамах с красными шнурами присоединились к окружению мистера Левендера, который счел столь быстрое образование аудитории за истинный промысел господень. Он огляделся, ища трибуну, но не увидел ничего, кроме низкой кирпичной ограды, окружавшей виллу, возле которой он находился. Поэтому он вскарабкался на ограду и встал там, крепко уцепившись за веточку молодой акации, а Блинк, встав на задние лапы, царапала кирпич, подвывала и обнюхивала хозяйские ботинки. Вдохновленный ропотом изумления, быстро перераставшим в веселые возгласы, мистер Левендер обнажил голову и произнес следующее:

- Братья британцы, в этот критический момент в истории нашей родины я не стану извиняться перед вами за то, что обращаюсь к незнакомым людям, собравшимся вокруг меня. Здесь, в колыбели патриотизма, в самом сердце великих национальных движений, я могу с полной уверенностью полагать, что вы сознаете, как нужны стране люди. В этот момент, когда каждый мужчина определенного возраста и выше нужен фронту, а каждая взрослая женщина работает в госпиталях, на заводах, в сельском хозяйстве и так далее, мы, как никогда, должны мобилизовать все остающиеся силы генетического прогресса для увеличения народонаселения нашей страны. Ни один мужчина, ни одна женщина не имеют права уклониться от исполнения этого высокого долга, ибо наша цель уничтожить нашего общего врага. Бок о бок с нашими американскими двоюродными братьями, с прекрасной Францией и Владычицей Адриатики мы боремся за устранение величайшей угрозы, которая когда-либо

нависала над цивилизацией. Наш злобный враг силен и беспощаден. И пока от меня что-то зависит, каждый мужчина, каждая женщина отдадут себя священному делу победы; они будут стоять до последней капли крови и скорее погибнут, чем позволят нам оставить нашу ниву невспаханной. Но, леди и джентльмены, мы не должны забывать, что на место каждого павшего на поле брани мы обязаны поставить двоих. Вы не должны довольствоваться обычными усилиями, ибо сейчас не мирное время. Никогда еще в истории нашей родины не было такой безотлагательной потребности... в близнецах, если вы позволите мне употребить это образное слово. Да будут не один, а двое новорожденных в каждой семье и в каждом доме, где нет семьи, ибо только так мы сможем залечить раны, нанесенные войной.

В этот момент теперь уже многочисленные слушатели, дотеле стоявшие молча, разразились криками: "Так-так! Давай еще!" - и мистер Левендер, хотевший жестом призвать к вниманию, выпустил из рук ветку акации и свалился с ограды в сад. Все время речи своего хозяина Блинк подскуливала и тыкалась носом в его ботинки, но теперь, видя, что хозяин исчез, она перемахнула через ограду и очутилась у него на груди. С трудом поднявшись на ноги, мистер Левендер предстал перед пожилым господином чрезвычайно деловитого вида, который тут же проговорил:

- Вы нарушаете частную собственность!

- Да-да, я знаю, - вежливо ответил мистер Левендер, - я очень извиняюсь. Я ведь попал сюда не нарочно.

- Вздор! - сказал господин.

- Я свалился с ограды.

- Как вы думаете, чья это ограда? - спросил господин.

- Откуда мне знать? - сказал мистер Левендер. - Я ведь не здешний.

- Пошла прочь! - крикнул господин, пиная ботинком Блинк.

Глаза мистера Левендера засверкали.

- Вы можете оскорблять меня, - проговорил он, - но если вы будете бить мою собаку, я дам вам пощечину.

- Попробуйте! - сказал господин.

- И попробую, - ответил мистер Левендер и стал расстегивать свой полотняный пыльник.

Неизвестно, до каких крайностей могло бы дойти дело, если бы в это мгновение престарелая леди, принявшая мистера Левендера за пастуха, не появилась на дорожке сада. Она постукивала себя пальцем по лбу.

- Ясно! - Сказал владелец сада. - Уведите его отсюда!

Престарелая леди взяла мистера Левендера под руку.

- Пойдемте со мной, сэр, - сказала она, - и возьмем с собой вашу прелестную собачку.

Мистер Левендер, всегда отличавшийся галантностью, поклонился и, застегнув пыльник, последовал за престарелой леди к воротам.

- Он ударил мою собаку, - рассказывал мистер Левендер. - Что может быть гнуснее?

- Да-да, - утешала его престарелая леди. - Бедная собачка!

Увидев мистера Левендера, толпа, ожидавшая новых развлечений, разразилась протяжным гоготом.

- Пойдите! - сказал мистер Левендер. - Я сейчас попрошу их дать, кто сколько может.

- Ах, - сказала престарелая леди, - бедняжка!

- Не знаю, что вы имеете в виду, сударыня, - сказал мистер Левендер, ощутивший прилив сил, - я попрошу их дать, кто сколько может, на увеличение народонаселения.

С этими словами мистер Левендер высвободил локоть, за который держала его престарелая леди, и двинулся в толпу с протянутой шляпой. В то же мгновение мальчишка выхватил у него шляпу, нахлобучил ее себе на голову и пустился прочь, преследуемый Блинк, прыжки и лай которой столь рьяно подгоняли его, что он бежал так быстро, как никогда доселе. Мистер Левендер трусил следом и пронзительно кричал:

- Блинк! Блинк!

Толпа двигалась за мистером Левендером, а престарелая леди поспешала за толпой. Это продолжалось до тех пор, пока мальчишка не добежал до общественной лужи и не бросил туда шляпу, после чего перелез через забор и, сделав стратегический обход, примкнул к толпе, как ни в чем не бывало. Брошенная шляпа, скользнув по поверхности пруда, прочно утвердилась в нем тульей вниз, отдаленно напоминая водяную лилию; Блинк же, видя во всем этом волю

хозяйина, стояла на берегу и яростно лаяла. Мистер Левендер приблизился к воде, чуть-чуть опередив толпу.

- Моя верная Блинк! - сказал он. - Принеси шляпу! Верная Блинк!

Блинк взглянула в лицо хозяину и, с пронизательностью, свойственной ее породе, поняв, что ей надлежит войти в воду, стала пятиться от пруда.

- Она не привыкла к воде, - объяснил мистер Левендер трем солдатам в синих пижамах. - Верная моя Блинк! Принеси же шляпу!

Пятившаяся Блинк уткнулась задом в солдат; они схватили ее за голову и за хвост, швырнули в пруд и стали подгонять камешками в сторону шляпы. Оказавшись в воде, умное животное бесстрашно устремилось вброд к шляпе и, громко лая, стало носом подталкивать ее к берегу.

- Она думает, что это овца, - сказал мистер Левендер, - поразительный пример наследственных инстинктов.

Не в силах совладать со шляпой, - Блинк стала втаптывать ее в грязь.

- Ур-ра! - завопила толпа.

- Хозяин, дай шиллинг, я достану тебе шляпу.

- Благодарю тебя, дитя мое, - сказал мистер Левендер, доставая шиллинг.

Мальчишка - тот самый мальчишка, который швырнул шляпу в пруд, - вошел в воду и направился к шляпе. Но стоило ему подойти поближе, как, рыча и скаля клыки, Блинк стала между ним и шляпой.

- А она не укусит? - завизжал мальчишка.

- Она кусает только чужих, - прокричал в ответ мистер Левендер. Блинк!

Вдохновленная призывом хозяина, Блинк вцепилась мальчишке в куртку; мальчишка рванулся к берегу, шляпа же продолжала красоваться в центре пруда, как мишень для камней, которыми солдаты пытались подогнать ее к берегу. В это время престарелая леди подоспела к мистру Левендеру.

- Ваша прекрасная шляпа... - пробормотала она.

- Благодарю вас за сочувствие, сударыня, - сказал мистер Левендер, ладонью приглаживая растрепавшуюся шевелюру. - В подобные минуты нельзя не оценить глубокую человечность британцев. Я искренне верю, что ни в каком другом народе вы не

найдете такого всеобщего интереса, такого стремления достать шляпу из воды. Что бы ни говорили, мы великая нация и при каждом Удобном случае демонстрируем наши лучшие качества. Вы, вероятно, помните слова передовицы: "В сведенных судорогой и кровотокающих руинах, в которые наш бесчеловечный враг превратил цивилизованный мир, мы, сыны славного острова, продолжаем сиять беспорочной лучезарностью всех тех качеств, которые отличают человека от разъяренного дикого зверя".

- Но как вы достанете шляпу? - спросила леди.

- Того не ведаю, - ответил мистер Левендер, все еще находившийся во власти чувств, пробужденных длинной цитатой. - Да будь у меня пятнадцать шляп, я бы снял их все, чтобы обнажить голову перед добродетелями британского народа, которые устно и письменно славят все великие люди с самого начала войны.

- Да, да, - успокаивала его престарелая леди. - Только я думаю, что солнце сегодня очень печет. Встаньте под мой зонтик.

- Сударыня, вы очень добры, - сказал мистер Левендер, - но ваш зонтик слишком мал. Лишить же вас хотя бы дюйма тени было бы недостойно британского общественного деятеля.

И, сделав шаг назад от предложенного зонтика, он оказался в пруду, о существовании которого позабыл.

- Боже мой! - проговорила престарелая леди. - Вы же промочите ноги!

- Не страшно, - храбро ответил мистер Левендер. - И, увидя, что уже промочил ноги, он закатал брюки, подобрал полы плаща и направился вброд к шляпе, что вызвало неистовый восторг толпы.

"Война учит нас не придавать большого значения мелочам, - размышлял он, выжимая шляпу. - У меня мокрые ноги, но в окопах они были бы гораздо мокрее, если только ноги могут быть мокрее мокрых (ход его мыслей отличался известной точностью)". - Прочь, Блинк, прочь! - Ибо Блинк в радостном волнении бросалась на него, оставляя на пыльнике грязные отпечатки своих чувств. - "Для человека нет ничего отраднее, чем преданность собаки", думал мистер Левендер; он надел шляпу и зашагал к берегу.

Еще более разросшаяся толпа наблюдала за ним со всеми признаками истинного наслаждения, и мистеру Левендеру показалось, что сейчас самое время продолжить речь. Поэтому, не

вылезая из пруда, который в данном случае послужил ему трибуной, он произнес нижеследующее:

- Не зависящие от меня обстоятельства собрали вас здесь в количестве, делающем честь нации, к которой мы все принадлежим. В разгар величайшей из войн, которые когда-либо угрожали принципам свободы, я радуюсь при виде такого множества людей, способных подчиниться свободным, безыскусственным порывам своих душ. Ибо, помня о том, что каждый час наш принадлежит отечеству, мы не должны забывать и слова песни, сложенной нашими отцами: "Никогда англичане не будут рабами". Только сохранив свободу своего личного сознания и одновременно всей душой откликаясь на каждый зов государства, только так можем мы рассчитывать на окончательный разгром всех злых умыслов архиврагов рода человеческого.

В это мгновение маленький камешек больно ударил его по руке.

- Кто бросил этот камень? - спросил мистер Левендер. - Пусть он выйдет вперед.

Виновный - разумеется, не кто иной, как мальчишка, бросивший шляпу в пруд и не соизволивший извлечь ее оттуда даже за шиллинг, - виновный, почувяв угрозу, прибег к испытанному средству: он пронзительно заорал:

- Изменник!

И таков был врожденный патриотизм толпы, что этот крик подхватили сразу во многих местах. На минуту мистер Левендер от изумления потерял дар речи.

- Изменник! Изменник! - разрастался крик, и Блинк взвизгнула от камня, который угодил ей в нос; глаза мистера Левендера сверкнули.

- Гунны! - закричал он. - Гунны! Сейчас я вам покажу!

Произнеся эту невероятную угрозу, он вылез из пруда в ту минуту, когда автомобиль рассек толпу надвое и знакомый голос произнес:

- Куда же это вы залезли, сэр?

- Джо, - сказал мистер Левендер, - не отвлекайте меня!

- Садитесь в машину, сэр!

- Никогда!

- Изменники! - орала толпа.

- Садитесь! - повторил Джо.

И, схватив мистера Левендера за ворот, он свободной рукой сбросил наземь его грязную шляпу, втолкнул хозяина в машину, захлопнул дверцу, влез на свое место и включил полную скорость. Блинк, лая и прыгая, неслась впереди.

Вырвавшись из Пайав Перейд на Боттомли Лейн, Джо гнал машину до тех пор, пока толпа наконец не превратилась в воспоминание. Он остановился, чтобы узнать самочувствие хозяина. Мистер Левендер, высунувшись в окно, глядел назад и дрожал всем телом.

- Ну, сэр, - проговорил Джо, - скажу я вам!

- Джо, - произнес мистер Левендер, - их всех следует арестовать. Все они, без сомнения, гунны!

- Речь явно утомила вас, сэр, - сказал Джо. - Но как бы то ни было, дело с концом.

С минуту мистер Левендер молча смотрел на него, затем прижал ладонь к горлу и хрипло сказал:

- Нет, Джо, я не думаю, что дело с концом. Ни один оратор не мог бы так думать. Ответственность - неотъемлемая часть нашего высокого призвания.

- Минуточку, - пробормотал Джо, нырнув в бездну под водительским сиденьем. - Глотните-ка, сэр.

Мистер Левендер поднес стакан ко рту и выпил все содержимое; лишь по капелькам, оставшимся на усах, он понял, что оно пахнет ромом и медом.

- Джо, - укоризненно сказал он, - вы заставили меня нарушить мои правила.

Джо улыбнулся.

- Да к чему они, сэр? Вы же сегодня будете ночевать дома.

- Ни в коем случае, - сказал мистер Левендер, - сегодня мы ночуем в Хай-Барнет; завтра я скажу там речь о воздержании в военное время.

- Как угодно, сэр. Тогда постарайтесь вздремнуть, пока мы едем.

И, втащив в автомобиль мокрую, обессиленную Блинк, к черному носу которой пристал какой-то красный лепесток, Джо уселся на свое место и включил скорость. Мистер Левендер, годами не нюхавший спиртного, коего он только что проглотил чуть не полпинты, быстро

впал в забытье. И он пришел в чувство, лишь проснувшись следующим утром.

IV

...ИСПЫТЫВАЕТ ПРЕВРАТНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

"В котором часу назначен митинг?" - Эта зыбкая мысль возникла в голове мистера Левендера, который лежал в постели и смотрел на свет, пробивавшийся сквозь жалюзи. - Блинк!

Собака, которая лежала рядом с постелью и глодала предусмотрительно притащенную в комнату кость, поднялась и посмотрела на хозяина невинными глазами, отличающими ее породу.

"В ее глазах божественное безумие, - подумал мистер Левендер, - это очень радует меня. Ах, как болит голова!" - И, увидев возле руки шнурок от звонка, он потянул за него.

- Да, сэр, - раздался голос.

- Я бы хотел видеть моего слугу Джо Петти, - сказал мистер Левендер. Завтрак мне не нужен, благодарю вас. Как велико население Хай-Барнета?

- Не знаю, о чем вы говорите, сэр, - ответил голос, который явно принадлежал его экономке. - Но Джо вы не увидите, я ему показала, где раки зимуют. Подумать только, он позволил вам промочить ноги!

- Что происходит? - сказал мистер Левендер. - Я полагаю, что вы горничная в хай-барнетской гостинице.

- Конечно, нет, - успокоительным тоном проговорила миссис Петти, вставляя ему в рот термометр. - Покурите немножко эту штуку, сэр. О! Посмотрите только, что эта псина притащила сюда! Фу! - И, схватив кость двумя пальцами, она вышвырнула ее в окно. Блинк, видя, что ее считают виноватой в то время, как она ни в чем не повинна, вытянула левую лапу и положила голову на правую. Миссис Петти склонилась над хозяином, который лежал, глядя в потолок.

- Я так и думала, - сказала она, вынимая термометр, торчавший из-под усов мистера Левендера. - Сто и одна. Лежите, сэр. Ох, этот Джо!

- Миссис Петти, - голос мистера Левендера был слаб, ибо голова болела невыносимо, - принесите, пожалуйста, утренние газеты.

- Нет, сэр. Когда у вас будет сто и десять, термометр взорвется. Я лучше вызову доктора.

Мистер Левендер запротестовал было, но вдруг вспомнил, что у всех общественных деятелей есть доктора.

- Относительно бюлле...? - Он говорил невнятно и проплотил окончание.

- Что? Пули? - выдохнула миссис Петти, лицо которой в этот миг показалось мистеру Левендеру состоящим из скул, глаз и черных теней. - Джо мне не сказал ни слова о пуле. Где и как вы ухитрились ее получить?

- Я не говорил пуля, я хотел сказать бюл-ле-тень. О состоянии здоровья.

Услышав эту загадочную сентенцию, миссис Петти всплеснула руками и, пробормотав: "Бред", - устремилась из комнаты. Стоило ей уйти, как памятливая Блинк поднялась и, подойдя к окну, положила передние лапы на подоконник. Увидя, что кость сияет внизу на лужайке, она, со свойственным всем тонким натурам пренебрежением к житейским последствиям, выпрыгнула в окно. Грохот жалюзи потревожил впавшего в забытие мистера Левендера.

"Мистер Джо Левендер провел ночь спокойно, - подумал он, - однако состояние его остается критическим". И его расстроенному воображению уже представляли нарушившие уличное движение толпы у станций метрополитена; люди стояли с вечерними газетами в руках и читали бюллетень о состоянии его здоровья. - "Так-так, - размышлял он, - как это обычно бывает? Завтра мне станет лучше, но я не смогу еще вставать с постели, послезавтра наступит некоторое ухудшение, и мое состояние еще будет внушать опасения, через два дня... Что это за шум..." - До его слуха внезапно донесся звук, подобный вою ветра в сухих камышах в сочетании со скрежетом пилы. Затем последовало громкое царапанье.

- Блинк! - позвал мистер Левендер. Жалобный визг донесся из-за двери. Мистер Левендер встал и открыл ее.

Собака с костью в зубах вбежала в комнату, положила кость у постели и разделила свое внимание между костью и ногами хозяина, видневшимися из-под ночной рубашки, которую он предпочитал пижаме в знак уважения к заветам великого Дизраэли. Достигнув вертикальности, мистер Левендер, разгоряченное воображение которого уже домчалось до времен благополучного выздоровления,

почувствовал, что свежий воздух принесет ему пользу, и поэтому высунулся из окна, под которым росла сирень.

- Выздоравливающий мистер Джо Левендер, - бормотал он, - перед тем, как вернуться к исполнению обязанностей, отправился в свою загородную резиденцию.

Его внимание привлекла высокая и стройная юная леди, розовощекая блондинка, которая поливала душистый горошек в саду соседской крепости. Деликатный от природы, мистер Левендер тотчас же стал искать какую-нибудь верхнюю одежду и, облачась в домашнюю куртку с поясом, вернулся к окну. Не прошло и двух минут, как он увидел, что соседка рыхлит землю на клумбе, и, исполненный восхищения, он еще дальше высунулся из окна и проговорил:

- Моя дорогая юная леди, вы делаете великое дело. Юная леди, обладательница таких живых серых глаз, от которых ничего не скроется и которые означают широкую натуру, не чуждую веселости, взглянула на мистера Левендера и улыбнулась.

- Верьте мне, - продолжал мистер Левендер, - в эти дни ни одно дело не может сравниться по важности с возделыванием земли; сейчас, когда каждый мужчина и каждый доллар отданы фронту, каждая женщина и каждый ребенок на наших островах должны положить свои руки на рукояти плуга. - При этих словах поле его зрения внезапно расширилось и ему показалось, что он видит не одну юную леди, а множество юных леди, заполнивших весь соседний сад.

- Мы переживаем, - продолжал он, напрягая голос, - психологический момент, поворотный пункт в истории наших островов. Разгром нашего общего врага возлагает на нас новую священную обязанность; эта обязанность - еще раз накормить наш народ. "В такие дни поток деяний наших ведет нас неизменно к..." Ах! - Желая потрясти своих слушательниц до глубины души, он высунулся из окна слишком далеко и, потеряв опору в натертом паркете спальни, начал соскальзывать вниз, к кустам сирени. Рывок сзади задержал его падение: Блинк, встревоженная исчезновением хозяина, успела схватить его за подол ночной рубашки.

- Что с вами? - спросила юная леди.

- Я поскользнулся, - прохрипел в ответ мистер Левендер, у которого кровь прилила к голове, оказавшейся ниже ног. - Моя собака,

кажется, держит меня. Хорошо бы, кто-нибудь помог ей, я боюсь, что все же падаю.

- Держитесь! - крикнула юная леди. Она прорвалась сквозь низкую жасминовую изгородь, разделявшую два владения, и, издавая глухие булькающие звуки, скрылась где-то под мистером Левендером.

Мистер Левендер не смел более выговорить ни слова из опасения, что Блинк может ответить ему и таким образом отпустить подол рубашки; он продолжал висеть, раздираемый беспокойством относительно своего костюма.

"Если она войдет в комнату, - размышлял он, - я умру со стыда. Если же она не войдет в комнату, я сломаю шею. Какая ужасная дилемма! - И он решительно уцепился за наиболее крепкие ветки сирени, по-заячьи остро прислушиваясь, не раздастся ли какой звук в комнате, в которой он более нисколько не находился. И вдруг на выручку ему пришла мысль: а что должен делать общественный деятель, находясь в таком положении? - Двум смертям не бывать, - подумал он. - Лучше смерть, чем позор перед лицом юной леди. - И слова некрологи немедленно заплясали у него перед глазами. - "Великий общественный деятель не только жизнью, но и смертью сделавший честь отчизне". - И изо всех сил дернувшись ногами, он устремил свое тело вниз. "Боже мой!" - послышалось сверху в тот момент, когда уже более ничего не удерживало его от падения; мистер Левендер свалился в сирень, перекувырнулся и грохнулся оземь. Он лежал, растянувшись во всю длину, и ничто не ускользало от его внимания, и прежде всего он видел, что из окна спальни на него смотрят Блинк и юная леди.

- Вы не ушиблись? - крикнула юная леди.

- Нет, - сказал мистер Левендер, - то есть, да, - добавил он с присущей ему любовью к точности.

- Сейчас я спущусь к вам, - сказала юная леди. - Не шевелитесь!

С огромным трудом мистер Левендер привел в порядок свой костюм и закрыл глаза. "Как многие лежат сейчас, подобно мне, лицом к голубым небесам!" подумал он.

- Чем вы ударились? - послышался голос, и он увидел склонившуюся над ним юную леди.

- Я полагаю, спиной, - сказал мистер Левендер. - Но что меня заставляет страдать, так это мысль, что я... что вы...

- Ничего, ничего, - сказала юная леди, - я в добровольной первой помощи. Здорово вы полетели! Посмотрим, можете ли вы... - И, схватив его за руки, она придала ему сидячее положение. - Все в порядке?

- Да, - чуть слышно ответил он.

- Попробуйте встать, - сказала юная леди и потащила его за руки вверх.

Мистер Левендер попытался встать и встал, однако стоило ему оказаться на ногах, как юная леди поспешно отвела глаза. Крупные слезы катились по ее щекам, вся она содрогалась.

- Не надо! - вскричал огорченный мистер Левендер. - Умоляю, не плачьте. Со мной ничего не случилось, уверяю вас!

Юная леди усилием воли одержала наконец верх над эмоциями и посмотрела на него своими большими серыми глазами.

- Ангельская преданность сестер милосердия! - пробормотал мистер Левендер, прислонившись к стене дома и ощупывая ушибленную спину. - Ничего подобного не видывали с сотворения мира.

- Никогда не забуду это зрелище, - задыхаясь, выговорила юная леди.

Мистер Левендер, принимавший ее сдавленный смех за рыдания, был несказанно обеспокоен.

- Просто невыносимо, что вы так огорчаетесь из-за меня, - сказал он. Мне совсем хорошо, уверяю вас, посмотрите, я могу ходить! - И он зашагал по саду в ночной рубашке, поверх которой была надета домашняя куртка с поясом. Когда он повернул назад, то увидел, что юной леди уже нет, но зато в соседнем саду раздаются взрывы безудержных чувств. Дойдя до жасминовой изгороди, он заглянул через нее. Юная леди, изящно изогнувшись, возлежала на траве, закрыв лицо руками, и крупно вздрагивала. "Бедное дитя! - подумал мистер Левендер. - Без сомнения, ее нервы расстроены ужасными зрелищами, свидетельницей которых ей суждено стать!" Но в это мгновение юная леди вскочила на ноги и сломя голову бросилась к своей крепости. Мистер Левендер остолбенел от ужаса. "Кто не захотел бы заболеть, чтобы пить из чаши, которую держит эта прекрасная рука? - подумал он. - Мне посчастливилось получить раны, спасая ее от смущения". - Прочь, Блинк, прочь!

Ибо вторично выпрыгнувшая в окошко собака предпринимала отчаянные попытки лизнуть хозяина в лицо. Успокаивая ее и одновременно ощупывая себя, мистер Левендер внезапно обнаружил, что он не один. На дорожке, которая вела к калитке, стояла престарелая леди со шляпой в руке. Мистер Левендер незамедлительно сел и, подоткнув под себя подол рубашки, сказал:

- Существуют обстоятельства, сударыня, которые не способны предвидеть даже величайшие общественные деятели, и я, скромнейший из таковых, умоляю вас простить меня за то, что принимаю вас в таком виде.

- Я принесла вашу шляпу, - сказала престарелая леди, оживившись. - Мне сказали, что вы живете здесь, и мне не терпелось удостовериться, что вы и ваша чудная собачка целы и невредимы.

- Сударыня, - ответил мистер Левендер, - я бесконечно обязан вам. Не были бы вы так любезны повесить мою шляпу на... гм... эту плакучую иву?

В это мгновение маленькая беленькая собачка, сопровождавшая престарелую леди, начала обнюхивать мистера Левендера, поэтому ревнивая Блнк тут же положила передние лапы на плечи своего хозяина, отчего он упал ничком. Когда ему снова удалось сесть, он не обнаружил ни престарелой леди, ни беленькой собачки, зато его шляпа висела на ветке лавра. "Есть что-то роковое в этом утре, - подумал он, - лучше я уйду в дом, пока все женщины Англии не пришли сюда..." - И с трудом поднявшись на ноги, он взял свою шляпу и, открывая дверь, вдруг увидел, что юная леди наблюдает за ним из верхнего окна соседней крепости. Желая рассеять ее опасения, он быстро проговорил:

- Моя дорогая юная леди, я убедительно прошу вас поверить мне, что доселе со мной не случилось ничего подобного.

Юная леди тут же скрылась, и, глубоко вздохнув, мистер Левендер вошел в дом и поднялся по лестнице. "Ах, - думал он, водворяя в кровать свое изболевшееся тело, - пусть мои кости разламываются и голова горит, я совершил поступок, достойный традиций нашей общественной жизни. Нет ничего более возвышающего, чем служить Юности и Красоте с риском для своей жизни. Человеколюбие и Рыцарство всегда были главными чертами британцев". - И, вновь впадая в забытие, он громко воскликнул:

- Этот случай будет вечно вдохновлять всех тех, кто, участвуя в исполнении нашего общего долга, не забывает о прекрасном. Верьте мне, мы не вложим меч в ножны до тех пор, пока человеколюбие и рыцарство не будут вновь в безопасности.

Блинк, которую всегда смущали казавшиеся ей бессмысленными звуки, встала на задние лапы и стала лизать хозяина в губы, чтобы остановить словоизлияние; тело мистера Левендера одеревенело, и он уже не мог пошевелиться, не испытывая страшной боли, поэтому он лишь слабо поводит головой из стороны в сторону, пока собака не успокоилась и не вернулась к изучению своей кости. Поняв, однако, что стоит ему заговорить, как она тут же начинает лизать его в губы, он умолк; рот его был раскрыт, веки сомкнуты; он находился в почти бессознательном состоянии, из которого его вывел голос, сказавший:

- Он страдает от отравления алкоголем. Чудовищная несправедливость этих слов вернула ему дар речи, и, увидя перед собою то, что он принял за огромную толпу - на самом деле это были Джо Петти, миссис Петти и доктор, он слабым, дрожащим голосом обратился к ним:

- Под воздействием тяжести переживаемого странною момента, леди и джентльмены, среди нас порою появляются нахальнейшие, крикливейшие негодяи. Я имею в виду тех, кто, прикрываясь своим якобы патриотизмом, не стесняется возводить чудовищные обвинения против общественных деятелей. Эти происки на руку нашим кровожадным врагам. Зная, как чиста наша личная жизнь, мы не беспокоимся, о том, что про нас говорят, ибо мы честно исполняем наш долг перед отечеством. Воздержание от всякого рода спиртных напитков стало лозунгом всех наших общественных деятелей с того самого момента, как нашей стране угрожает самый чудовищный из катаклизмов, когда-либо нависавших над великой демократией. Мы никогда не устанем проповедовать необходимость воздержания; говорящие обратное суть не кто иные, как германцы, или же лица, полностью лишённые чести и совести. - Сказав это, он сбросил с себя одеяло и со стоном повалился на кровать.

- Легче, легче, мой дорогой, сэр! - послышался мужской голос. - Болит ли у вас спина?

- Я скорее испущу последний вздох, - ответил наш герой, - чем приму помощь от гуннов.

- Переверните его, - сказал голос, и мистер Левендер ощутил, что он уже лежит ничком.

- Вот так вам больно? - спросил голос.

Мистер Левендер тихо проговорил в подушку:

- Бесплезно подвергать меня пыткам. Ни одна германская рука не сумеет вырвать у меня ни одного стона.

- В его семье были душевнобольные? - спросил голос.

Услышав это жестокое оскорбление, полузадохшийся мистер Левендер сделал усилие и, оторвав рот от подушки, выговорил следующее:

- Так как в наши дни нет бога, я призываю бога моих праотцов в свидетели того, что нет на свете более здравого общественного деятеля, чем я.

Это было, однако, его последнее усилие, ибо, неловко повернувшись, он вызвал такую боль в спине, что ощутил нечто вроде головокружения и вновь потерял сознание.

V

...УБЕЖДАЕТСЯ В ПОЯВЛЕНИИ НОВОЙ БОЛЕЗНИ

Собравшиеся вокруг постели мистера Левендера с минуту взирали на него с разинутыми ртами; снизу тихонько подвывала Блинк.

- Дотроньтесь до этого места, - наконец выговорил доктор, значительная опухоль, тело воспалено, кроме того, ноги странного цвета. Вы дали ему три четверти стакана рома - и сколько было в нем меду?

Джо Петти, к которому был обращен вопрос, склонил голову набок и ответил:

- Меньше половины, сэр.

- Гм! Здесь налицо симптомы чего-то иного. Он ведь не падал, верно?

- Он не падал? - прозвучал суровый вопрос миссис Петти.

- Нет, - ответил Джо.

- Исключительный случай! - сказал доктор. - Переверните его снова, я хочу исследовать его голову. Опухоль; может быть, из-за нее он и говорит такие странные вещи. Так, дайте ему хинин, к ногам бутылки с горячей водой, больной должен находиться в полном покое.

Я думаю, что мы столкнулись с новой болезнью военного времени. Хинин я вам пришлю. До свидания!

- Вот так штука! - сказал Джо супруге, когда они остались одни у недвижимого тела хозяина. - Бедный старикан! Бди и молись!

- Как ты сообразил дать ему это пойло?

- Промок снаружи - смочи нутро, - уныло пробормотал Джо, - я всегда так поступал. Зря только я добавил меду. Кто бы подумал, мед, собранный безобидными насекомыми, вдруг принес такой вред?

- Чепуха! - сказала миссис Петти. - Я думаю, все это от чтения газет. Будь моя воля, я бы их сжигала. Могу я доверить тебе последить за ним, пока я налью бутылки?

Джо утвердительно моргнул своими зеленоватыми глазами, и его жена, решительно потрянув головой, вышла из комнаты.

"Помоги, господи! - думал Джо, глядя на впавшего в забытие хозяина и вертя в руках свою трубку. - А бабы какие смешные! Знай она, что я хочу покурить тут, ее хватил бы удар. Впрочем, я курну у окна". - И, высунувшись из окна, он задернул сзади себя занавески и раскурил трубку.

Тишину теперь нарушало лишь постукивание о пол кости, которую Блинк грызла у постели хозяина.

"Пинта пива мне бы не повредила", - подумал Джо и, заметив внизу фигуру проходящего садовника, тихонько позвал.

- Хелло, Боб!

- Хелло, - повторил садовник.

- Как жизнь?

- Порядок.

- Дождя не будет?

- Если бы!

- А в чем дело?

- Хорошо бы для хлебов.

- Как жена?

- Ничего.

- Моя бы так.

- А что с ней?

- Дела! - ответил Джо еще тише. - Никогда не заводи женщину надолго, в этом я убедился на собственной шкуре.

Приходящий садовник не ответил, он смотрел на куст сирени, прямо под Джо Петти. Это был тощий человек, смахивающий на старую клячу.

- Как ты думаешь, мы выиграем войну? - опять начал Джо.

- Понятия не имею, - безразлично ответил садовник. - Вроде дела у нас все хуже и хуже.

Джо кивнул.

- Ты попал в точку, - сказал он. - И сделав движение головой в сторону комнаты, пояснил: - У хозяина это самое.

- Что?

- Новая болезнь.

- Что за новая болезнь?

- От нее носятся по округе и поучают всех, что делать.

- Вон что!

- На этом-то он и влип. Теперь лежит.

- Да ну!

- Пластом лежит! - Джо понизил голос. - Того гляди, сам от него подхвачу эту штуку.

Садовник хмыкнул.

- Кошки всю сирень изодрали, - ответил он, отрывая надломленную ветку, - ну, я пойду, надо перекусить.

Но в этот миг звуки голоса, донесшегося как бы из пещеры, заставили садовника и Джо Петти окаменеть от изумления.

- Что это? - прошептал наконец Джо. Садовник кивнул в сторону окна на первом этаже.

- Кто-то стонет, - выговорил он.

- Вроде голос хозяина.

- М-да! - сказал садовник.

- Минутку! - И Джо заглянул за шторы. Кровать была пуста, а дверь распахнута настежь.

- Следи за дверью! Он убежал! - крикнул Джо садовнику и бросился по лестнице вниз.

Дело в том, что слова "как ты думаешь, мы выиграем эту войну?" вывели мистера Левендера из бессознательного состояния. И мгновенно вспомнив, что он не читал утренних газет, он устремился прочь из постели. Как был, в одной рубашке, он направился вниз, сопровождаемый Блинк. Увидя, что все пять газет лежат в прихожей

на тумбочке, он понес их туда, куда обычно ходил в это время утра, и уселся читать. Однако вновь пробудившаяся боль в теле, сочетаясь с сумбуром в голове от чтения пяти передовиц, заставила его вкратце излагать прочитанное вслух, причем, когда его голос повышался, выдавая чрезмерное волнение, Блинк клала морду ему на колени, как она это делала, когда желала, чтобы ее накормили. Озадаченный Джо Петти подошел к садовнику:

- Жена явно даст мне нахлобучку, - пробормотал он. - А ведь дверь была закрыта.

Голос мистера Левендера не умолкал ни на минуту, он подымался и опускался вместе с приливами чувств и боли.

- Итак, в чем сегодня состоит наш долг? Разве это не ясно и не понятно? Каждый мужчина должен быть в армии, ибо в этом заключается *sine qua non* {Необходимое условие (лат.).} нашей победы... Нам необходимо значительно увеличить ряды наших судостроителей - корабли, корабли и еще раз корабли, ибо без них нет ни малейшей надежды на победу. Нельзя ни на секунду забывать, что мы должны видеть в деталях и в целом великую драму современности, разворачивающуюся перед нашими глазами. Преступно отрывать хотя бы одного мужчину от земледелия, ибо от этого зависит самое существование нас как нации. Без обилия полноценной рабочей силы на полях мы не можем рассчитывать на устранение угрозы со стороны пиратских действий вражеских подводных лодок. Мы должны быть дальновидны, мы не можем поддаваться наветам тех, кто позволил бы обескровить наиболее жизненно важную отрасль нашего хозяйства... Производство вооружения, - застонал мистер Левендер, дошедший до четвертой передовицы, - требует от нас максимального напряжения, и лишь значительный приток рабочей силы в военное производство позволит нам добиться решающего превосходства над противником в авиации и артиллерии. Лишь это может обеспечить нашу победу над врагом...

Мистер Левендер начинал пятую передовицу, голос его переходил в вопль.

- Каждый мужчина до шестидесяти лет должен быть мобилизован, это верно. Но мы не можем не сделать при этом самого серьезного предупреждения. В конечном итоге война будет выиграна той страной, чьи финансы лучше перенесут трудности военного

времени. Решающим фактором будет последняя медная пуля. Поэтому ни в коем случае мы не должны допустить умаления нашей экономической мощи. В текущий момент мы не можем позволить себе сократить ряды торговцев, так сказать, выкачать самую кровь из наших жил. Мы должны, - стонал мистер Левендер, - постоянно изучать этот вопрос в деталях и в целом.

- Несчастный старый гейзер, - сказал садовник. - Ему точно плохо.

- Подсади меня! - сказал Джо. - Я встану на подоконник и посмотрю, можно ли что сделать через форточку.

С помощью садовника он влез на подоконник и просунул руку в форточку. Послышался шум выпущенного на волю потока, и сквозь лай Блинк снова донесся голос мистера Левендера:

- Незыблемые посреди катаклизма, омытые водами неба и ада, да будем мы капитанами своих душ. Не мешай мне, Блинк!

- Вышел! - сказал Джо, спрыгнув наземь. - Ну, пока жена не приперлась!.. - И он бросился в дом.

Мистер Левендер в смятении расхаживал по прихожей, держа перед собой все пять газет.

- Джо, - сказал он, увидев шофера, - подайте поскорей автомобиль. Я должен быть одновременно в пяти местах, ибо только так можем мы отвратить величайшую из опасностей, когда-либо угрожавших будущему цивилизации.

- Порядок, сэр, - ответил Джо, и, выждав, когда хозяин повернется к нему спиной, обхватил его за ноги, и, подняв маленькое сухонькое тело, ринулся по лестнице вверх, в то время, как мистер Левендер, чьи седые волосы стали дыбом, махал газетами, как веером, дрыгал ногами и старался повернуть голову, дабы увидеть, что за сила несет его.

На верхней площадке они налетели на миссис Петти. Она была хладнокровна, как истая шотландка, и поэтому, сжимая в руках бутылки с горячей водой, посторожилась, чтобы дать им пройти.

Опустив мистера Левендера на кровать и натянув на него одеяло до самых глаз, Джо Петти тыльной стороной ладони смахнул пот со своего лба.

- Фу! - выдохнул он. - Ловкач же наш хозяин! Супруга, следовавшая за ним по пятам, уже нацелилась на что-то, лежавшее на

ковре.

- Это что такое? - спросила она, втягивая ноздрями воздух.

- Это? - повторил Джо, поднимая с пола трубку. - Ну, мне же пришлось бегом бежать, чтобы поймать его, и она, видно, выпала из кармана.

- И зажглась, - добавила миссис Петти и, быстро нагнувшись, подняла тлеющий комочек табака, который уже прожег в ковре круглое отверстие. Молодец, нечего сказать!

— Знаешь, ведь всего не предусмотритишь, - сказал Джо.

- Ты ничего не можешь предусмотреть, - ответила супруга. - Ты как правительство. Ну-ка! Приподними одеяла, пока я приложу бутылки к ногам. Боже мой! Да у него тут... - И она вытащила все пять газет, лежавших на различных частях тела мистера Левендера. - Ну, Джо Петти, я еще никогда не видела, чтобы кто-нибудь находил столь неподходящие места для вещей.

- Газеты тоже греют, - сказал Джо.

Мистер Левендер, который, очутившись в постели, тотчас же впал в беспамятство, вдруг пошевелился, и с губ его слетели слова:

- Пять против одного, один против пяти.

- Что это он говорит? - спросила миссис Петти, подтыкая хозяину одеяло.

- Это шансы Канделябры на Дерби.

- Только вера, - выкрикнул мистер Левендер, - может безгранично усилить...

- Унеси это прочь! - пробормотала миссис Петти и, скомкав газеты, сунула их Джо.

- Вера! - повторил мистер Левендер и задремал.

- Эта новая болезнь, - проговорил Джо, - как ты думаешь, она заразная? Мне самому что-то не по себе.

- Вздор! - отрезала супруга. - Забери газеты, вон ту кость и уходи сам, уведи Блинк и посиди на месте. Это единственное, на что ты способен. Другого такого ветрогона, как ты, днем с огнем не сыщешь.

- Ну, я как-то не умею ни о чем заботиться, - проговорил Джо уже в дверях, - у меня это не получается. Пока!

И он удалился, таща Блинк за ошейник.

Оставшись наедине с больным, миссис Петти - рьяная поборница чистоты и свежего воздуха - опустилась на колени и, выбрав обуглившиеся волоски по краям отверстия в ковре, распахнула настежь окно, чтобы запах паленого поскорее выветрился из комнаты.

"Если бы не я, не знаю, что с ним стало бы", - подумала она, высовываясь из окна.

На расстоянии нескольких футов от нее раздался голос:

- Надеюсь, ему не хуже? Что говорит доктор?

Осмотревшись в изумлении, миссис Петти увидела юную леди, которая выглядывала из окна напротив.

- Пока ничего не могу сказать, - довольно холодно ответила миссис Петти, - во всяком случае, ничего страшного.

- Это ведь не водобоязнь? - спросила юная леди. - Вы знаете, он же вывалился из окна.

- Что? - спросила миссис Петти.

- Вон там, видите, сирень поломана. Я была бы рада чем-нибудь вам помочь. Я в добровольной первой помощи.

- Благодарю вас, - сухо выговорила миссис Петти, ибо в ней уже начинало просыпаться чувство ревности, к которому она была склонна, - в этом нет необходимости. - И она подумала: "Добровольная, знаем мы таких!"

- Бедняга, - продолжала юная леди. - Как он грохнулся! Это было ужасно смешно. Скажите, а он не... - И она коснулась пальцами лба в том месте, возле которого ветерок шевелил завитки золотистых волос.

Несказанно разъяренная подобным вопросом о человеке, к которому она испытывала то уважение, с каким относятся к своей законной собственности, миссис Петти ядовито ответила:

- О нет, милочка! Он гораздо умнее некоторых!

- Видите ли, я спросила только потому, что он упоминал о каком-то последнем человеке и последнем долларе, - проговорила юная леди как бы про себя, - но, разумеется, это еще не признак помешательства. - И она внезапно разразилась звонким серебристым смехом.

Что-то защекотало левое ухо миссис Петти, и, обернувшись, она обнаружила, что рядом стоит ее хозяин в халате.

- Оставьте меня, миссис Петти, - проговорил он с таким достоинством, что она невольно отпрянула. - Быть может, вам

покажется не деликатностью моя попытка вновь оправдаться перед вами, - продолжал мистер Левендер, обращаясь к юной леди, - но, будучи общественным деятелем, я страдаю от сознания, что нарушил этикет, приличествующий моему положению.

- А не лучше бы вам спокойно полежать в постели? - услышала миссис Петти голос юной леди.

- Моя дорогая юная леди, - ответил мистер Левендер, - мысль о постели приводит меня в ужас. Разве может быть в наши дни что-нибудь более позорное, чем смерть в собственной постели?

- Да я прошу вас жить, а не умирать в постели, - сказала юная леди; миссис Петти схватила хозяина за полу халата.

- Прочь, Блинк, прочь! - отмахнулся мистер Левендер, еще больше высовываясь из окна.

- Ради всего святого, - взвизгнула юная леди, - не упадите еще раз, не то я лопну.

- Ах, поверьте мне, - проговорил мистер Левендер слабым голосом, ни за что на свете я не причиню вам боли.

Напрягая все силы, миссис Петти оттащила мистера Левендера от окна.

- Как вам не стыдно, сэр, в халате разговаривать с молодыми девицами! сказала она сурово.

- Миссис Петти, - загадочно проговорил мистер Левендер, - все могло бы быть гораздо хуже. Мне хочется чаю с лимоном.

Приняв это за признак возвращающегося рассудка, миссис Петти осторожно довела его до кровати и, когда он улегся, подоткнула одеяло, говоря:

- Надеюсь, сэр, теперь вы не нарушите слова.

- Ни один общественный деятель... - начал мистер Левендер.

- Вот горе! Обещайте мне, что вы будете спокойно лежать в постели, пока я готовлю чай.

- Даю вам слово, - ответил наш герой, - ибо я чувствую некоторую слабость.

- Вот и хорошо, - сказала миссис Петти, - я вам верю. - И, закрыв окно на шпингалеты, она выбежала из комнаты и заперла за собой дверь.

Мистер Левендер лежал, уставясь в потолок, и щелкал пересохшим языком.

"Боже, - думал он, лишь тебя, боже, должно вспомнить в тот час, когда отечество в опасности, хвала тебе, боже, за то, что ты создал Красоту! Но я не позволю ей обезоружить мою душу. Лишь когда дело человечности восторжествует, лишь когда мечом и пулей священной мести мы истребим тот преступный народ, лишь тогда я почувствую себя вправе впустить Красоту в свою обитель".

И выпив стакан чаю, который миссис Петти поднесла к его губам, он мгновенно погрузился в глубокий сон.

VI

...СОВЕРШАЕТ ОШИБКУ И ВСТРЕЧАЕТ ЛУННУЮ КОШЕЧКУ

Престарелая леди по фамилии Синкин, которая так заинтересовалась мистером Левендером, жила в своей крепости во Фрогнале; с нею там обитал молодой племянничек, мальчик лет сорока пяти, неразлучный с Опекунским советом. Именно благодаря ее рассказам он и появился у мистера Левендера на следующий же день и, послав визитную карточку, был введен к нашему герою.

Мистер Левендер, бледный, негнувшийся, сидел в своем кабинете и читал очередную речь; Блинк лежала у его ног.

- Простите великодушно, что не могу встать, сэр, - сказал он, - прошу вас, садитесь.

Племянничек, у которого было сонное, лишенное растительности лицо с маленькими раскосыми глазками, поклонился и, усевшись, несколько озадаченно посмотрел на мистера Левендера.

- Я пришел сюда, - выговорил он наконец, - чтобы задать вам несколько вопросов по поручению...

- Ради бога, - сказал мистер Левендер, сразу сообразивший, что его интервьюируют. - Я счастлив изложить вам свои взгляды. Прошу вас, возьмите сигарету, - кажется, ведь так полагается. Сам я не курю. Если вас интересуют какие-то личные моменты моей биографии, то вам будет небезынтересно узнать, что я бросил курить, когда убедился, что это дурное пристрастие расшатывает нервы наших героев, находящихся в окопах. Подавая пример воздержания и этим самым высвобождая какое-то количество табака для солдат, я чувствовал, что исполняю свой долг. Впрочем, не пишите об этом, пожалуйста. И поскольку уж мы говорим о моей личной жизни, что я, разумеется, не очень одобряю, вы можете взглянуть на портрет моего отца - вон там, за дверью, и на портрет моей матери - над камином.

Простите, что я не могу сопровождать вас. Дело в том, что - это тоже любопытный штрих - я довольно-таки часто подвержен прострелу. - И увидев, что племянничек Синкин, поднявшийся по его приглашению, стоит перед ним в нерешительности, он добавил: - Быть может, вам хотелось бы как следует рассмотреть мои глаза? Порою в них блещет почти сверхъестественное провидение. - К изображаемой минуте всякая скромность оставила его, ибо он некоторым странным образом вдруг отождествил себя с газетой, от которой его интервьюировали. - Мне пятьдесят восемь, - быстро добавил он, - но на вид мне не дашь моих лет, хотя мои густые вьющиеся волосы преждевременно поседели, как это часто бывает с людьми, привыкшими к напряженной умственной работе. Маленький домик, утопающий в зелени, - отнюдь не грандиозный дворец, - вот фон, на котором действует эта исключительно интересная личность. Кошки оставляют следы на лужайках сада, а любовь его владельца к животным как нельзя лучше демонстрирует овчарка, которая лежит у его ног, обутых в турецкие туфли. Встань, Блинк!

Блинк, потревоженная движением хозяйской ноги, встала и томно посмотрела ему в лицо.

- Взгляните, - сказал мистер Левендер, - у этой овчарки самые прекрасные глаза в мире!

При этом замечании, показавшемся племянничку ничуть не более здравым, чем все остальные, - столь неверное представление сложилось у него о мистере Левендере - он закрыл блокнот, который было извлек из кармана, и сказал:

- Было ли у вас в семье что-нибудь... гм... замечательное?

- Безусловно, - ответил мистер Левендер, - рожденный в бедной, но благородной семье в городе Рочестере, мой отец избрал себе профессию издателя; моя мать была истинной дочерью бардов, отпрыском достопочтенного рода, истоками восходящего к друидам; ее девичья фамилия - Джонс.

- Вот как! - сказал племянничек Синкин, что-то записывая.

- Когда я был маленьким, она неоднократно рассказывала мне, что ее семья испокон веков отличалась неколебимым патриотизмом, - продолжал мистер Левендер.

- А она не умерла от... от...

- Нет, разумеется, - прервал его мистер Левендер, - она жива до сих пор.

- Вот как! - сказал племянничек. - А ваши братья и сестры?

- Один из моих братьев, - ответил мистер Левендер с вполне простительной гордостью, - главный редактор "Разжеванных Новостей". Другой священнослужитель.

- Занятно, - рассеянно пробормотал племянничек, - Скажите мне, мистер Левендер, не слишком ли переутомляет вас ваша деятельность? Она не влияет на... - И он коснулся пальцем своего темени, покрытого лоснящимися черными волосами.

Мистер Левендер вздохнул.

- В эпоху, подобную нашей, - проговорил он, - мы все должны жертвовать своим здоровьем. Как вам известно, ни один общественный деятель сегодня не может сказать, что его голова принадлежит ему. Я бы счел себя дезертиром, если бы не принял эту истину за... гм... истину.

- Не принял... эту... истину, за истину, - повторил племянничек, торопливо занося высказывание в блокнот.

- Он продолжает, - забормотал мистер Левендер, вновь отождествивший себя с газетой, - самоотверженно бороться за решение этой сложнейшей, запутаннейшей проблемы, он счастлив при мысли, что все - даже самый рассудок - готов принести в жертву на алтарь долга. Общество может спать спокойно, ибо он не прекратит своей борьбы, пока не окажется на щите. - И подсознательно уловив, что этими словами и следует закончить интервью, мистер Левендер умолк, причем вид у него был довольно испуганный.

- Понимаю, - сказал племянничек, - премного благодарен. Ваша собака не кусается? - спросил он, потому что Блинк тихо и зловеще зарычала.

- Это - самое добродушное существо на свете, - ответил мистер Левендер, - и к тому же самое общительное. Я иногда думаю, - продолжал он изменившимся голосом, - что мы все сошли с ума и что лишь животные сохраняют благословенный разум, который некогда считался чисто человеческой добродетелью. Не записывайте это, - быстро добавил он, - у всех бывают минуты слабости. Это было лишь obiter dictura {Случайное замечание (лат.)}.

- Не беспокойтесь, - сказал племянничек, вставая, - мне это высказывание и не пригодилось бы. Еще один вопрос, мистер Левендер...

В это мгновение Блинк, которая давно почувяла, что этот высокий полный человек, от брюк которого не пахнет собаками, пришел сюда с дурным умыслом, увидела, что он подошел слишком близко, и осторожно куснула его за икру.

Племянничек рванулся назад.

- Она укусила меня, - шепотом сообщил он.

- Боже мой! - воскликнул мистер Левендер, безуспешно пытаясь подняться, ибо тело его утратило всякую гибкость. - Возможно ли это? Наверно, на это есть веская причина. Блинк!

Блинк помахала хвостиком, ткнулась носом в руку хозяина и, повернувшись к гостю, опять зарычала.

- Она вполне здорова, уверяю вас, - поспешно добавил мистер Левендер, нос у нее холодный.

- Она укусила меня, - повторил племянничек, задирая штанину. - Следов нет, но она точно укусила меня.

- Это же сокровище! - проговорил мистер Левендер, стараясь пробудить в госте симпатию к собаке. - Вы заметили, какие темные у нее зрачки и какие белые белки? Она превосходно воспитана. Блинк!

Понимая, что о ней говорят, Блинк разрывалась между желанием помахать хвостиком и зарычать. Не придя ни к какому решению, она тяжело вздохнула и улеплась на бок у ног хозяина.

- А какая это прекрасная овчарка, - продолжал мистер Левендер, - то есть она бы замечательно стерегла овец, если бы ей позволить. Посмотрели бы вы, как она строга с овцами. Они ее просто не переносят.

- Я еще загляну к вам, - кисло сказал племянничек.

- Благодарю вас, - ответил мистер Левендер, - я был бы счастлив прочитать гранки; так, мне кажется, будет надежнее.

- До свидания, - сказал племянничек.

Только Блинк усмотрела зловещий смысл в словах гостя и, увидев, что он направляется к двери, стала громко лаять и забегать то слева, то справа, как будто гость был стадом овец.

- Заберите ее! - взволновался племянничек. - Заберите ее! Я не хочу, чтобы она опять укусила меня.

- Блинк! - со страданием в голосе позвал мистер Левендер.

Блинк, отличавшаяся необычайной послушностью, тотчас возвратилась, и мистер Левендер положил ей руку на ошейник. Она рычала до тех пор, пока шаги племянничка не замерли в отдалении.

"Никак не могу понять, - размышлял мистер Левендер, - почему она так странно отнеслась к этому безупречному журналисту. Быть может, он как-то не так пахнет? Кто знает!"

И, прижав ее усатую морду к своему подбородку, мистер Левендер стал искать разъяснения в невинном и живом мраке собачьих глаз.

Оставив мистера Левендера, племянничек незамедлительно возвратился во Фрогнальскую крепость и поспешил к тетушке.

- Тетя Розы, он совершенно ненормальный, а его собака укусила меня.

- Эта милая собачка?

- От собак лучше подальше.

- Ты всегда как-то странно относишься к собакам, дружок, - утешила его тетушка. - Вот смотри, даже наша Сили недолюбливает тебя. - Она призвала свою маленькую беленькую собачку, на которую племянничек не обратил никакого внимания.

- Ты не заметил, как он одет? В первый раз я приняла его за пастуха, во второй... Как ты думаешь, что надо сделать?

- За ним нужен присмотр, - сказал племянничек. - Нельзя, чтобы сумасшедшие свободно разгуливали по Хемпстеду.

- Но, Уилфрид, - возразила престарелая леди, - хватит ли в Англии мужчин для того, чтобы следить друг за другом? Вообще говоря, я сама могла бы присмотреть за ним. Я так полюбила его очаровательную собачку!

- Постараюсь помочь, - сказал племянничек.

- Нет, не надо. Я зайду к его соседям. Это семейство Скарлет. Они, без сомнения, знают его. Сначала надо все обдумать.

Племянничек, ворча и ощупывая укушенную икру, удалился в свой кабинет. А престарелая леди, надев шляпу, мирно отправилась в путь, на сей раз без маленькой беленькой собачки.

Прибыв к крепости, которая утопала в кустах акации и калины, она спросила у горничной, открывшей дверь:

- Могу я видеть миссис Скарлет?

- Нет, - равнодушно ответила горничная, - она умерла.

- А мистера Скарлета?

- Нет, - ответила горничная, - он майор.

- О боже! - воскликнула престарелая леди.

- Дома мисс Изабел, - сказала горничная, которая, подобно большинству людей в военное время, оказалась простодушной и откровенной. - Она в саду. И выпустила престарелую леди в сад через стеклянную дверь.

В дальнем конце сада под акацией миссис Синкин увидела юную леди в голубом, которая с сигаретой во рту и желтой книжкой в руках лежала в гамаке. Она приблизилась к ней, думая:

"Боже мой, как она удобно устроилась, и это в такое время!"

И, склонив голову набок, она проговорила с улыбкой:

- Моя фамилия Синкин. Надеюсь, я не потревожила вас?

Юная леди порывисто поднялась.

- О нет! Нисколько.

Я искренне восхищаюсь людьми, у которых на все хватает времени, сказала престарелая леди.

Юная леди блаженно потянулась.

- Отдыхаю перед тем, как отправиться на работу в очередной госпиталь. Садитесь, - сказала она, указывая на гамак. - Тут удобно. Хотите сигарету?

- Боюсь, что я слишком стара и для гамака и для сигареты, - сказала престарелая леди, - впрочем, мне частенько казалось, что они удивительно успокаивают. Я хотела бы поговорить с вами о вашем соседе.

Юная леди широко раскрыла свои большие серые глаза.

- Ах! - сказала она. - Он очарователен.

- Я знаю, - сказала престарелая леди, - и у него еще такая чудная собачка. Мой племянник очень интересуется ими. Быть может, вы слышали о нем - Уилфрид Синкин, чрезвычайно умный человек, член многих комитетов.

- Неужели? - сказала юная леди.

- Да, да! У него такая голова, что его не может смутить ничто на свете, это так ценно в наше время.

- А какое у него сердце? - спросила юная леди, выпуская колечко дыма.

- Столь же благоразумное. Вероятно, мне не следовало бы этого говорить, но он прямо-таки совершенство.

- Это потому, что он не врач! Вы себе представить не можете, как эти врачи действуют на нервы. Со многими я чуть не дралась. В конце концов они меня заклеямили.

- Не может быть! В какое место? Я до сих пор думала, что клеймят только лошадок. Как вы прелестно смеетесь! Знаете ли, в наши дни так отрадно услышать смех.

- А по-моему, все только и делают, что смеются! Я хочу сказать, что на моем месте ничего другого и не придумаешь - хоть помирай!

- Вероятно, вы чересчур мрачно смотрите на вещи, - успокоила ее престарелая леди. - Но вернемся к вашему соседу. Как его фамилия?

- Левендер. Но я зову его дон Пиквихот.

- Что вы говорите! Вероятно, вы замечали, он бывает довольно эксцентричен.

- Это зависит от того, как понимать эксцентричность. Скажем, гуляние в ночной рубашке? Понимаете, я не знаю, что вы считаете нормой.

Престарелая леди уже было ответила ей, но вдруг из соседнего сада донесся голос:

- Блинк! Не трогай эту милую лунную кошечку!

- Тс! - шепнула юная леди и, схватив гостью за руку, энергично потянула ее под акацию. Скрытые тонкими густолиственными ветвями, они сквозь щели в живой изгороди из жасмина увидели маленькую серебристую кошечку, готовую вскорости принести котят, которая подавала лапку совсем по-собачьи и смотрела своими светлыми глазками на мистера Левендера, стоявшего посреди лужайки со своей Блинк.

- Если увидите, что я сейчас не выдержу и расхохочусь, ущипните меня посильнее, - прошептала юная леди.

- О лунная кошечка, - повторил мистер Левендер, - скажи, откуда ты? И чего ты желаешь, протягивая мне свою лунную лапочку? И как странно звучит твой голос, уточка ты моя.

Звуки, издаваемые кошечкой, действительно отдаленно напоминали тихое кряканье. Она приблизилась к мистери Левендеру, обошла вокруг его ботинок и потерлась о Блинк, проведя своим задраным серебристым хвостом по ее носу.

- Это необыкновенно, - услышали они голос мистера Левендера. - Я бы погладил ее, если бы мне не было так трудно нагнуться. Как это мило, о лунная кошечка, что ты подружилась с моей игрушкой! Разве есть что-нибудь на свете милее, чем дружба кошки и собаки!

Престарелая леди, страстная любительница животных, была так растрогана этими словами, что по ошибке ущипнула юную леди в бок.

- Пока еще рано! - задыхаясь, прошептала та. - Слушайте!

- О лунная кошечка, - продолжал мистер Левендер, - в твоих золотых глазах светится счастливая Аркадия. Я верю, ты пришла к нам для того, чтобы показать, как далеки мы от нее. - И, не в состоянии наклониться к кошечке, чтобы погладить ее, мистер Левендер стал потихоньку опускаться на траву. Бог Пан умер, - сказал он, усевшись и положив ногу на ногу, - и Христа тоже нет в живых. О лунная кошечка!

Кошечка положила голову ему на ладонь, а Блинк ткнулась ему носом в губы.

- Ой, я сейчас чихну, - зашептала странно растроганная престарелая леди.

- Потяните себя за верхнюю губу сильнее, пока она не станет как у германской императрицы, и считайте до девяти - пробормотала в ответ юная леди.

Пока престарелая леди тянула себя за губу, мистер Левендер снова заговорил:

- Жизнь в наше время - это цепь взрывов. Благовоспитанность исчезла, красота стала недостижимой мечтой. Когда у тебя будут котята, о лунная кошечка, воспитай в них добрую волю, научи их любить молоко, собачек и солнце.

Лунная кошечка, которая сидела уже у него на плече, провела кончиком хвоста по его подергивающейся правой брови, а ревнивая Блинк тотчас жадно лизнула хозяина в левую скулу. Одной рукой мистер Левендер гладил кошечку по голове, другой играл завитками, спадающими на лоб Блинк; и наши наблюдательницы могли видеть его сияющие глаза и взъерошенные волосы.

- Как это дивно! - пробормотала престарелая леди.

- Ущипните меня, - прошептала юная, - пониже, сильнее! О-о!

- О лунная кошечка, - продолжал мистер Левендер, - приди к нам и будь с нами! Принеси нам котят в ванной комнате и позабудь этот

кровавый железный век.

И юная и престарелая леди вытирали слезы, выступившие у них на глазах, но вдруг сильно изменившийся голос мистера Левендера заставил их удвоить внимание. Его лицо внезапно стало напряженным и обеспокоенным.

- Никогда, - проговорил он, - никогда мы не примем доктрины наших общих врагов. Сила не есть право, джентльмены. Поднявший меч от меча и погибнет. Железом и кровью мы истребим это вредоносное племя. В их стране не останется камня на камне, ни одного мирно спящего ребенка. Мы восстановим законы человеколюбия и для этого, если нужно, пройдем через кровавые реки и железные горы.

- Кого это он называет джентльменами? - прошептала престарелая леди.

Но Блинк, взволнованно лизнув мистера Левендера в губы, установила столь полную тишину, что юная леди не отважилась ответить. Паузу прервало мурлыканье.

- Прочь, Блинк, прочь! - сказал мистер Левендер. - Посмотри, какие прекрасные манеры у этой лунной кошечки! Мы все можем поучиться у нее, как себя вести. Видишь, как красиво просвечивают ее ушки?

Заметив птицу, кошечка спрыгнула с плеча мистера Левендера, замерла и стала следить за ней; шевелился лишь кончик ее хвоста.

- Она бы хотела полакомиться птичкой, - сказал мистер Левендер, вставая, - но мы лучше пойдем домой и дадим ей молочка...

- Я думаю, он совершенно нормален, - прошептала престарелая леди, разве что по временам на него находит... как вы полагаете?

- Прекраснейшая печать! - внезапно воскликнул мистер Левендер: на глаза ему попала лежащая в отдалении газета, которая выпала у него из кармана. Прекраснейшая печать! Я могу прочесть даже отсюда: "Когда враг рода человеческого говорит "Бог", он богохульствует! Как это не похоже на нас!" И, оторвав взгляд от газеты, он устремил его, как показалось взволнованным слушательницам, на дерево, под которым они скрывались. - Да! Те невидимые существа, которым открыты сокровенные помыслы наших сердец, знают, что даже самый отпетый джингоист может с полным правом сказать: "Я лучше их". О лунная кошечка, пойдем же!

И он направился к дому, бормоча и щелкая языком, Блинк сопровождала его.

- Он что, имел в виду нас? - тревожно спросила престарелая леди.

- Нет, это как раз на него нашло. Он ведь не совсем сумасшедший, он только так, помешанный.

- Разве есть какая-нибудь разница, дорогая моя?

- Ну, знаете ли, мы все помешаны на чем-нибудь, вся штука только в том, на чем именно.

- На чем же он помешан?

- Он, видите ли, получил сообщение. По воздуху. Никогда в жизни не получала сообщений по воздуху, - сказала престарелая леди.

- Вероятно, это потому, что я все время провожу у себя дома, разве что хожу собирать лекарственный мох.

- Это ничего. Еще получите.

- Ну хорошо. Я расскажу племяннику обо всем, что здесь увидела, сказала престарелая леди. - До свидания.

- До свидания, - ответила юная леди, и, подняв с травы желтую книжку, она опять удобно устроилась в гамаке и зажгла погасшую сигарету.

VII

...ПОСЕЩАЕТ РЕДАКТОРА И ОТЫСКИВАЕТ КРЕСТЬЯНИНА

Лишь через несколько дней после падения из окна тело мистера Левендера начало приобретать утраченную гибкость, столь необходимую для возвращения к общественной жизни. Тем не менее он проводил время с пользой, поглощая газеты и преисполняясь вдохновением.

Во вторник утром, вспомнив, что ему до сих пор не прислали гранок интервью, и решив, что он не может более пренебрегать столь важным делом, он направил стопы в редакцию выдающейся газеты, от которой как он понял, исходя из чисто оккультных расчетов, - и приходил корреспондент. В каменном подъезде он спросил какого-то молодого человека, как найти редактора, молодой человек внимательно посмотрел на него и сказал:

- Ах, сэр, это вы! Редактор вас ожидает! Не подниметесь ли наверх?

Обрадованный тем, что его ожидают, мистер Левендер поднялся по лестнице. Молодой человек провел его через несколько вертящихся

дверей в приемную, где молодая женщина печатала на машинке.

- Одну минуточку, - сказал молодой человек и исчез за следующей дверью. Из-за двери донесся приглушенный голос, и почти тотчас мимо мистера Левендера в колонну по одному прошагали вышедшие оттуда четыре распираемых смехом джентльмена с блокнотами в руках.

- Прошу вас, сэр, - сказал молодой человек. Мистер Левендер вошел в просторную комнату с почти роскошной обстановкой, где седовласый господин с длинной верхней губой и туманным взором возлежал в кресле за письменным столом и курил сигару. Увидев посетителя, он встал и протянул руку.

- Рад вас видеть, сэр, - сказал он. - Садитесь. Вы курите?

Мистер Левендер покачал головой и присел на кончик стула с зеленой кожаной обивкой. Снова развалившись в кресле, редактор в знак уважения к мистеру Левендеру положил ногу на ногу и, уткнув подбородок в грудь, заговорил:

- Относительно вашей статьи. Единственная помеха, разумеется, в том, что я сейчас из номера в номер печатаю эту штуку об англичанах в плену большой успех! Вероятно, вы видели?

- Да, конечно, - ответил мистер Левендер, - я читаю вас ежедневно.

Редактор сделал жест, показывающий, что он польщен, и, еще сильнее уткнув подбородок в грудь, продолжал:

- Может быть, это будет идти еще неделю, может быть, кончится завтра ничего не предугадаешь. Но пока я получаю горы писем. Огромный читательский интерес.

- Да, да, - подтвердил мистер Левендер, - это весьма важно.

- Конечно, мы могли бы напечатать и это и ваше одновременно. Но боюсь, они убьют друг друга. Все же...

- Я бы не хотел... - начал мистер Левендер.

- Знаете ли, я убежден, что публике надо давать только то, чего она хочет, - продолжал редактор. - Полагаю, лучше поговорить с редактором последних известий, - и он подул в рожок. - Пришлите мне мистера Трескинсона. Ваше дело чрезвычайно важно, сэр. Думаю, что мы начнем печатать вас с четверга. Да-да, следует ожидать, что к тому времени публике надоедят англичане в плену.

- Но не заставляйте меня... - начал мистер Левендер.

Взгляд редактора на секунду прояснился.

- Вы хотите отнести это куда-нибудь еще, если мы... Прекрасно! Итак, я думаю, мы будем печатать их одновременно. Послушайте, мистер Трескинсон, мистер

Левендер увидел человечка, похожего на Бетховена, который хмуро смотрел, из-под очков, - как по-вашему, можем мы печатать о немецких пленнх одновременно с английскими или же они убьют друг друга?

Изумленный мистер Левендер чуть не упал со стула.

- Вы что... - сказал он. - Разве это?..

Человечек, похожий на Бетховена, икнул и хрипло выговорил:

- Поток писем уменьшается.

- Вот оно что, - пробормотал редактор, - полагаю, мы прикроем эту штуку к четвергу. Новую пустим со вторника. На видном месте, Трескинсон. Это подогреет чувства и направит их. Все к лучшему, все к лучшему. Мнение созрело. - Затем он, казалось, на мгновение засомневался, и его подбородок вновь опустил на грудь. - Не знаю, - бормотал он, - конечно, это может..

- Пожалуйста, - начал мистер Левендер, поднимаясь; человечек в очках снова икнул. Эти два движения, видимо, придали редактору решимость.

- Все в порядке, сэр, - сказал он, тоже поднимаясь, - все в полном порядке. Мы говорим "четверг", и мы рискнем. Четверг, Трескинсон. - И он протянул руку мистеру Левендеру. - До свидания, сэр, до свидания. Рад был видеть вас. Так вы не хотите печатать под своим именем? Впрочем, это не имеет значения, все равно, только вы могли написать так. Фраза закручена превосходно! Вас и так узнают. - И мистер Левендер в сопровождении Трескинсона оказался в приемной.

"Как ошеломляюще быстро он решил все вопросы, - думал он. - И притом не только решал, он все это время отдыхал! Но не произошло ли ошибки?"

Мистер Левендер хотел было спросить об этом у своего спутника, но тот, икнув где-то в отдалении, исчез из виду. Оставшись в одиночестве, мистер Левендер подумал, не стоит ли вновь попроситься на прием к редактору, но в это время четыре джентльмена с блокнотами в руках колонной по одному прошагали в кабинет.

- Моя фамилия Левендер, - решительно сказал он молодой женщине. - Здесь не произошло недоразумения?

- Нет, - ответила она, не поднимая головы.

Мистер Левендер тихонько вышел из приемной.

"Быть может, в интервью я сказал больше, чем сейчас помню, - думал он. - В следующий раз я обязательно потребую гранки. А может быть, они приняли меня за какого-нибудь другого общественного деятеля?"

Но эта мысль была ему настолько неприятна, что он постарался выкинуть ее из головы и вышел на улицу.

В четверг - это как раз был день, когда мистер Левендер собирался возобновить свои ораторские поездки - он с волнением раскрыл уже упоминавшуюся выдающуюся газету. На первой же странице над третьим столбцом стоял заголовок: "Великий Деятель призывает нас исполнить долг". Статья, занимавшая один столбец драгоценной газетной полосы, начиналась призывом столь волнующим, что, не прочитав и двадцати строк, мистер Левендер совершенно убедился в том, что ее автор не кто иной, как он сам; скажи ему кто-нибудь, будто данное излияние чувств не принадлежит ему, он тотчас же объявил бы сказавшего это лжецом. Статья бросала читателя в жар и в холод и заканчивалась страстным призывом к англичанам уморить голодом всех германских военнопленных. Сияя от восторга, мистер Левендер положил газету на стол.

"От слов я перейду к делу, - подумал он, - я немедленно поеду в какой-либо сельский район, где работают пленные немцы, и добьюсь, чтобы наши крестьяне исполнили свой долг".

От волнения позабыв позавтракать, он сунул газету в карман, надел пыльник и широкополую шляпу и вышел к поданному автомобилю, в котором уже сидела Блинк, не успевшая позабыть печальный опыт недавнего путешествия.

- Мы поедем в сельскую местность, Джо, - сказал он, влезая в автомобиль.

- Отлично, сэр, - ответил Джо, и, не замеченные населением, они углубились в море жаркого июньского утра.

- Что же дальше, сэр? - спросил Джо после трехчасовой езды. - Мы вроде приехали.

Мистер Левендер, завороженный красотой сменявшихся пейзажей, очнулся от грез и сказал:

- Я ищу германских военнопленных. Джо, когда вы увидите крестьянина, остановитесь.

- Какого сорта крестьянина? - спросил Джо.

- Разве они бывают разных сортов? - улыбаясь, возразил мистер Левендер.

Джо подмигнул.

- Вы никогда не жили в деревне, сэр?

- Не более, чем по несколько недель, Джо, если не считать Рочестера. Разумеется, я прекрасно знаю Истберн.

- Я знаю Истберн насквозь, - сказал Джо, уклоняясь от темы разговора, я там однажды был официантом.

- Жизнь официанта, вероятно, очень интересна.

- Еще бы. Только терпением запастись приходилось. Говорят, терпеливым все в жизни дается. А насчет крестьян вы узнаете много неожиданного, сэр.

- Я всегда готов к этому, Джо, ведь представить в деталях все разнообразие общественной деятельности просто невозможно.

- Я вам сейчас расскажу о крестьянах. Мне как-то пришлось путешествовать на своих двоих.

- И чем вы только не занимались, Джо!

- Что верно, то верно, сэр. Я был моряком, бродячим торговцем, официантом, рабочим сцены, кочегаром, и я не знаю, что из этого можно назвать тепленьким местечком. Но опять же о крестьянах: есть старый английский тип, такой ходит в плисовых штанах, - обходите его подальше, может укусить. Есть современный научный фермер, но, чтобы найти такого, нам пришлось бы поискать недельку. И есть жалкий, обшарпанный мужичонка, не думаю только, чтобы такой мог вам пригодиться.

- Что же мне делать? - спросил мистер Левендер.

- Закусить, - ответил Джо.

Мистер Левендер вздохнул: чувство голода в нем боролось с чувством долга.

- Мне бы хотелось сначала отыскать крестьянина, - сказал он.

- Ладно, сэр, мы подъедем вон к тем букам, вы там походите, поищите, а я тем временем приготовлю завтрак.

- Это превосходная мысль.

- Еще одна вещь, - сказал Джо, когда его хозяин собрался на поиски, не принимайте каждый дом за ферму. Это теперь в основном коттеджи нашей знати, в них живут одни психи.

- Я буду очень осторожен, - заверил мистер Левендер.

"О прекрасная земля! --думал он, удаляясь от буков в сопровождении Блинк. - Как радостно видеть, что под влиянием военной необходимости ты вновь даешь нам обильные урожаи! Наш крестьянин, безусловно, должен чувствовать себя счастливым человеком, ибо он благородно трудится на благо отечества, позабыв о собственном благосостоянии. Как дружно цветут эти бобы! - размышлял он, глядя на картофельное поле. - Раз уж я здесь, я должен призвать крестьян не только исполнить долг по отношению к пленным немцам, но и увеличить производство продуктов питания". - Блинк!

Блинк задержалась у ворот, мимо которых он уже прошел. Возвратившись к собаке, мистер Левендер увидел, что мудрое животное смотрит сквозь штакетины на спину крестьянина, который неподвижно стоит на поле ярдах в тридцати от ворот.

- Скажите, вы не... - живо начал мистер Левендер. - У вас работают германские военнопленные, сэр?

Крестьянин, видимо, не слышал его слов.

"Это, должно быть, старый английский тип, флегматик", - подумал мистер Левендер.

Крестьянин, который действительно был в котелке и плисовых штанах, продолжал озирать свои владения, даже не поглядев в сторону мистера Левендера.

- Я хочу задать вам вопрос, сэр, - сказал мистер Левендер погромче. Но как бы патриотически ни увлекал вас вид возделанной вами земли, все же нет оснований быть невежливым.

Крестьянин и ухом не повел.

- Сэр, - вновь заговорил исполненный терпения мистер Левендер, - хотя я слышал, что изо всех людей на свете английский крестьянин менее всего поддается воздействию новых идей, я никогда не верил этому; и я убежден, что стоит вам меня выслушать, как все ваши взгляды на будущее сельского хозяйства Англии в корне изменятся.

Ему внезапно пришло в голову, что не скоро еще может представиться случай сказать перед сельской аудиторией речь об увеличении производства продуктов питания, не мог же он упустить такой случай. Крестьянин тем не менее по-прежнему стоял к нему спиной, уделяя его словам внимания не более, чем жужжанию мухи.

- Вы обязаны меня выслушать, - закричал мистер Левендер, бессознательно подражая некоему оратору прошлого, и, уловив, как ему показалось, звуки хихиканья, он выбросил правую руку вперед и воскликнул:

- Трава, джентльмены, трава - вот основа основ. Мы взяли за рукояти плуга, - при этих словах его воображение взыграло, и он продолжал свою речь голосом, рассчитанным на огромную толпу крестьян, которые, как ему казалось, стояли к нему спиной, - и мы не выпустим: их до тех пор, пока каждый акр нашей родины не будет распахан. В будущем мы должны прокормить не только себя, но и наших собак, наших лошадей, наших детей, мы должны вернуть нашей стране ее былую славу в области древнейшего труда. Не пытайтесь возражать мне, - продолжал он, очаровательно улыбнувшись, ибо вспомнил, что, говоря с сельской публикой, надо проявлять добродушие, - и не пытайтесь намазывать мне хлеб маслом, потому что в будущем нам придется подумать и о маргарине. Одним словом, давайте оставим все предрассудки и отринем малодушие, пока наша страна вновь не расцветет, как сплошное пшеничное поле с несметными стадами коров. Господи, я вообще не против традиций, только сначала давайте решим стоящую перед нами проблему, не отступая ни на шаг от великих принципов Свободной Торговли, Частной Собственности и Личной Свободы, которые превратили наши города в огромнейшие, населеннейшие и богатейшие места под солнцем, которое, как известно, никогда не заходит над Британской империей. Нам следует постоянно изучать эту проблему в деталях и в целом, только тогда мы добьемся полного переворота в жизни страны, не пожертвовав ни одним принципом и ни единым пенни. Верьте мне, джентльмены, мы непременно добьемся того, что наши волки будут сыты и овцы целы.

Мистер Левендер перевел дух, и в глазах его запрыгали заголовки завтрашних газет с его речью: "Кризис" - "Волки сыты и овцы целы" "Важнейший вывод". Ветер, несколько окрепший за время речи

мистера Левендера, вздул в этот миг одежду крестьянина, и она издала звук, похожий на шорох, пробегающий по взволнованной аудитории.

- Ах! - воскликнул мистер Левендер. - Я вижу, что взволновал вас, джентльмены. Клеветники, кто называет вас равнодушными! Да и разве вы не становой хребет отечества, заключающий в себе спинной мозг, по которому проходят соки, питающие головной мозг? И разве вы не сразу же откликнетесь на призыв, столь простой и столь жизненно важный? Уверяю вас, джентльмены, здесь нечего раздумывать, чем меньше вы будете думать, тем лучше, ибо раздумья лишь уменьшили бы вашу решимость и отвлекли бы вас от поставленной цели. Ваш долг - смело идти твердой поступью вперед, идти, пылая очами. Лишь так победим мы нашего общего врага.

Выкрикнув эти слова, мистер Левендер вдруг остановился, как часы, в которых кончился завод, и протер глаза.

Блинк, во время речи хозяина рыскавшая по полю, встретила неведомое ей четвероногое, называемое кроликом, и, в ужасе бросившись прочь от него, ткнулась в ноги крестьянину, отчего его штаны упали наземь, обнажив палки, на которых они держались. Увидев это, мистер Левендер громко воскликнул:

- Сэр, вы обманули меня. Я принял вас за человека. Теперь я вижу, что вы самовлюбленный автомат, занятый лишь своими делами и лишенный малейшей частицы патриотического чувства. Прощайте же!

VIII

...МОРИТ ГОЛОДОМ НЕМЦЕВ

Расставшись с пугалом, голодный мистер Левендер приходил в отчаяние от того, что не встретил ни одного пленного немца. И вдруг он увидел перед собою небольшой карьер и в нем трех человек. У этих одетых в грубые куртки, насквозь пропыленных рабочих было в лице нечто столь безошибочно тевтонское, что мистер Левендер остановился как вкопанный. Они не придали его появлению никакого значения, а может, не заметили его совсем, и продолжали мрачно и молчаливо просеивать щебенку. Мистер Левендер уселся напротив них на придорожный камень, и сердце его сжалось.

"Какие они худые и грустные! - подумал он. - Я бы ни за что не хотел оказаться в плену вдали от родины, среди враждебного народа,

где ни одна женщина не улыбнется тебе и ни одна собака не помашет хвостом. Бедняги! Хотя и необходимо ненавидеть немцев, все же, мне кажется, нельзя забывать, что все мы люди. Это слабость, - сдерживал он себя, - которой ни один редактор не допустит ни на секунду. Я должен бороться с ней, если хочу исполнить свой долг и убедить наш народ морить их голодом. Но у них уже такой голодный вид, такие впалые щеки! Я должен быть твердым. Быть может, дома у них есть жены и дети, которые сейчас думают о них. Но в конце концов они же гунны. Как это сказал наш великий писатель? "Червь - существо не более достойное сожаления, чем тигр или крыса". Как это верно! И все же... Блинк! - Собака, сидевшая перед ним, глядела на него с пристальностью, изобличавшей желание поест. Да, - продолжал мистер Левендер, - жалость - свойство слабых. Этот порок был некогда - широко распространен в нашей стране; война произвела в нас по крайней мере одну благодетельную перемену - мы все более приближаемся к мужественной, ничего не прощающей натуре тигра и крысы! Да здравствует жестокость! Вот единственный полезный урок, который нам преподали германцы, мы ведь совсем позабыли искусство быть жестокими. О, какой опасности мы подвергались! Слава богу, сегодня в наших рядах снова стоят знатоки этого дела. - Глубокая морщина появилась у него между бровями. - Да, истинные знатоки! Как я преклоняюсь перед славными газетчиками и великой толпой очевидцев, которые превозмогли жалость, этот пагубный порок. "Гунны должны быть стерты с лица земли, вырваны с корнем, уничтожены в зародыше - в этом главнейший долг великого человеколюбивого народа Британии. Записывайтесь, леди и джентльмены, записывайтесь!" Великие мысли - великие слова! И все же...

Лоб мистера Левендера покрылся испариной; немцы продолжали просеивать щебенку, а Блинк, не отрываясь, глядела на него своими немигающими блестящими глазами.

"Как ужасно быть человеком, - подумал он. - Если бы я был только общественным деятелем и мог бы отринуть все человеческое, индивидуальное, как легко бы мне стало! Когда же ты не только общественный деятель, но к тому же и человек, положение твое затруднительно. У человека есть чувства, и это мешает, мешает! Не должно быть никакой связи между исполнением гражданского долга и

человеческими чувствами! Надо, чтобы ты мог, не дрогнув, уморить голодом своего врага, чтобы ты, не моргнув, мог смотреть, как он тонет. Короче говоря, надо стать настоящим гунном. Мы все должны стать гуннами. Блинк, дорогая, мы все должны быть гуннами! Я должен закалять волю!" - И мистер Левендер отер испарину со лба; хотя его и посетила великая идея, ему все же не хватало зверского героизма осуществить ее. "Мой долг, подумал он, - приказать этим голодным, несчастным людям следовать за мной, чтобы они видели, как я завтракаю. Это мой долг. Боже, придай мне силы! Ибо пока я не принесу в жертву свое мягкосердечие, я недостойн называться общественным деятелем, недостойн печатать свои мысли в газетах. En avant, de Brasy!" {Вперед, де Браси! (франц.)}. Приняв это решение, он поднялся, Блинк тоже встала. Перейдя через дорогу, он стиснул кулаки и визгливым от волнения голосом спросил:

- Голодны ли вы, друзья мои?

Немцы перестали просеивать щебенку и взглянули на него. Один из них кивнул.

- Хотите ли вы пить?

На этот раз все трое закивали головами.

- Следуйте за мной, - сказал мистер Левендер.

И он зашагал по дороге назад, сопровождаемый Блинк и тремя немцами. Дойдя до буков, тени которых показывали, что было уже далеко за полдень, мистер Левендер увидел, что Джо давно уже разложил завтрак на ровной полянке и доканчивает свою долю.

"Что у нас на завтрак? - подумал мистер Левендер, испытывая некий ужас. - У меня такое чувство, словно я собираюсь есть человечину". И он оглянулся на троих немцев, неуклюже топтавшихся позади него.

- Прошу вас, садитесь, - сказал он.

Немцы сели.

- Джо, - обратился мистер Левендер к удивленному шоферу, - подайте мой завтрак. Побольше, побольше, и еще стаканчик пива. - И, став бледнее своего пыльника, он решительно сел на буковый пенек; Блинк расположилась рядом с ним. Пока Джо накладывал паштет на тарелку и наливал стакан пенящегося пива, мистер Левендер смотрел в упор на немцев и испытывал муки осужденного на казнь.

"Я не сдамся, - говорил он себе, - если бог поможет мне, я, конечно, не сдамся. Ничто не помешает мне выполнить мой долг".

И глазами, вытаращенными, как у загнанного кролика, он смотрел на приближающегося Джо с тарелкой и стаканом в руках. Те трое тоже следили за действиями шофера, и, как показалось мистеру Левендеру, на их глазах проступили слезы.

"Смелей!" - приказал он себе, поддевая вилкой кусочек посочнее и отправляя его в рот. Не менее минуты он катал его языком, ибо не мог проглотить, а немцы, не отрываясь, смотрели на него, и в глазах их появилось мрачное удивление.

"Если бы это я был пленным в Германии, - лихорадочно думал, он. - Ну, ну же! Ведь это только первый кусок!" - И, сделав нечеловеческое усилие, он проглотил его.

- Смотрите на меня! - выкрикнул он, обращаясь к немцам. - Смотрите на меня! Меня... меня... меня сейчас вытошнит! - И, оставив тарелку в сторону, он, шатаясь, пошел прочь. - Джо, - бормотал он, - кормите этих бедняков, кормите! Пусть они пьют, пусть едят! - И, выйдя из буков, он изверг все, что только что проглотил, к великой радости Блинк. Затем, отогнав рукой подоспевшего Джо, терзаемый совестью, мистер Левендер ринулся к зарослям орешника и там бросился наземь. Он хотел провалиться сквозь землю.

"Нет, - думал он, - нет, я не создан для общественной деятельности. Я не выдержал первого же испытания. Видел ли мир что-нибудь более отвратительное? Я предал свою страну и бросил тень на общественную деятельность. Эти немцы теперь до отвала наелись паштета и наплотались пива. Я ничтожный трус, недостойный зашнуровывать ботинки великим вождям Англии! Само солнце - свидетель моего позора".

Он не знал, сколько пролежал там, прижавшись лицом к земле, но вдруг послышался голос Джо:

- Вот вы где, сэр!

- Джо, - еле слышно ответил мистер Левендер, - мое тело здесь, но дух отлетел от него.

- Ну да! - сказал Джо. - Расстроились малость. Вот плотните-ка, сэр! И он протянул хозяину колпачок от фляжки, наполненный коньяком.

Мистер Левендер выпил.

- Они ушли? - тяжело дыша, выговорил он.

- Ушли, сэр, - ответил Джо, - не сыты, не голодны. Откуда вы их выкопали?

- Из карьера, - сказал мистер Левендер. - Никогда не прощу себе, что изменил королю и отечеству. Я накормил трех немцев. Оставьте меня, я недостойн быть в обществе своих соотечественников.

- Что вы такое говорите, сэр! - удивился Джо. - Какие немцы?

Взглянув в лицо шоферу, мистер Левендер увидел на нем все признаки безграничного изумления.

- Отчего вы на меня так смотрите? - спросил он.

- Немцы? - повторил Джо. - Какие немцы? Эти, три болвана с дороги такие же англичане, как мы с вами. О чем вы говорите, сэр?

- Как! - воскликнул мистер Левендер. - Так это не немцы?

- Их зовут Томкинс, Хобсон и Браун, это такие идиоты!

- Слава тебе, господи! - сказал мистер Левендер. - Выходит, я еще могу называть себя английским джентльменом. Джо, я очень проголодался. Осталось ли у нас что-нибудь?

- Ни крошки, сэр, - ответил Джо.

- Тогда отвезите меня домой, - сказал мистер Левендер. - Теперь мне ничего не страшно, ибо мой дух возвратился ко мне.

Проговорив это, он встал и, поддерживаемый Джо, проследовал к автомобилю, всем сердцем благодаря бога за то, что тот не дал ему опозорить отечество.

IX

...БЕСЕДУЕТ С ЧЕЛОВЕКОМ, ОТКАЗЫВАЮЩИМСЯ ИДТИ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

- М-да, - проговорил мистер Левендер, когда они отъехали миль двадцать, - мой голод становится нестерпимым. Если нам попадетсЯ какая-нибудь гостиница, остановитесь, Джо.

- Порядок, сэр, - ответил Джо. - Правда, гостиницы теперь не те, что были, но что-нибудь перекусить нам дадут. Ваши карточки я прихватил.

Мистер Левендер, сидевший рядом с Джо, в то время как Блинк занимала все заднее сиденье, молчал не менее минуты, ибо его посетила философическая мысль.

- Как вы полагаете, Джо, - внезапно спросил он, - полезны ли вам жертвы, на которые вас принуждают идти?

- Это полезно для жажды, сэр, - ответил Джо. - Никогда в жизни я так дико не хотел пить, как теперь, когда пиво балуют водой. От такого только растрava. Кстати, та бутылочка, что была на завтрак, - последняя из домашних припасов, сэр, с ума можно сойти! И подумать только, эти болваны ее прикончили! Кабы мне знать, что они немцы, уж я бы им ее не уступил!

- Прошу вас, - сказал мистер Левендер, - не напоминайте мне об этом. Иногда мне кажется, - продолжал он настолько мечтательно, насколько позволял голод, - что когда человека вынуждают терпеть лишения, в нем пробуждаются самые низменные страсти, разумеется, я говорю как простой человек, а не как общественный деятель. Как вы думаете, Джо, что произойдет, когда нам не нужно будет более жертвовать собой?

- Тогда мы будем делать то, что всегда делали: будем жертвовать другими, - легкомысленно ответил Джо.

- Будьте серьезны, Джо, - сказал мистер Левендер.

- Ладно, - ответил Джо, - не знаю, что будете делать вы, сэр, а я-то уж гульну годок-другой.

Мистер Левендер вздохнул.

- Сомневаюсь, чтобы я мог последовать вашему примеру, - сказал он.

Джо взглянул на хозяина, и в его зеленоватых глазах засветилось сочувствие.

- Не горюйте, сэр, - сказал он, - все дело в том, кто как устроен. Вас бы такая жизнь в неделю доконала.

- Неделю! - проговорил мистер Левендер, захлебываясь слюной. - Верю, что я не смогу забыть свои обязанности на целую неделю. Общественные деятели не "гуляют", как вы выражаетесь, Джо.

- Осторожно, сэр, я не могу вести машину, не глядя на дорогу.

- Да и как им "гулять"? - продолжал мистер Левендер. - Ведь они, как атлеты, должны ежедневно тренироваться, чтобы побеждать в своей вечной борьбе с народом.

- Ну, - снисходительно ответил Джо, - это тоже пьянство особого рода, они все время на взводе, накачивают себя и усыпляют других.

- Не знаю, Джо, что вы имеете в виду, - строго сказал мистер Левендер.

- Разве вы не замечали, сэр? Существуют два мира: мир, как он есть на самом деле, и мир, каким он кажется общественному деятелю.

- Может быть, это и так, - согласился несколько взволнованный мистер Левендер, - но скажите, Джо, который из этих миров величественнее, благороднее? И разве другой мир имеет хоть какое-нибудь значение? Конечно же, я за мир, который возникает в умах великих людей, существует на бумаге, к которой прикасалось их перо, и процветает на словах, с которыми они обращаются к народу. Разве не лучше жить в мире, где никто не боится умереть с голоду или быть убитым, коль скоро это означает смерть за короля и отечество? Разве этот мир не прекраснее того, в котором люди хотят жить и только?

- Ну, - сказал Джо, - мы все готовы умереть за отечество, коли надо. Только смерть нам не кажется увеселительной прогулкой, мы ведь не общественные деятели. Уж очень все легко у них получается.

- Джо, - сказал мистер Левендер и даже на миг заткнул уши, - это самое ужасное кощунство, которое я когда-либо слышал.

- Я еще и не то могу сказать, сэр, - ответил Джо. - Как, продолжать?

- Продолжайте, - сказал мистер Левендер, стиснув кулаки, - общественный деятель не уклоняется ни от чего, даже от враждебных насмешек.

- Ладно, так что же получается, сэр? Посмотрите, что они говорят и что есть на самом деле. Имейте в виду, я не говорю про английских или еще каких деятелей, я говорю про тех, каких много в любой стране. Это что-то вроде тайного общества, основанного на трепотне. Послушайте, сэр. Вот один просиживает штаны и сочиняет что-нибудь высокое. Потом вылезает другой и кричит что-нибудь еще более высокое, потом они вместе просиживают штаны и кричат до тех пор, пока атмосфера не накалится так, что не продохнешь; причем все это время мы все хотим, чтобы нас оставили в покое, и слушаем их только по доброте душевной. У этих типов только две слабости: одна - это идейки, а другая - их собственные персоны. Им надо быть важными, а без идей не поважничает, образуется порочный круг. Когда я вижу, что человек важничает, я говорю себе: "Господи, помоги нам, нам это очень скоро понадобится!" Раньше или позже так оно и выходит. Я скажу вам, сэр, какое проклятие тяготеет над миром: люди

научились говорить то, чего не чувствуют. И, господи, сколько их таких!

- Джо, - сказал мистер Левендер, у которого глаза вылезали на лоб, ваши слова - это похоронный звон по поэзии, философии и прозе, особенно прозе. Они могила истории, которая, как вам известно, состоит из войн и интриг, порожденных мыслями общественных деятелей. Если бы ваши низкие взгляды соответствовали действительности, кто бы сказал нам, участникам великой эпической борьбы, ободряющие слова о том, что мы творим историю? Разве была произнесена у нас хоть одна речь, которая не пролила бы целительный бальзам в наши уши? Подумайте о том, какую поддержку дают эти слова сиротам и вдовам и раненым бойцам, которые лежат под звездами и страждут. "Творить историю", "играть решающую роль в великой драме" - вот лозунг, вечно стоящий перед нами, который служит утешением нам и опорой им. Ивы бы хотели лишить нас этих слов? Позор, позор! - повторил мистер Левендер. - Вы бы хотели разрушить волшебство жизни и уничтожить все принципы.

- Дайте мне факты, - упрямо сказал Джо, - и заберите мои принципы. Насчет волшебства не знаю, что это такое, но можете его тоже взять себе. И вот еще что, сэр: разве вы не замечали, что, когда деятель кипит и что-нибудь говорит, это превращает его в куклу? Неважно, что будет после, он должен твердить свое, чтобы не выглядеть дураком.

- Разумеется, не замечал, - ответил мистер Левендер, - я почти никогда не встречал такой узости у общественных деятелей, и никогда я не видел, чтобы они "выглядели дураками", как вы весьма грубо выразились.

- Где же ваши глаза, сэр? - проговорил Джо. - Где же ваши глаза? Даю вам честное слово, что это почти всегда так, хотя, я согласен, они любят подпустить туману. Но, трезво говоря, - если это только возможно общественные деятели неплохи, если держаться от них подальше. Вы же сами затеяли этот разговор, сэр, - добавил он примирительно, - кстати, вот вам и гостиница. Перекусите, и вам станет легче.

И он затормозил перед вывеской "Королевский Козел".

Мистер Левендер, затянутый в водоворот невероятных чувств, которые пробудил в нем цинизм шофера, глядел непонимающим

взором на красный кирпичный дом.

- Здесь совсем неплохо, - сказал Джо, - когда я был бродячим торговцем, я частенько сюда навещался. Там, где собираются коммерсанты, всегда найдется хорошее вино, - добавил он, щелкнув себя по горлу. - И потом, здесь чудно готовят пиццу. Вот ваши карточки.

Вдохновленный этими словами, мистер Левендер вылез из автомобиля, в сопровождении Блинк вошел в гостиницу и стал искать закусочную.

Дородная служанка с быстрыми красивыми глазами взяла у мистера Левендера пыльник и карточку и указала ему на стол, за которым уже сидел бледный интеллигентного вида молодой человек в очках.

- У вас не найдется еще мяса? - спросил молодой человек, не поднимая глаз от тарелки.

- Нет, сэр, - ответила служанка.

- Тогда принесите мне яичницу с ветчиной, - добавил он. - Вот вам второй талон, и принесите мне еще чего-нибудь, что у вас есть.

Мистер Левендер, муки которого при слове "мясо" стали непереносимыми, взглянул на обглоданную кость и вздохнул.

- Мне, пожалуйста, тоже ветчины и пару яиц вкрутую, - сказал он.

- Ветчину я вам подам, - ответила служанка, - но яиц осталось только на одного человека.

- И этот человек - я, - выговорил молодой человек, впервые отрываясь от тарелки.

Мистер Левендер мгновенно почувствовал к нему отвращение; вид у него был нездоровый: высокий бледный лоб, странно блуждающие запавшие глаза за стеклами очков.

- У меня нет никакого желания лишать вас ваших яиц, сэр, - проговорил мистер Левендер, - хотя я сегодня ничего не ел.

- А я ничего не ел полгода, - ответил молодой человек, - и недели через две мне нечего будет есть целых два года.

Мистер Левендер, который обычно говорил правду, посмотрел на своего собеседника с некоторым ужасом. Но молодой человек снова устремил все свое внимание на тарелку.

"Как обманчива внешность, - подумал мистер Левендер, - у него такое интеллигентное, можно даже сказать, одухотворенное лицо, а ест он, как дикарь, и лжет, как бродяга!" И поскольку голод стал снова терзать мистера Левендера, он сказал довольно ядовито:

- Вероятно, сэр, вы находите чрезвычайно забавным рассказывать неправдоподобные истории незнакомому человеку?

Молодой человек, в это время уже расправившийся со всем, что было у него на тарелке, помолчал немного и затем, слабо улыбнувшись, сказал:

- Я говорил в переносном смысле. Я полагаю, сэр, вы никогда не сидели в тюрьме?

При слове "тюрьма" сразу же сказала природная доброта мистера Левендера.

- Простите меня, - тихо проговорил он, - скушайте всю ветчину, прошу вас. Я прекрасно обойдусь хлебом и сыром. Я бесконечно сочувствую вашему положению и ни в коем случае не хочу сделать ничего, что могло бы побудить вас еще раз навлечь на себя несчастье. Если это вопрос денег или чего-нибудь в этом роде, - робко продолжал он, - прошу вас, располагайте мною. Я ненавижу тюрьмы: это варварство; человека можно осуждать лишь на муки совести.

Глаза молодого человека зажглись.

- Меня и осудили, - сказал он, - только не на муки совести, а как раз из-за того, что я отказался идти против своей совести.

- Возможно ли? - воскликнул ошеломленный мистер Левендер.

- Да, да, - подтвердил молодой человек, отрезая себе здоровенный ломоть хлеба. - Иначе и не скажешь. Они хотели, чтобы я нарушил слово, чтобы я предал свои убеждения, а я отказался. Через две недели меня опять посадят, и вот, пока я на свободе, я должен есть, уж извините. Мне надо накопить как можно больше сил. - И он так набил себе рот, что не мог ничего более выговорить.

Мистер Левендер смотрел на него в великом смятении.

"Как несправедливо я судил о нем", - думал он, и, увидев, что служанка принесла рульку от окорока, он начал срезать с нее то небольшое, что на ней оставалось, и, наполнив тарелку, придвинул ее молодому человеку. Тот поблагодарил его и, не взглянув на своего благодетеля, стал быстро поедать ветчину. Мистер Левендер смотрел на него со слезами умиления.

"Как хорошо, что я его встретил, - думал он. - Бедный юноша!"

- Где же яйца? - внезапно спросил молодой человек.

Мистер Левендер поднялся и позвонил в колокольчик.

- Принесите, пожалуйста, ему оставшиеся яйца, - сказал он.

- Слушаю, сэр, - сказала служанка, - но что же будете кушать вы? У нас больше ничего не осталось.

- Вот как! - испугался мистер Левендер. - Тогда чашку кофе и кусок хлеба, пожалуйста, Я могу поесть где-нибудь еще.

Служанка удалилась, что-то бормоча про себя; принеся яйца, она ткнула их молодому человеку, который проглотил их в два счета.

- Я намерен, - сказал он, - за эти две недели сделать все возможное, чтобы накопить побольше сил. Я буду есть почти не переставая. Им не удастся сломить меня. - И, протянув руку, он забрал остаток хлеба.

Мистер Левендер смотрел, как исчезает хлеб, и в нем шевельнулась досада, но он тотчас же постарался ее подавить.

"С моей стороны эгоистично даже думать о еде, - сказал он себе, - - в то время, как этот юный герой еще голоден".

- Вы, вероятно, жертва какого-нибудь политического или религиозного заговора? - спросил он.

- И то и другое, - ответил молодой человек, откидываясь на стуле со вздохом пресыщения и отирая губы. - Меня сегодня выпустили и, как я уже говорил вам, через две недели день в день меня снова будет судить военно-полевой суд. На этот раз мне дадут два года. Но им не сломить меня.

Мистер Левендер вздрогнул при слове "военно-полевой суд", страшное сомнение стало одолевать его.

- Вы, - пробормотал он, - вы... вы не уклоняетесь от военной службы?

- Вот именно, - ответил молодой человек. От ужаса мистер Левендер привстал.

- Я не одобряю, - выдавил он, - я ни в коем случае не одобряю ваше поведение.

- Разумеется, - сказал молодой человек, вдруг гордо улыбнувшись, и добавил: - Никто не одобряет. Если бы вы были на моей стороне, мне не пришлось бы так наедаться, да к тому же у меня не было бы чувства духовного одиночества, которое так поддерживает

меня. Вы смотрите на меня, как на отщепенца, как на прокаженного. В этом мое утешение, моя сила. Хотя я и испытываю искреннее отвращение к войне, я прекрасно понимаю, что не выдержал бы, если бы не сознание, что я не могу и не хочу унижаться до уровня подобных вам оппортунистов, примкнуть к стадам ничтожных плебеев. Услышав подобный отзыв о своей персоне, мистер Левендер побагровел.

- Я служу принципу и не подчиняюсь никому, - сказал он. - Именно мои убеждения заставляют меня смотреть на вас как на...

- Жалкого труса, - спокойно подсказал молодой человек. - Продолжайте, не жалеете слов, к ним мы привыкли.

- Да, - сказал мистер Левендер, воспламеняясь, - вы трус. Простите меня. Изменник делу Свободы, дезертир из рядов Гуманизма, если позволите.

- Скажите, просто христианин, этим вы выразите все! - сказал молодой человек.

- Нет, - сказал мистер Левендер, поднявшись, - до этого я не дойду. Вы не христианин, вы фарисей. Вы мне отвратительны.

- А вы мне, - внезапно проговорил молодой человек. - Я христианский социалист, но я отказываюсь называть вас братом. И вот что я вам скажу: когда-нибудь, когда благодаря нашей борьбе восторжествует дело христианского социализма и мира, мы позаботимся, чтобы вы, поджигатели и джингоисты, не смогли более поднимать свои ядовитые головы и нарушать всемирное братство людей. Мы уничтожим вас. Мы сотрем вас с лица земли. Мы, верующие в любовь, с радостью подвергнем вас тому, чему вы, апостолы ненависти, подвергаете нас. Мы отплатим вам сторицею, вы сами заставляете нас пойти на это.

Он умолк, ибо мистер Левендер вытянулся и одеревенел, словно собираясь произнести речь перед палатой лордов.

- Я не нахожу здесь ничего общего с преследованием свободы совести! воскликнул он. - Дело гораздо проще. Бремя обороны отечества ложится равно на каждого гражданина. Я не знаю и знать не хочу ни того, что сулили вам судьи, ни того, при каких обстоятельствах был принят закон о всеобщей воинской повинности, И вы либо пойдете в армию, либо отправитесь в тюрьму. Я простой англичанин и выражаю взгляды моих простых соотечественников.

Молодой человек, раскачивавшийся на стуле, постучал по столу рукояткой ножа.

- Давай, давай! - пробормотал он.

- И позвольте мне сказать вам вот еще что, - продолжал мистер Левендер: - Вы не имеете никакого права подносить ко рту хотя бы кусочек хлеба, коль скоро вы не готовы отдать за него жизнь. И если бы гунны пришли сюда завтра, я пальцем бы не пошевелил, чтобы оградить вас от участи, которая вас, несомненно, постигла бы.

В пылу спора голоса их сделались столь громкими, что обеспокоенная служанка отправилась в бар и сообщила собравшемуся там обществу, что человек, уклоняющийся от воинской повинности, съел все, что было в доме, и сейчас "бушует" в закусочной. Услышав это донесение, общество - оно состояло из четырех коммивояжеров, изрядно уже подвыпивших, - вооружилось тем, что было под рукою, а именно четырьмя сифонами, построилось в две шеренги и выступило в направлении закусочной. Сразу же поняв по седым волосам и благородным речам мистера Левендера, что он не может уклоняться от воинской повинности, они с четырех сторон подступили к ничего не подозревавшему молодому человеку и начали беспощадно опрыскивать его содовой водой. Слепленный и вымокший, бедный молодой человек тщетно пытался прорвать окружение, но каждый раз новая струя в лицо возвращала его на место. Видя его страдания и слыша грубый смех его полупьяных мучителей, мистер Левендер испытал мгновение обостренной борьбы между своими принципами и присущим ему благородством. Затем, едва ли сознавая, что делает, он схватил обглоданную рульку, замахнулся ею на коммивояжеров и громко закричал:

- Остановитесь! Не мучьте этого юношу! Вас четверо, а он один. Перестаньте, вы настоящие гунны!

Коммивояжеры, тем не менее, продолжали гоготать, и разъяренный мистер Левендер нанес одному из них удар рулькой по чувствительному месту на локте, отчего ударенный взвыл и завертелся волчком. Другой коммивояжер немедленно отомстил за приятеля, направив струю содовой в левый глаз мистера Левендера, отчего он в бешенстве атаковал всех четырех, размахивая рулькой, как палицей. И если бы Блинк и служанка не ухватили его за фалды, он мог бы серьезно изувечить своих противников. Как раз в этот момент Джо

Петти, привлеченный шумом и криками, появился в дверях и, подбежав к хозяину, схватил его на руки и вынес из комнаты, причем тот, не переставая, размахивал рулькой и болтал ногами. Опустив его в машину, Джо быстро уселся на свое место и поехал прочь. Прошло минуты две или три, прежде чем мистер Левендер пришел в себя и осознал, что произошло. И тогда, отбросив рульку, он откинулся в отчаянии на спинку и уткнул подбородок в грудь.

"Что я наделал! - Эта мысль не оставляла его. - Что я наделал! Поднял кость в защиту человека, уклоняющегося от военной службы; я был на стороне того, кто изменил великой цели! О боже! Я, конечно же, не общественный деятель!"

Измощенный, опустошенный, подавленный, он был вместе с Блинк, уснувшей у его йог, доставлен домой, в Хемпстед.

Х

...ВИДИТ СОН И ВСТРЕЧАЕТ ПРЕКРАСНОЕ ВИДЕНИЕ

Обычно воздержанный в еде, мистер Левендер этим вечером был так голоден, что не мог оторваться от омара, поданного миссис Петти, до тех пор, пока на тарелке перед ним не осталась одна скорлупа. Поскольку принципы не позволяли ему облегчить душу ничем, кроме лимонада, он лег спать, испытывая известную тяжесть, и, утомленный тревожностями дня, вскоре впал в тяжелое забытие, которое на рассвете было нарушено сном исключительной живости. Он увидел себя одетым в хаки с панцирем из газет с речами, которые он должен был произнести перед солдатами на фронте. Он мчался на крылатом танке по опустошенным войной местностям, о которых он так часто читал в ежедневных газетах и которые мучительный сон изобразил гораздо ярче, чем прекраснейшие слова передовиц. Вдруг танк перевернулся, и мистер Левендер вывалился в болото, которое озаряли бесчисленные осветительные снаряды, то и дело пролетающие над головой. В трясине были сотни и тысячи людей, провалившихся, как и он, по пояс и отчаянно махавших руками.

"Вероятно, это солдаты, которым я должен сказать речь", - подумал мистер Левендер и оторвал от панциря газетный лист, но не успел он произнести и слова, как газета вдруг растворилась в воздухе; и он срывал с себя газету за газетой, надеясь найти речь, которая оказалась бы настолько прочной, что ее можно было бы произнести.

Наконец обрывок газеты удержался в его руке, и тогда он громогласно воскликнул:

- Герои!

Но при этом слове люди со стоном пошли ко дну, и по трясине забулькали радужные от мерцания осветительных снарядов пузыри. В этот момент один из снарядов, разорвавшись над его головой, превратился в большую яркую луну, и мистер Левендер с изумлением обнаружил, что пузыри были не пузыри, а сидящие на залитой лунным светом трясине бабочки, трепетавшие багровыми крылами и смотревшие на него тысячью крохотных человеческих лиц.

- Кто вы? - закричал он. - Кто вы?

Бабочки сложили крылья, и у каждой на лице появилось выражение столь грустное и взыскующее, что слезы мистера Левендера так и хлынули на газетный панцирь.

- Мы убитые, - Донесся до него шепот. И внезапно они взлетели стаями, на лету ударяя его крылами по лицу.

Мистер Левендер проснулся. Он сидел на полу посреди комнаты, свет падал на него сквозь щель в занавесках, а Блинк слизывала слезы, струившиеся по его щекам.

- Блинк, - сказал он, - я видел страшный сон.

И все еще ощущая на груди своей тяжесть, тяжесть многих произнесенных речей, он не решился снова лечь в постель; кое-как одевшись, он осторожно спустился вниз и вышел на улицу. Он шагал со своей Блинк навстречу подымавшемуся солнцу, один в серебристом свете хемпстедского утра, глубоко задумавшись о своем необычном сне.

"Вероятно, я не приобрел еще того блаженного спокойствия, без которого немислим успех оратора, - размышлял он. - В этом, без сомнения, и заключается разгадка моего сна. Тяжесть на груди и тщетные попытки сорвать с себя газеты, которые тотчас же растворялись в воздухе, можно объяснить подсознательным признанием этого моего недостатка. Мне не хватает самодовольства, необходимого оратору при любых обстоятельствах, и той счастливой самоуверенности, которая так неотразима в письменных и устных высказываниях великих людей. Тем не менее мой недостаток можно исправить практикой!"

И, подойдя к крохотному цветущему деревцу, он обратился к нему с такими словами:

- О деревце, будь моей аудиторией, ибо в твоих озаренных солнцем ветвях я вижу образ безмятежного и прекрасного мира, который, по мнению всех ответственных лиц, неизбежно возникнет из нынешнего разгула железа и крови.

И деревце ответило ему звонким голосом черного дрозда.

Сердце мистера Левендера, чутко откликнувшееся на каждый зов природы, тотчас же растаяло.

- Что царства земные, мечты государственных мужей, все козни и хитросплетения политики в сравнении с красотой этого деревца! - говорил он. - Оно, а быть может, это он или она, вольно дышит в своем простом трепетном одеянии и стремится лишь к тому, чтобы любить и быть любимым. Оно, он, она дает приют дрозду и дарит благоухание утру, цветы его, ее улавливают капли дождя и солнца. Я вижу в нем, в ней волшебство господне. О, если бы мне из его, ее красоты создать песнь искупления!

С этими словами он встал перед деревцем на колени, и очень тихая Блинк, усевшаяся рядом с ним, казалась в этот миг умнее многих других собак. Знакомый булькающий звук вывел его из благоговейной сосредоточенности и, опянувшись, он увидел на дорожке свою юную соседку в форме сестры милосердия.

"Она упала с небес, - подумал он, - ибо все сестры суть ангелы".

И, сняв шляпу, он обратился к ней:

- Вы застигли меня в момент, которого я никоим образом не стыжусь: я причащался Красоты. И подумать только! Со мною вы, Аврора.

- Ничего себе Аврора, - сказала юная леди. - Мне так осточертел госпиталь, что я решила малость прогуляться, прежде чем снова лезть в хомут. Если вы идете домой, пойдемте вместе.

- С огромнейшей радостью, - сказал мистер Левен-дер. - Одевание милосердия очень идет вам.

- Вы находите? - ответила юная леди, щеки которой несколько не заалели от комплимента. - По-моему, оно чудовищно. Скажите, вы всегда молитесь на то дерево?

- К стыду своему, должен признаться, что нет, - ответил мистер Левендер. - Но в будущем я намереваюсь делать это всегда, ибо под

ним меня посетило такое прекрасное видение. - И он наградил свою спутницу взглядом, исполненным такого восторга и благоговения, что она постучала себя по губам, скрывая зевок, и глубоко вздохнула.

- Ужасно хочу спать, - сказала она. - Были у вас какие-нибудь новые приключения, у вас и вашего Сэмчо?

- Сэмчо? - переспросил мистер Левендер.

- Я так зову вашего шофера. Он ведь очень похож на Сэма Уэллера и на Санчо Панса, не правда ли, дон Пиквихот?

- Гм! - сказал смущенный мистер Левендер. - Вы имеете в виду Джо? Славный малый. В нем есть героизм такого рода, который я особенно ценю.

- Какой же? - спросила юная леди.

- Непобедимое чувство юмора перед лицом опасности, которым так славятся наши солдаты.

- Я вижу, вы сильно верите в героизм, дон Пиквихот, - сказала юная леди.

- А что была бы жизнь без него? - ответил мистер Левендер. - Война бы не могла продлиться ни минуты.

- Вы правы, - мрачно проговорила юная леди.

- Но вы не можете желать ее конца до полного истребления нашего общего врага? - спросил пораженный мистер Левендер.

- Я не пацифистка, - сказала юная леди, - но если бы вы видели такое количество безруких и безногих, какое приходится видеть мне, то, знаете ли, ваша героиня как-то поблекла бы. - И она ускорила шаг, так что мистеру Левендеру, который был на четыре дюйма ниже ее, пришлось чуть ли не бежать. - Будь я солдатом, - прибавила она, - я, наверно, захотела бы пристрелить каждого, кто произнесет хотя бы одну громкую фразу. Да, болтовня стала просто невыносимой.

- Аврора, - сказал мистер Левендер, - вы позволите мне, годному вам увы! - в отцы, называть вас так? Вы, без сомнения, знаете, что громкие фразы - это те же боеприпасы, что они имеют значение отнюдь не меньшее, чем настоящие взрывчатые вещества. Возьмите, например, слово "свобода", разве вы хотели бы отнять его у нас?

Юная леди посмотрела на него своими большими серыми глазами, в которых заблестало сильное чувство.

- Дорогой дон Пиквихот, - сказала она, - я бы просто отобрала это слово у всех тех, кто не знает, что оно означает. И что бы тогда

осталось? Да вы не смогли бы накормить баснями одного-единственного муниципального соловья! Вас всех не хватило бы на одну передовицу раз в год после дождичка в четверг! Разве вы не видите, дон Пиквихот, что свобода - это особая форма тирании и что нас больше всего тиранит именно громогласная болтовня?

- Боже милостивый! - воскликнул мистер Левендер. - С таких алых губок слетают такие слова!

- Я пока еще не пацифистка, - продолжала юная леди, подавляя зевок, но я ненавижу жестокость, ненавижу ее так сильно, что готова сама жестоко расправиться с нею. Пусть гунны сами расхлебывают кашу, которую заварили. Я вовсе не жажду мщения, но что же поделаешь!

- Моя дорогая юная леди, - успокаивающе заговорил мистер Левендер, - вы ведь не можете быть мстительной, ибо каждый великий публицист и оратор говорит нам, что мстительность - чувство, чуждое союзникам, которые ищут лишь справедливости.

- Вздор!

Блинк, доселе спокойно слушавшая их беседу, решила, что это слово относится к ней, и, вскинув морду, лизнула юную леди в руку столь неожиданно, что та вздрогнула и сказала:

- Прелесть!

Мистер Левендер, приняв это слово на свой счет, жестоко покраснел.

- Аврора, - сказал он, задыхаясь, - сердечный восторг мешает мне воспользоваться вашим нежным словом. Простите меня, и давайте тихонько разойдемся по домам, ибо я увидел прекрасное видение и знаю свое место.

Хладнокровие, казалось, на миг оставило юную леди, ее губы чуть дрогнули, она стиснула руку мистера Левендера.

- Вы действительно прелесть, - сказала она, - думаю, что вам следует быть в постели. Кстати, мое имя Изабел.

- Только не для меня, - сказал мистер Левендер. - Вы Аврора, Заря, и ничто не убедит меня в обратном. И я клянусь отныне подниматься вместе с вами.

- Что вы! - воскликнула юная леди. - Пожалуйста, не воображайте, что я люблю вскакивать ни свет ни заря. Просто я сейчас иду с ночной смены.

- Это не имеет значения, - проговорил мистер Левендер, - я буду преданно следить за каждой вашей ночной сменой, и это придаст мне силы продолжать общественную работу, ибо меня всегда будет манить розоцветущий рассвет грядущего.

- Ладно, - пробормотала юная леди, - пока что до свидания, и идите спать. Еще нет пяти. - И, помахав своими розовыми перстами, она легко пролетела по дорожке сада и скрылась за дверью дома.

Мистер Левендер на мгновение ощутил себя другим человеком. Он пошел в свой сад и стоял, глядя на ее окно, пока надежда увидеть ее там не угасла совсем; тогда он вошел к себе в дом.

XI

...СРЫВАЕТ ПАЦИФИСТСКИЙ МИТИНГ

За завтраком в то самое утро, когда его посетило прекрасное видение, мистер Левендер, всегда читавший газеты, как священное писание, наткнулся на объявление, что вечером того же дня в холлоуэйской церкви состоится митинг "Лиги борцов за свободу слова", которую его газеты частенько клеймили за миролюбие. Прочитав имена ораторов, мистер Левендер сразу же почувствовал, что его долг - явиться на митинг.

"Там, вероятно, не будет никого, кто мог бы выразить протест, - решил он. - В Англии свобода достигла размеров, угрожающих благородным патриотическим чувствам. Без сомнения, это рецидив чудовищного здравого смысла, из-за которого каждый мог говорить, что хочет. Я бы рад остаться дома, - подумал он, - они, вероятно, могут применить ко мне грубую силу; однако трусость не пристала мне, я должен быть там".

Весь день он с крайним беспокойством размышлял о своем неприятном долге по отношению к этим опасным личностям и подзубривал те передовые из своих пяти газет, которые имели хоть какое-нибудь отношение к делу. Он не сказал никому ни слова о своих намерениях, так как был убежден, что, связываясь с пацифистами, идет на значительный риск; однако сознание исполняемого долга не позволяло ему желать, чтобы кто-нибудь помешал осуществлению его планов, хотя в глубине души он надеялся именно на это.

В шесть часов он замкнул Блинк в кабинете и, вооружившись тремя передовицами, отправился в свое рискованное путешествие. В семь часов он уже поспешал по мрачной дороге к холлоуэйской

церкви, но у дверей ее столкнулся с непредвиденным препятствием. ...

- Ваш билет! - спросил здоровенный верзила.

- У меня нет билета, - сказал растерявшийся мистер Левендер, - но это ведь митинг "Лиги борцов за свободу слова", поэтому-то я и пришел сюда.

Верзила внимательно посмотрел на него.

- Без билета нельзя, - сказал он.

- Я протестую, - сказал мистер Левендер. - Какие же вы в таком случае борцы за свободу слова?

Верзила улыбнулся.

- Ладно, - сказал он, - вы слабее кролика, проходите!

Возмущенный мистер Левендер очутился в церкви. Митинг уже начался, и высокий человек с унылым лицом стоял за кафедрой и что-то говорил аудитории, которая почти полностью состояла из женщин и стариков, а его коллеги сидели позади него в президиуме с отсутствующими лицами. Мистер Левендер устроился на крайнем месте в одном из средних рядов и приготовился слушать.

"Как бы горячо ни стремился я исполнить свой долг, - думал он, - мне, поборнику справедливости, следует сначала установить, какого рода митинг я собираюсь сорвать". Еще в дверях по аплодисментам, часто прерывавшим речь оратора, мистер Левендер понял, что церковь битком набита людьми. По мере того как оратор продолжал говорить, мистеру Левендеру становилось все более не по себе. Однако действовало на него не то, что говорил оратор, ибо наш герой был всецело поглощен необходимостью подготовить достойную отповедь, для чего он, отрешившись от всего, подгонял друг к другу доводы и словесные фиоритуры передовиц, которые за этот день выучил почти наизусть. Деликатный от природы, он терпеливо ждал, когда кончит оратор, и тогда, сжимая в руке три передовицы, он решительно направился к сидящему президиуму. Повернувшись к нему спиной, он начал пронзительным от волнения голосом:

- Леди и джентльмены, настало время вам в соответствии с традициями вашего общества выслушать и меня. Я буду говорить без обиняков. В наших рядах еще есть некоторые вредоносные типы, подобные тому небезызвестному джентльмену, который дошел до такого бесстыдства, что отцом имеет француза француза, джентльмены! - не немца, леди! - обратите внимание на эту наглую

маскировку; или подобные тому ренегату, лейбористскому вождю, который никого никуда не вел, но если бы повел, то непременно завел бы всех нас в волчью яму всеобщего уничтожения; или подобные тем высоколобым кастратам, которые принимают свое педантичное крючкотворство за жемчужные зерна и которые готовы безнадежно затемнить яснейшие вопросы набором изменнических пацифистских пошлостей. Заявим же им сразу - и пусть они это учтут! - что мы не потерпим этого, ибо мы...

Тут его слова потонули в шуме гораздо более громком, чем тот, который производили президиум и ошарашенная аудитория; мистер Левендер увидел, как толпа горластых юнцов отгеснила верзилу, стоявшего в дверях, и понесла его по проходу, пока он не оказался перед мистером Левендером, причем несчастный был к нему спиной и тщетно пытался повернуться. Увидев, что ему угрожает опасность, наш герой закричал что было, мочи:

- Свобода слова, джентльмены, свобода слова! Вы наглядно демонстрируете мне, что у вас нет никакой свободы слова!

В ответ на это юнцы, запрудившие проход, подняли невообразимый шум.

- Джентльмены, - кричал мистер Левендер, размахивая передовицами, джентльмены!..

Но в это мгновение верзилу швырнули головой в живот мистеру Левендеру, отчего оба попадали в разные стороны. Последовавший за этим рев лишь отдаленно донесся до сознания мистера Левендера, потому что многие ноги прошли по нему. Тем не менее он ухитрился отползти в уголок и, приподнявшись, увидел, что происходит. Вторгшиеся в церковь юнцы, числом и силою намного превосходившие президиум, верзилу и, пришедших к ним на помощь троих-четверых здоровых слушателей, беззастенчиво пользовались своим превосходством; и сердце мистера Левендера облилось кровью, когда он увидел, как они побивают своих оппонентов и издеваются над ними. Их бесчинства привели его в такую ярость, что, позабыв все принципы, равно как и цель своего пребывания на митинге, он выпрямился во весь рост, скрестил руки на груди и во весь голос крикнул:

- Негодяй! Не смейте пользоваться тем, что вы сильнее! Негодяй!

Защитив, таким образом, то, что в здравом уме он считал злом, он стал спокойно ожидать своей участи. Но его слова потонули во всеобщем реве.

"Как раз в такие минуты, - подумал мистер Левендер, - великий оратор и утверждает свое превосходство, усмиряя бурю и заставляя выслушать свои слова".

И он стал мучительно припоминать, как это делается.

"Для этого нужен голос быка и шкура крокодила, - думал он. - Увы! Мне решительно недостает качеств общественного деятеля!"

Но тут его самоуничижение прекратилось, равно как и электрическое освещение. Вслушиваясь в разнорядицу голосов, раздававшихся в темноте, мистер Левендер вдруг понял, что по воле провидения он получил возможность говорить и что теперь его услышат.

- Остановитесь, друзья мои! - закричал он. - В этой тьме мы яснее видим истинные масштабы того великого вопроса, каковым является свобода слова. Некоторые считают, что в демократической стране каждое мнение должно быть выслушано; так полагают лишь потому, что поскольку здравый смысл большинства всегда ведет страну по правильному пути, то меньшинству должна быть предоставлена полная свобода слова, ибо оно все равно не может сбить страну с заданного курса, кроме того, такая свобода слова действует как полезнейший предохранительный клапан. Более того, говорят, что запретить меньшинству выражать свои мысли можно только силой, а это недостойно большинства и противоречит тем идеалам, за которые мы боремся в этой войне. Но вслед за великими людьми, пишущими передовые статьи, я полагаю, что в то время, когда над отечеством нависла величайшая угроза, никто не смеет говорить что-либо идущее вразрез с мнением большинства; ибо только таким образом сможем мы создать фронт единства перед лицом нашего общего врага. Я заявляю вам, - а я принадлежу к большинству и, значит, во всем прав, - что если мы хотим спасти дело свободы и гуманизма, ни один человек, несогласный со мной, не должен высказывать какие-либо мысли. Я осуждаю насилие, но я исполнен решимости дать отпор любой вредоносной чепухе и без колебания употреблю все средства, которыми располагает большинство, вплоть до прусских мер принуждения, чтобы умолк трусливый шепот тех

дезориентированных и антипатриотически настроенных лиц, чьи так называемые принципы побуждают их заявлять о праве иметь свои мнения. Англия всегда была свободной страной, и своей самовлюбленной болтовней они не смеют подвергать опасности ее свободу.

Мистер Левендер перевел дух, и в этот миг донесшийся из темноты неясный звук, подобный царапанью мыши, привлек его внимание. Полная тишина окрылила его.

"Удивительно, - подумал он, - я так приковал их внимание к своим словам, что даже слышу, как скребется мышь. Видимо, я произвел большое впечатление".

И, боясь испортить его дальнейшими словами, он стал ощупью пробираться вдоль стены в надежде найти выход. Но не сделал он и двух шагов, как его протянутая рука наткнулась на что-то теплое, что с визгом отпрянуло в сторону,

- Ах! - вскрикнул мистер Левендер, у которого по спине побежали мурашки. - Что это?

- Это я, - ответил сдавленный женский голос, - а вы кто?

- Оратор, сударыня, - с несказанным облегчением ответил мистер Левендер. - - Не пугайтесь, прошу вас.

- Ох! - прошептал голос. - Это тот сумасшедший!

- Уверю вас, сударыня, - ответил мистер Левендер, стараясь не потерять собеседницу, - я ни за что на свете не причиню вам зла. Не скажете ли вы, в каком месте церкви мы находимся?

И, подавшись вперед, он вытянул руки и стал шарить вокруг себя. Слова его остались без ответа; он обнаружил, что стоит между двумя рядами стульев, и, держась за спинки передних, стал боком пробираться вдоль ряда, причем старался не терять контакта с задним рядом. Так в кромешной тьме он миновал пять-шесть стульев, когда свет вдруг зажегся, и он обнаружил, что смотрит прямо в глаза молодой женщине, которая, так же изогнувшись, пробиралась вдоль соседнего ряда, все время оглядываясь на преследователя.

- Боже мой! - произнес мистер Левендер, когда оба они с достоинством выпрямились. - Я понятия не имел...

Молодая женщина прикрыла затылок рукой, быстро скользнула вдоль ряда, промчалась по проходу и исчезла. В церкви никого больше

не было. Оглядев горы изломанных стульев, мистер Левендер вышел из церкви в ночь.

"Это похоже на сон, - думал он, - и все же я исполнил свой долг, ибо ни один митинг никогда не был сорван более успешно. Совесть моя чиста, и я порядком проголодался. Можно идти домой".

XII

...УСКОРЯЕТ ПЕРЕВОЗКУ И ПРИНИМАЕТ ВРАЧА

Окрыленный своим успехом на митинге пацифистов, мистер Левендер на следующее утро стал выискивать в газетах новое поле деятельности; прочитав всего несколько страниц, он наткнулся на заметку: "Сегодня все зависит от транспорта, и мы не рискуем впасть в крайность, всеми имеющимися у нас средствами призывая к ускорению перевозок".

"Как это верно!" - подумал он. И, второпях закончив завтрак, он отправился с Блинк погулять и поразмыслить, чем он может быть полезен в этом деле.

"Я могу увещевать каждого, кто связан с транспортом, но не отдает ему все силы, - размышлял он. - Это не очень приятно, ибо, без сомнения, может вызвать враждебное отношение ко мне. Тем не менее это не должно меня останавливать, ведь подобные явления ежедневно сопутствуют общественной жизни, кроме того, как говорится, злые слова костей не ломают, даже наоборот, у нас, общественных деятелей, от них делается толще кожа и острее языки, так что мы можем побить врага его собственным оружием. Я предчувствую, что это послужит скорейшему воспитанию во мне тех качеств общественного деятеля, которых мне еще недостает".

Когда же он подумал о фургонах на хемпстедских холмах и мальчишках-возницах, сердце его сжалось.

"Чего им не хватает, - подумал он, - так это способности видеть транспортную проблему в деталях и в целом. Я должен попытаться привить этот навык всем, кто имеет какое-либо касательство к транспорту".

Не успел он прийти к этому умозаключению, как, свернув за угол, увидел большой фургон, застрявший перед вершиной холма. Возница стоял, лениво прислонившись к заднему колесу, и набивал трубку. Взглянув на ближнюю к нему лошадь, мистер Левендер обратился к вознице:

- Знаете ли вы, друг мой, что в эти дни великого национального кризиса нам дорога каждая минута? Если бы вы, подобно мне, рассмотрели транспортную проблему в деталях и в целом, то, я убежден, вы не стояли бы сейчас тут, раскуривая трубку, а поняли бы, что получасовая задержка грузов может означать смерть одного из ваших товарищей на фронте.

Возница, иссохший беззубый старик, взглянул на мистера Левендера, оторвавшись от трубки, к которой он только что поднес защищенную ладонями спичку. Лоб его был весь в морщинах, глаза слезились.

- Заверяю вас, - продолжал мистер Левендер, - что в эти дни никто из нас не имеет права хотя бы минуту мешкать с чем-либо, даже с произнесением речей. И когда меня посещает соблазн уклониться от исполнения долга, я тотчас же вспоминаю о наших сыновьях и братьях в окопах, о том, что каждый снаряд, каждое слово спасает их жизни, и я тотчас же приступаю к делу.

Старик, уже раскуривший трубку, глубоко затаился и хрипло сказал:

- Валяйте дальше!

- Да, я не остановлюсь на этом, - ответил мистер Левендер, - я знаю, что могу произвести настоящую революцию в ваших взглядах, и вы перестанете попусту тратить государственное время, стоя у колеса, но будете со рвением погонять лошадей и служить делу победы.

Старик оглядел оратора и столь криво и свирепо усмехнулся, что мистер Левендер даже спросил:

- Почему вы так на меня смотрите?

- Так получается, - ответил возница.

- Почему вы прохлаждаетесь здесь в то время, как ваша работа не доведена до конца? - продолжал мистер Левендер. - Причиной этому не крутой холм, вы уже на его вершине, да и лошади ваши как будто отдохнули.

- Это верно, - подтвердил старик, сделав новую гримасу, - отдохнули, по крайней мере, одна.

- Тогда ничто не может задерживать вас, кроме типично английской нерасторопности, которая и в общественной жизни так страшно мешает вести войну.

- Вон что! - сказал старик. - Только из одного, хозяин, двоих не сделаешь. Отойдите-ка в сторону, и все будет еще более в деталях и в целом.

Пораженный этими словами, которые сопровождалось подергиванием морщинистых щек, мистер Левендер обошел фургон, смотря, не сломалось ли что, и вдруг увидел, что пристяжная лошадь лежит на земле с обрезанными постромками. Она лежала на боку и не шевелилась.

- Боже! - воскликнул мистер Левендер и опустился на колени перед головой лошади. Глаза ее быстро тускнели.

- Ах, бедная лошадь! - воскликнул он. - Не умирай! - И слезы его ручьем полились на морду лошади.

Казалось, она взглянула на него, и тут же глаза ее сделались совсем стеклянными.

- Умерла! - сказал мистер Левендер испуганным шепотом. - Это ужасно! А какая тощая - одни кости! - Взгляд его блуждал по торчащим ребрам околелой лошади; живая лошадь в это время, склонив голову, глядела на свою околелую подругу, грива которой разметалась по дорожной пыли.

- Я должен извиниться перед этим стариком, - громко сказал мистер Левендер, - ибо, вне всякого сомнения, горе его сильнее, чем мое.

- Ничего такого, хозяин, - послышался ответ, и, подняв глаза, мистер Левендер увидел, что старик-возница стоит рядом, - ничего такого: изо всех собачьих дел, которые мне довелось в жизни переделать, три месяца езды на этой кляче были самым собачьим делом. Вот она отмучилась и теперь там, куда они все рады попасть. Я подгонял ее, хозяин, берег государственное время и государственный овес, я подгонял ее, это вот ее и доконало. Старая добрая кобыла, послушная кобыла околела, гоняли ее в хвост и в гриву, а кормили кое-как. Вот она лежит, и я рад, что лежит. - И тыльной стороной ладони старик отер мутную влагу, дрожавшую в уголках губ.

Мистер Левендер поднялся на ноги.

- Ужасно! Чудовищно! - воскликнул он. - Бедная лошадь! Кто несет за это ответственность?

- Да господа вроде вас, - ответил возница, - такие, которые видят ее в деталях и в целом с той стороны фургона.

Потрясенный до глубины души, мистер Левендер заткнул уши и почти бегом бросился прочь; он не останавливался ни на мгновение, пока не достиг своего спасительного кабинета, где он бросился в кресло, а Блинк тут же улеглась у его ног.

"Я куплю тележку, - думал он, - и мы с Блинк, соединив силы, будем выручать бедных лошадей. Мы можем доставлять молоко и овощи хотя бы себе самим".

Так, размышляя над мучительными коллизиями в жизни общества, он просидел около получаса; неожиданно голос миссис Петти вывел его из печальной задумчивости.

- К вам доктор Диндон, сэр.

При виде доктора, который недавно лечил его от алкогольного отравления, мистер Левендер испытал то смутно неприятное чувство, которое обычно следует за неосознанным оскорблением.

- Доброе утро, сэр, - сказал доктор, - я подумал, не мешает мне лишний раз убедиться, что вы в добром здравии. Это была неприятная история. Нет ли у вас боли в спине?

- Нет, - холодно ответил мистер Левендер, а Блинк зарычала.

- А в голове?

- У меня ничего нет в голове, - ледяным тоном ответил мистер Левендер.

- Мне помнится... - начал доктор.

- Доктор, - с достоинством отпарировал мистер Левендер, - вы не можете не знать, что у общественных деятелей в голове ничего быть не может, иначе бы они не были тем, чем они являются. Порою от речей у них может болеть горло, что же касается всего остального, то у них, к счастью, превосходное здоровье.

Доктор улыбнулся.

- А что вы думаете о войне? - спросил он самым непринужденным тоном.

- Успокойся, Блинк, - сказал мистер Левендер. И потом изменившимся, далеким голосом он прибавил: - Какие бы тучи ни собирались над нашими головами в данный момент, какие бы удары ни готовила нам судьба, мы будем героически бороться до тех пор, пока не достигнем нашей высокой цели, пока враг не будет отброшен. Но мы не остановимся на этом, - продолжал он, вдохновленный собственными словами. - Лишь плохой патриот может ограничиться

решением тех задач, которые мы ставили, вступая в войну. Мы, не колеблясь, пожертвуем последними людьми, последними деньгами для выполнения нашей священной миссии - полного уничтожения вражеского государства, ввергнувшего мир в пучину бедствий. Даже если враг захочет сдаться, мы продолжим войну до тех пор, пока не продиктуем ему наших условий на пороге Потсдама.

Доктор, который со странным вниманием рассматривал ораторствовавшего мистера Левендера, быстро опустил глаза.

- Совершенно верно, - с чувством сказал он, - совершенно верно. До свидания! Я ведь только на минуту.

И, оставив окрыленного высокими чувствами мистера Левендера, необычный гость покинул его дом. За калиткой он встретил поджидавшего его племянничка Синкина.

- Ну как? - спросил племянничек.

- Не больше нас с вами, - сказал доктор. - Малость педантичен в выражении чувств, но совершенно нормален, уверяю вас.

- Его собака вас не укусила? - пробормотал племянничек.

- Нет, - рассеянно проговорил доктор. - Ах, если бы каждый держал свои взгляды при себе! Прощайте, я иду по делу.

И они расстались.

А мистер Левендер прошелся по комнате взад-вперед раз шесть и снова уселся в кресло, ощущая в желудке неприятный холодок, как это бывает с людьми наутро после попойки.

ХIII

...ГОВОРIT СОЛДАТАМ О ТОМ, ЧТО ИХ ЖДЕТ

В погожие дни мистер Левендер любил после обеда посидеть на одной из скамеек, красовавшихся на Спаньярд-Роуд, погреться на солнышке и полюбоваться панорамой городских башен в голубоватой дали. И в тот день, когда к нему заходил доктор, он вышел с Блинк и, усевшись на скамейку, прочел передовицу, которая предписывала всем и каждому принять живейшее участие в судьбе инвалидов войны.

"Да, - подумал он, - без сомнения, наш долг заставить их, несмотря на все раны и увечья, продолжать борьбу и даже превзойти свой фронтовой героизм, стать выше самих себя". И ему показалось истинной волей провидения, что на его скамью неожиданно сели трое солдат в синих госпитальных пижамах с красными галстуками. Так они просидели несколько минут, разделенные стеной привычных

условностей, и мистер Левендер ломал себе голову, как бы поестественнее заговорить с ними, но вдруг на помощь пришла Блинк, которая встала перед одним из солдат и стала плядеть ему в глаза.

- Господи! - сказал солдат. - Ну и морда! А какие усищи! Ну, попрошайка, чего ты так уставилась?

- Моя собака любит плядеть на все прекрасное и необычайное, - заговорил мистер Левендер, стараясь не упустить удобный случай.

- Ну и ну, - сказал солдат, лицо которого было сплошь забинтовано, - и она все это нашла во мне?

Поощряемый улыбками солдат, мистер Левендер продолжал, стараясь как можно более непринужденно:

- Я уверен, вы прекрасно понимаете, друзья мои, какое огромное значение имеет ваша дальнейшая судьба.

Три солдата с удивлением переглянулись, насколько им позволили забинтованные лица, и промолчали. Мистер Левендер продолжал говорить, невольно подражая поэтическому строю только что прочитанной статьи:

- Мы сейчас переживаем критический момент, поэтому мы должны, не теряя ни минуты, внушать каждому инвалиду войны, что он вновь должен стать капитаном своей души. Тот, кто был героем на фронте, должен вновь продемонстрировать нам находчивость и выносливость, которыми он заслужил восхищение всего человечества.

Три солдата обратили к мистери Левендеру забинтованные лица, и, увидев, что он привлек их внимание, мистер Левендер продолжал свою речь:

- Госпитальная апатия и отсутствие труда в огромной степени ответственны за то опасное положение, в котором сегодня оказывается инвалид войны. Только мы, люди, которым не угрожает такое будущее, можем понять, каким это будущее может стать, если инвалид войны путем напряженных усилий не добьется лучшей участи. Ребята, - с горячностью сказал он, вдруг вспомнив, что обладавшие тесным контактом с аудиторией ораторы всегда употребляли это слово, - ребята, делаете ли вы что-нибудь для этого? Подготавливаете ли вы себя духовно? Используете ли вы свой вынужденный досуг для того, чтобы занять такое место в жизни, где вы сможете противостоять всем пришельцам?

Он умолк в ожидании ответа.

Как показалось мистеру Левендеру, на лицах троих солдат изобразилось чистейшее изумление. Помолчав с минуту, они заерзали, и один из них спросил соседа:

- Как думаешь, Альф, мы делаем то, что говорит джентльмен?

- Я могу сам ответить, - обрадованно проговорил мистер Левендер, - ибо по вашим госпитальным лицам я вижу, что вы живете лишь текущим днем; по мнению лучших наших публицистов, это типично английская привычка. Я уверяю вас, - продолжал он с торжествующей улыбкой, - что таким образом будущего вы не завоюете. Если вы тотчас же не начнете добиваться надлежащих мест в величественном храме промышленности, встречный поток захлестнет вас и выбросит на мель.

При последних словах некоторое раздражение на забинтованных лицах сменилось снисходительностью.

- Вы все верно говорите, хозяин, - покровительственно сказал средний солдат. - Вы не беспокойтесь, мы вас проводим.

- Это я должен проводить вас, - возразил мистер Левендер, - это скорее долг того, кто не имел счастья сражаться за наше отечество.

Эти слова окончательно утвердили солдат в мнении, что у мистера Левендера не все дома. Они встали.

- Пойдемте, - сказал один из них, - проводим друг друга. Нам надо быть к пяти. Ваша собака ведь не на поводке?

- Нет! - сказал удивленный мистер Левендер. - Я же не слепой.

- Ничего, - утешил его солдат, - пойдемте-ка, сэр, и поговорим об этом по дороге.

Мистер Левендер, восхищенный тем, что произвел на солдат такое сильное впечатление, поднялся и пошел с ними, машинально ведя их по направлению к своему дому.

- Так что же вы нам посоветуете делать, хозяин? - спросил один из солдат.

- Отбросьте все мысли о настоящем, - с горячей убежденностью ответил мистер Левендер, - навсегда забудьте прошлое, безраздельно посвятите себя будущему. Не делайте ничего, что могло бы принести вам немедленное удовлетворение. Не думайте ни о своих семьях, ни о таких преходящих явлениях, как развлечения, дом, здоровье, деньги на пропитание; безраздельно доверьтесь тем, кто путем серьезных

размышлений способен оценить личные обстоятельства каждого из вас. Ибо только превратись в стадо овец, можете вы под нашим руководством прийти к тем пастбищам, на которых трава вашего будущего будет зелена и обильна. И превыше всего - будьте такими же героями, какими вы стали, когда отечество призвало вас, ибо вы не должны забывать, что отечество продолжает призывать вас!

- Вот это верно, - сказал солдат слева от мистера Левендера. - Мя-ау! Ваша собака гоняет кошек?

Столь неуместный вопрос заставил мистера Левендера подозрительно посмотреть направо и налево, но на забинтованных лицах ничего не выразалось.

- Где ваша больница? - спросил мистер Левендер.

- За холмом направо, - ответил солдат. - А ваш?

- Увы! Я отнюдь не в...

- Понимаю, - деликатно сказал солдат, - можете не говорить, не надо. Мы все братья по несчастью. Вам часто удается выходить?

- Я всегда гуляю после обеда, - ответил мистер Левендер, - когда я свободен от своей общественной работы. Если вы находите, что вашим товарищам это будет интересно, я буду только счастлив прийти к вам и поговорить о вашем будущем.

- Слышишь, Альф? - сказал солдат. - Как ты думаешь, будет им интересно, а?

Солдат, к которому относился вопрос, приложил палец к незабинтованной части губ и мяукнул.

- Я бы мог произвести революцию в их взглядах, - продолжал немного озадаченный мистер Левендер. - Позвольте предложить вам эту газету. Прочтите ее, и вы увидите, как жизненно важно все, что я вам говорил. И если вы направите мне петицию, как это водится в демократической стране, я, может быть, смогу навещать вас каждый день после пяти. Иногда я чувствую, - мистер Левендер остановился посреди дороги, поддавшись внезапному наплыву чувств, что я не имею никакого права жить, в то время как вы отдаете за меня жизнь.

- Ничего, старина, - сказал солдат слева, - вы бы сделали то же самое за нас, будь вы здоровы. Мы на вас не в обиде.

- Ребята, - сказал мистер Левендер, - вы настоящие мужчины. Не могу выразить, как я люблю вас, как восхищаюсь вами!

- Ну-ну, не волнуйтесь так, это может вам повредить. Послушайте-ка! Если с вами будут плохо обращаться, дайте нам знать, и мы покажем тем, кто там за вами смотрит.

Мистер Левендер улыбнулся.

- Бедная миссис Петти! - сказал он. - Но все равно я от души благодарю вас за добрые чувства. Я живу вот здесь, - заключил он, останавливаясь у ворот домика, утопавшего в сирени и раkitнике. - Не хотите ли чашку чаю?

Солдаты переплянулись; мистер Левендер приписал их удивление слову "чай".

- Весьма сожалею, но я абсолютный трезвенник, - сказал он.

Эти слова укрепили солдат в сложившемся у них мнении о мистере Левендере и удвоили их изумление, что он живет в этом доме; в ответ на его приглашение они лишь переминались с ноги на ногу.

Мистер Левендер снял шляпу.

- Для меня было большой честью побеседовать с вами, - сказал он. - До свидания и да хранит вас бог!

Он открыл калитку и со шляпой в руке вошел в сад, сопровождаемый Блинк.

Солдаты посмотрели, как он скрылся за дверью, и затем молча пошли к себе за холм.

- Черт побери! - внезапно сказал один из них. - У некоторых таких штатских стариков мозги набекрень с самого начала войны. В окопах все проще!

XIV

...ПЫТАЕТСЯ ИНТЕРНИРОВАТЬ НЕМЦА

На седьмом небе от сознания того, что он помог раненым солдатам, мистер Левендер уселся за чай, который был подан ему в кабинет.

"Нет ничего в жизни, - размышлял он, - что давало бы такую радость, как любовь к ближним и умение помочь им". - О лунная кошечка!

Ожидавшая котят лунная кошечка, которая обитала в крепости мистера Левендера с того дня, когда ее впервые угостили молоком, громко замурлыкала и посмотрела на хозяина горящими глазами; это

значило, что она хочет молока. Мистер Левендер подставил ей блюдце и продолжил свои размышления.

"Все тщетно, мир полон теней и призраков, незыблемость есть лишь в любви к людям и в мурлыканье кошечки".

- Вас спрашивает леди, сэр.

Подняв глаза, мистер Левендер увидел миссис Петти.

- Как это приятно!

- Не знаю, сэр, - ответила экономка с присущей ей решительностью, только она хочет вас видеть. Ее фамилия - Сплэттни.

- Сплэттни, - задумчиво повторил мистер Левендер, - кажется, не знаю... Пригласите ее сюда, миссис Петти, пригласите.

- На вашу ответственность, сэр, - сказала миссис Петти и вышла.

Перед мистером Левендером немедленно появились темно-зеленый шелк, длинная верхняя губа и отвислая нижняя и напряженное, несколько перекошенное лицо, которые, крадучись, приближались к нему.

- Прошу вас, садитесь, сударыня. Не хотите ли чашку чаю?

Гостья села.

- Благодарю вас, я только что пила. Я обращаюсь к вам по рекомендации вашей соседки мисс Изабел Скарлет..

- Что вы говорите! - воскликнул мистер Левендер, и его сердце учащенно забилось. - Располагайте мною, ибо я весь к ее услугам.

- Я пришла к вам, - начала гостья со странной извилистой улыбкой, - как к общественному деятелю и патриоту.

Мистер Левендер поклонился. Гостья продолжала:

- У меня огромная неприятность. Дело в том, что сестра мужа моей сестры замужем за немцем.

- Возможно ли это, сударыня? - спросил мистер Левендер, кладя ногу на ногу и прикладывая кончики пальцев правой руки к кончикам пальцев левой.

- Увы, да, - ответила гостья, - но ужаснее всего то, что он до сих пор на свободе.

Мистер Левендер, в сознание которого незамедлительно хлынул поток знаменитых речей, с молчаливым сочувствием смотрел на ее костлявое лицо.

- Вы сможете представить мои страдания и муки совести, сэр, продолжала гостья, - если я скажу вам, что мы были очень дружны с

сестрой мужа моей сестры и, разумеется, с этим немцем. Они очень дружная юная пара, детей у них нет, и они обожают друг друга. Я пришла к вам, чувствуя, что мой долг добиться его интернирования.

Мистер Левендер, тронутый чисто человеческой стороной вопроса, хотел спросить: "Но почему, сударыня?", - однако леди продолжала:

- Я лично не слыхала, чтобы он хорошо отзывался о своей родине. Но сестра моей приятельницы, которая пила у них чай, явственно слышала, как он сказал, что ко всему на свете можно подойти так и этак и что он не в состоянии верить всему, что говорится в английских газетах.

- Господи! - проговорил встревоженный мистер Левендер. - Это очень серьезно.

- Увы, да, - продолжала гостья, - а однажды муж моей сестры сам слышал, как он сказал, что человек не может не любить свою родину и не желать ей победы.

- Но это же естественно... - начал мистер Левендер.

- Что?! - воскликнула гостья, приподымаясь. - Ведь его родина Германия!

При слове "Германия" чувство меры вернулось к мистеру Левендеру.

- Вы правы, - сказал он, - вы правы. Я забылся. Поразительно, как безответственны бывают наши мысли! У вас есть основания считать, что он опасен?

- Я полагала, что сказанное мною могло убедить вас, - укоризненно ответила гостья, - но я не хочу, чтоб вы действовали прежде, чем убедитесь сами. Конечно, вы с ним не знакомы. Мне легко удалось сагитировать тех, кто его знает, но я не могу ожидать, что посторонний... И я подумала, что, если я дам вам его адрес, вы сможете составить собственное мнение.

- Да, - пробормотал мистер Левендер, - да. В высшей степени нежелательно, чтобы какое-либо лицо германского происхождения находилось на свободе и могло вредить нам. Дело не в ненависти или патриотическом фанатизме, - продолжал он все более странным, далеким голосом, - обычное благоразумие обязывает нас принять меры.

- Я должна сказать, - прервала его посетительница, - что мы все, разумеется, считали его порядочным человеком до самого начала войны. Иначе бы мы с ним не дружили. Он зубной врач, - прибавила она, - и, вероятно, люди считают, что он приносит пользу, а это усложняет дело. Я думаю, вы могли бы сходить к нему, скажем, удалить зуб.

Мистер Левендер содрогнулся и машинально тронул рукой щеку.

- Благодарю вас, - сказал он. - Я постараюсь найти подходящий зуб. Это дело нельзя предоставить слепому случаю. Нам, общественным деятелям, сударыня, нередко приходится совершать жестокие и даже бесчеловечные поступки без какой-либо очевидной причины. Опорой нам в таких случаях лишь собственная совесть. Мне рассказывали, что у публики порой возникает впечатление, будто нас можно сломить бурным изъяснением протеста. Лишь те, кто знает нас, понимают, как необоснованно это клеветническое утверждение.

- Вот его адрес, - сказала гостья, вставая и вручая ему конверт. - Я не успокоюсь, пока он не будет интернирован. Разумеется, не упоминайте моего имени. Это трагедия, когда приходится тайно действовать против собственных друзей. Ваша юная соседка с восторгом говорила о вашем усердии, и я уверена, что, назвав вас, как наиболее близкого мне общественного деятеля, она не хотела ввести меня в...

Мистер Левендер поклонился.

- Надеюсь, что это так, - скромно сказал он. - Я постараюсь исполнить свой долг.

Гостья еще раз улыбнулась странной извилистой улыбкой и направилась к двери, оставляя за собою слабый запах уксуса и сандала.

Когда она ушла, мистер Левендер присел на кончик стула перед чайным подносом и извлек изо рта вставные челюсти. Блинк приняла их за кость, и глаза ее заблестели; лунная кошечка, устроившись меж хозяйскими ботинками, урчала от пресыщения.

"Все основано на разуме, но только не патриотические чувства, - думал он, шаря пальцем во рту, - в противном случае как могли бы мы истребить нашего общего врага до последнего человека? Нам, общественным деятелям, следует всегда подавать пример. Которым зубом я могу пожертвовать? - Он остановился на одиноком коренном

зубе в нижней челюсти. - Боюсь, что будет невыносимо больно; однако, если делать под наркозом, то при разговоре будет присутствовать третье лицо; кроме того, весьма вероятно, что после мне все-таки будет очень больно и я не смогу составить о нем непредвзятое суждение. Я должен собраться с духом! Блинк!"

Дело в том, что Блинк уже предпринимала робкие попытки стащить одну из челюстей.

"Как приятно быть собакой! - размышлял мистер Левендер. - Ничего не знать ни о немцах, ни о зубах. Я буду чувствовать себя отвратительно, пока все это не кончится, но меня ведь рекомендовала Аврора; поэтому я не имею права жаловаться. Наоборот, я должен считать себя счастливейшим из общественных деятелей".

И, ероша свои волосы, покуда они все не встали дыбом, он смотрел на лунную кошечку, причем его правая бровь так и ходила вверх и вниз.

- О лунная кошечка, - вдруг заговорил он, - мы все игрушки судьбы и не знаем, что уготовано нам на завтрашний день. Мой зуб уже начинает болеть. Быть может, так и должно быть для того, чтобы я не забыл, который именно я должен принести в жертву.

Погруженный в раздумья, он вставил челюсти и, направляясь к книжному шкафу, стал искать сил и вдохновения в стенограмме парламентских дебатов о проживающих в Англии подданных враждебной державы.

Тем не менее он испытывал немалый трепет, когда на следующий день явился на Уэлкин-стрит и позвонил у двери дома, номер которого значился на конверте, зажатом в руке.

- Да, сэръ, доктор дома, - ответила горничная.

У мистера Левендера сердце ушло в пятки, но, призвав на помощь образ Авроры, он слабым голосом проговорил:

- Мне необходима его помощь.

Горничная убежала наверх, а мистер Левендер остался ждать в тесной приемной, то снимая, то надевая шляпу, - так велико было его духовное смятение.

- Доктор ждет вас, сэръ.

Быстро надев шляпу, мистер Левендер поднялся по лестнице, прижимая палец к щеке как раз против обреченного зуба, чтобы в последний момент ничего не перепутать. По мере приближения к

месту мучения храбрость его возрастала, и он бодро вошел вслед за горничной в кабинет, не отнимая одной руки от надетой шляпы, а другой - от щеки, за которой был обреченный зуб. Перед зубоврачебным креслом с красной бархатной обивкой стоял одетый в белый халат молодой мужчина с круглыми глазами и очень обыкновенным лицом. Он спросил на хорошем английском языке:

- Чем я могу вам помочь, дорогой мой сэръ? Вас, кажется, мучает супная поль?

- Страшная боль, - тихонько проговорил мистер Левендер, - страшная боль. - И это была правда, ибо от нервного напряжения здоровый зуб в самом деле начал болеть.

- Садитесь, сэръ, садитесь, - сказал молодой человек, - и, вероятно, будет лучше, если вы снимете свою шляпу. Мы не будем делать вам польно, нет, нет, мы не будем.

При этих словах, которые, казалось, подвергали сомнению храбрость мистера Левендера, он взял себя в руки. Он снял шляпу, решительно сел в кресло и, взглянув на врача, сказал:

- Делайте со мной, что угодно, я ни на йоту не уклонюсь от поведения, приличествующего тому, кто должен подавать пример другим.

Сказав это, он вынул вставные челюсти и опустил их в стакан на вращающемся столике слева, после чего закрыл глаза и, засунув палец в рот, сказал:

- От этот.

- Простите меня, сэръ, - сказал молодой немец. - Вы хотите, чтобы я удалил вам суп?

- 'Аково 'ое желание, - сказал мистер Левендер, не вынимая пальца изо рта и не открывая глаз. - 'От этот.

- Тогда мне придется позвать ассистента для анестезии.

- Я 'наю, - ответил мистер Левендер, - 'пешите. И, ощутив холодок маленького зеркальца, которое начало исследовать его рот, он стиснул кулаки и подумал:

"Вот подходящий момент доказать, что я тоже могу отдать жизнь за правое дело. Если я окажусь неспособным перенести ради отечества это ничтожное испытание, я никогда не смогу взглянуть в глаза Авроре".

Голос зубного врача грубо нарушил его глубокое смирение:

- Простите, который суп?

Мистер Левендер вновь засунул палец в рот и открыл глаза.

Зубной врач покачал головой.

- Невозможно, - сказал он, - этот суп совершенно здоров. Два другие гнилые. Они не полят?

Мистер Левендер покачал головой и повторил:

- 'От этот.

- Вы мой первый клиент за неделю, сэр, - сдержанно проговорил молодой немец, - но я не могу удалить вам здоровый суп.

При этих словах мистер Левендер ощутил, как душа его, находившаяся в пятках, возвращается на место.

- Нет? - спросил он, чувствуя, что душа поднялась уже до желудка.

- Нет, - ответил молодой немец. - Этот суп не мог причинить вам поль.

Мистер Левендер мгновенно почувствовал, что вся боль прошла, и вынул палец изо рта.

- Сэр, - сказал он, - я убедился в том, что вы честный человек. В вашем отказе удалить мне зуб есть что-то возвышенное, тем более, что у вас целую неделю не было клиентов.

- Не было, - сказал молодой немец, - правда, Сайсили?

Мистер Левендер вдруг увидел, что в кабинете находится молодая женщина, которая стоит, прислонясь к стене, с пинцетом в руке.

- Удали ему, Отто, раз он так хочет, - прошептала она.

- Нет, нет, - быстро проговорил мистер Левендер, вставляя челюсти. - Я ни за что на свете не захотел бы отягощать вашу совесть.

- Моя клиенты - все патриоты, - сказал зубной врач, - моей практике пришел капут. Мы в плохом положении, сэр, - добавил он с улыбкой, - но мы стараемся работать честно.

Молодая женщина так страшно взмахнула пинцетом, что у мистера Левендера кровь застыла в жилах.

- Надо же нам жить, - услышал он ее слова.

- Сударыня, - сказал он, - я глубоко уважаю ваше стремление расширить практику вашего супруга. Я убежден в вашей глубочайшей честности и поэтому не могу не признаться вам относительно моих намерений. Мой зуб действительно не болит, хотя, когда я делал вид,

что болит, он доставил мне немало страданий. Я пришел к вам, чтобы составить свое мнение о деятельности вашего супруга и добиться его интернирования.

При этом слове муж и жена стали рядом, с изумлением и тревогой глядя на мистера Левендера, руки их, еще сжимавшие зубоврачебные инструменты, бессознательно потянулись друг к другу.

- Вам не надо ничего опасаться! - воскликнул тронутый до глубины души мистер Левендер. - Я вижу, как вы привязаны друг к другу, и, несмотря на то, что ваш муж - немец, он все же человек, и ничто не заставит меня отнять его у вас.

- Кто вы? - испуганно спросила молодая женщина, обнимая мужа за талию.

- Просто общественный деятель, - ответил мистер Левендер. - Я пришел сюда, сознавая свой долг, вот и все, уверяю вас.

- Кто на нас донес?

- Я не волен сообщить вам это, - сказал мистер Левендер, кланяясь так низко, как только позволяло ему сидячее положение. - Но верьте мне: мое посещение ничем вам не угрожает; я никогда не сделаю ничего, что могло бы огорчить женщину. И прошу вас, получите с меня, как если бы зуб был удален.

Молодой немец улыбнулся и покачал головой.

- Сэр, - сказал он, - я благодарю вас за то, что вы пришли сюда, так как это показывает, какая угроза нависла над нами. Труднее всего было переносить неопределенность нашего положения, догадываясь, что наши знакомые что-то тайно замышляют против нас. Теперь мы точно знаем, что это именно так, и нам легче подготовиться к худшему. Но скажите мне, - продолжал он, когда вы пришли сюда, вы, без сомнения, понимали, что отнять меня у жены значит причинить горе и ей и мне. Теперь вы говорите, что никогда не можете сделать этого, как же тогда вы пришли сюда?

- Ах, сэр! - воскликнул мистер Левендер, ероша волосы и глядя в потолок. - Я так и думал, что это может показаться непоследовательным вашему логическому немецкому уму. Но на свете много такого, чего мы, общественные деятели, никогда не сделали бы, если бы видели, как это делается. К счастью, как правило, мы этого не видим. Верьте мне, уйдя отсюда, я сделаю все, что в моих силах,

чтобы спасти вас от той участи, которой вы вполне достойны избежать.

И он встал с кресла и взял шляпу.

- Я не предлагаю обменяться рукопожатием, - говорил он, отступая к дверям, - ибо чувствительнейше сознаю, что я перед вами в недостойном и неприличном положении. Я обязан вам зубом, и я не скоро это забуду. Прощайте!

Он спустился по лестнице и вышел на улицу, не в силах преодолеть волнение, которое испытывал при виде молодых людей, в страхе прижавшихся друг к другу. Тем не менее он удалился от дома зубного врача не на такое уж большое расстояние, когда рассудок вновь возобладал в нем и он начал понимать, что обитое красным бархатом кресло, в котором он только что сидел, на самом деле было радиопередатчиком, при помощи которого устанавливается связь с Берлином, или по крайней мере тайником для динамита, чтобы взорвать какого-нибудь короля или премьер-министра; что зеркала, которых в кабинете было по меньшей мере два, безусловно, предназначены для подачи сигналов вражеским аэропланам и цеппелинам. Душевное смятение его было так велико, что только случайно он пришел в Хэмпстед, а не в Скотленд-Ярд.

"Лишь в присутствии Авроры смогу я освободиться от угрызений совести, ведь я ходил туда по ее поручению", - подумал он. И вместо того, чтобы пойти к себе, он встал на лужайку перед домом и стал размахивать руками, надеясь привлечь внимание юной леди. Он занимался этим довольно долго, к великой радости Блинк, которая приняла это за новую игру; но вот юная леди в форме сестры милосердия показала в стеклянной двери с желтой книгой в руке. Мистер Левендер удвоил усилия и, наконец, привлек ее внимание; тогда он подошел к жасминовой изгороди и глубоким, меланхолическим голосом проговорил:

- Аврора, я изменил долгу; ваше поручение, по которому я ходил, не выполнено. Муж сестры мужа сестры миссис Сплэттни все еще на свободе.

- Я знала, что так и будет, - ответила юная леди с радостной улыбкой, и поэтому-то я и направила к вам эту... шуку!

Не в силах понять значение ее слов, мистер Левендер, стремясь объяснить ей все, резко подался вперед над изгородью, потерял

равновесие и, стараясь спасти жасмин, грохнулся о горшки с геранью.

- Дорогой дон Пиквихот, - воскликнула юная леди, помогая ему встать на ноги, - цел ли ваш нос?

- Да, да, вполне, - ответил мистер Левендер, вытряхивая из шевелюры землю и одновременно пытаюсь унять расплясавшуюся Блинк, - но зато уязвлена моя честь, ибо я позволил обыкновеннейшему чувству сострадания взять верх над долгом перед родиной!

- Ура! - закричала юная леди. - Это принесет вам огромную пользу.

- Аврора! - воскликнул ошеломленный мистер Левендер, направляясь за ней. Но юная леди лишь звонко рассмеялась.

- Прилягте-ка в гамаке! - сказала она. - А то вы совсем как тень. Вот я вас укурю пледом и покурю рядом с вами, чтобы вас комары не заели. Подогните ноги, вот так!

- Нет, - ответил мистер Левендер из глубин гамака, - пусть комары кусают меня, - он ощупывал свой нос, - я заслуживаю того, чтобы они меня съели заживо.

- Ладно, - сказала юная леди. - Тем не менее я советую вам вздремнуть.

И, усевшись на низенькую скамеечку, она раскрыла книгу и закурила сигарету.

Мистер Левендер молча глядел на нее глазами преданнейшего слуги, он не мог понять, уж не грезится ли ему выпавшее на его долю редкое счастье. Вскоре он задремал.

XV

...ВСТРЕЧАЕТ ПРУССАКА

Мистер Левендер не мог бы сказать, сколько он проспал, когда ему приснилось, что он пойман в сеть, ячейки которой состоят из криков мальчишек-газетчиков, оповещающих о зверствах на суше и на море. Он проснулся и увидел, что Аврора, стараясь унять его метания, держит его за щиколотки.

- О господи! Какой вы тощий! - были первые услышанные им слова. - Не диво, что у вас в голове такие завихрения.

Мистер Левендер, чье возвращающееся рыцарство боролось с бессознательным восторгом, с трудом пробормотал:

- Пустите меня, пустите меня, это невыносимо прекрасно!

- Больше не будете брыкаться? - спросила юная леди.

- Нет, - ответил мистер Левендер слабеющим голосом, - увы!

Юная леди отпустила его щиколотки и помогла ему подняться с гамака.

- Теперь я знаю, что с вами, - говорила она, - вы просто морите себя голодом. Вас надо уложить в постель по меньшей мере на три месяца и готовить вам все на сливочном масле.

Успокоив Блинк, которая при сонных метаниях хозяина начала тяжело дышать, мистер Левендер сказал, ощущая, как у него текут слюнки:

- Каждый в эти дни должен работать вдвое больше и есть вдвое меньше, чем обычно, лишь так мы добьемся разгрома нашего общего врага.

Юная леди сказала что-то вроде "вздор", но ответ ее остался втуне, так как она нагнулась за своей желтой книгой, и мистер Левендер, залюбовавшись ее божественными формами, ничего уже не слышал.

- Аврора, - сказал он, - я не знаю, что именно роднит вас с богинями, но заставьте меня уйти с хвалой на устах за этот час, проведенный с вами.

И он уже рванулся за жасминовую изгородь, но она удержала его за полу пиджака и сказала:

- Нет, дон Пиквихот, вы должны пообедать с нами. Я хочу познакомить вас с моим отцом. Пойдемте!

И, взяв его под руку, она повела его в свою крепость. Мистеру Левендеру пришлось повиноваться, ибо ведущая его рука была чрезвычайно сильной, и он шел с чувством радости, к которому примешивался ужас от сознания того, что человек, о котором она только что упомянула, мог лицезреть все безумства его недавнего сна.

- Уверена, что в вас не больше ста фунтов, - говорила юная леди, глядя на него. - Кошмар!

- Не физическим весом и силой мы победим в этой войне, - отвечал мистер Левендер, - в основе своей победа зависит от верности принципам. Право всегда восторжествует, и, несмотря на то, что наши материальные ресурсы неизмеримо превышают ресурсы противника, мы победили бы, если бы даже от нас осталась последняя унция, ибо наше дело правое.

- Если мы вас не подкормим, от вас действительно скоро останется последняя унция, - сказала юная леди. - Не хотите ли вымыть руки?

Мистер Левендер изъявил готовность и остался один в комнате, высланной линолеумом. Когда же наконец он окончил мечтательное омовение и в сопровождении Блинк вошел в гостиную, он увидел, что Аврора уже переделалась в свободное голубое платье, которое слегка просвечивало, отчего она казалась пронизанной небесным сиянием. И он чуть не сказал об этом, но вдруг заметил джентльмена в хаки, который пристально смотрел на него живыми, слегка налитыми кровью глазами.

- Дон Пиквихот, - сказала юная леди, - мой отец майор Скарлет, Пальцы мистера Левендера стиснула поистине железная рука.

- Это такая честь, сэр, познакомиться с отцом моей очаровательной юной соседки! - проговорил он, морщась от боли.

Голос майора был таким же колючим, как и его седые усы ежиком:

- Счастлив! Обед подан. Прошу!

Мистер Левендер заметил, что у майора впалые щеки и лысая, идеально крупная голова с несколькими волосками; на загорелом морщинистом лице его изображалась энергия и свирепое добродушие.

Привыкшему к умеренности человеку показалось бы, что стол, за который они сели, ломится от цветов, стекла и фарфора. И стоило мистеру Левендеру пролотить ложку горячего наваристого бульона, как воображение его воспламенилось, и он даже не заметил, что пьет из зеленого бокала какую-то жидкость янтарного цвета.

- У меня армейский паек, - сказал майор, протягивая Блинк кусочек говяжьего филе. - Славная собака, мистер Левендер.

- О да, - ответил мистер Левендер, радуясь, что его любимице оказано внимание, - она ангел.

- Немного худа, - сказал майор, - и в груди узковата, но все равно славная. Что вы думаете о войне?

Прежде чем мистер Левендер успел ответить, он почувствовал, что Аврора наступила ему на ногу, и услышал, как она сказала:

- Взгляды дона Пиквихота придутся тебе по сердцу, папа. Он за полное уничтожение гуннов.

- Разумеется! - воскликнул сияющий мистер Левендер. - Этого требуют Справедливость и Правосудие. Мы не ищем никакой выгоды для себя...

- Но захватим все, что возможно, - закончил майор. - Им не видать своих колоний. Мы приберем их к рукам.

Мистер Левендер с минуту смотрел на него, а затем, вспомнив свое ежедневное чтение, пробормотал:

- Мы не стремимся к захвату чужих территорий, но мы не должны забывать, что, пока хоть одна территория находится в руках нашего коварного врага, постоянная угроза нависает над коммуникациями нашей необъятной империи.

- Вот именно, - сказал майор, - такая возможность бывает раз в жизни, мы ее не упустим.

Мистер Левендер двинулся поближе к собеседнику.

- Я никогда не соглашусь с утверждением, будто мы хотим захватить что-то, ибо это противоречило бы высоким принципам, которые мы защищаем, и нашим клятвенным заверениям, что мы стремимся к благу всего человечества, сказал он, - однако наш бесчеловечный враг сам вынуждает нас обезвредить его.

- Да, - сказал майор, - мы должны убивать побольше немцев и хватать все, что можно, из их владений.

Мистер Левендер еще ближе придвинулся к майору и оказался на самом кончике стула; в его глазах росла тревога.

- В конце-то концов война есть война: мы или они! - продолжал майор. И в итоге это должны быть мы. Все козыри у нас.

Мистер Левендер вздрогнул и слабым голосом повторил:

- Мы не вложим меча в ножны до тех пор, пока...

- Пока не заберем в свои руки все, что можно. Не тот прав, кто силен, но силен тот, кто прав, мистер Левендер. Ха-ха!

В поле зрения мистера Левендера оказался бокал, и он в смятении осушил его. Когда он поднял глаза, он уже видел майора как бы в тумане, но продолжал явственно различать свирепое добродушие в его голосе.

- Каждого немца надо интернировать, все их имущество конфисковать, все экипажи их подводных лодок и цеппелинов перевешать, с немецкими пленными надо обращаться так, как они обращаются с нашими. Не давать им пощады. Дотла разбомбить их

города. Можно пощадить разве что женщин. С остальными церемониться нечего. Я бы перебил их, как кроликов. Они были паразиты и есть паразиты.

Во время этой тирады в мистере Левендере произошло нечто столь удивительное, что глаза его чуть не вылезли из орбит. Ему показалось, будто он сидит за обеденным столом с пруссаком, и стоило добродушному скрипу майорского голоса утихнуть, как мистер Левендер подпрыгнул на стуле и выкрикнул:

- Смотрите, вот он, пруссак, в сапожищах! - И, забыв, что он обращается к отцу Авроры, он продолжал с поистине чудовищной непоследовательностью:

- Хотя вы и победили нашу страну, сэр, вы никогда не изгоните из моей груди чувство свободы и великодушие, которые и делают меня англичанином. Я ненавижу вас, ибо вы завоеватель вселенной, солдафон, топчущий сапожищами принципы гуманизма, враг рода человеческого, апостол насилия! Вы задули искры любви и дружбы и этим навеки ограбили весь мир. Пруссак!

Последние слова он выкрикнул с таким пылом, что стул, на краешке которого он сидел, опрокинулся, и мистер Левендер съехал под стол, отчего из поля его зрения исчезла воображаемая фигура в сером мундире и остроконечной немецкой каске.

- Вылезайте! - послышался голос, и в то же мгновение взволнованная Блинк забралась под стол к хозяину.

- Никогда! - ответил мистер Левендер. - Бросьте меня в тюрьму, пытайте, делайте, что хотите. Вы завоевали ее тело, но никогда не заставите меня признать, что сумели лишить Британию чести и втоптать в грязь ее тончайшую культуру.

И, убежденный, что его сейчас вытащат и посадят в подземелье на хлеб и воду, он изо всех сил вцепился в ножку стола, а Блинк, со свойственной ей проницательностью понявшая, что с хозяином происходит что-то неладное, начала вылизывать ему затылок. Так он просидел с полминуты, напрягая слух, чтобы разобрать, о чем шепчутся наверху, и вдруг под столом появилось что-то блестящее - это была голова пруссака, присевшего, чтобы взглянуть на него.

- Убирайся отсюда, лысый! - тотчас же выкрикнул мистер Левендер. - Я не собираюсь идти на компромисс с врагом Справедливости и Гуманизма.

- Прекрасно, мой дорогой сэръ, - ответила голова. - Не позволите ли моей дочери поговорить с вами?

- Не кощунствуй, пруссак! - ответил мистер Левендер, отодвигаясь подальше и цепляясь уже не за ножку стола, а за нечто зыбкое, шелковое, что непременно ассоциировалось бы с Авророй, если бы не возбуждение. - У тебя нет дочери, ибо ни одна женщина не может быть дочерью того, чье ненавистное присутствие отравляет нашу страну.

- Ну-ну, - сказал майор. - Как мы его оттуда вытащим?

Услыхав эти слова и решив, что они обращены к прусской страже, мистер Левендер прильнул к зыбкому и шелковистому, что тотчас же стало извиваться и уходить из рук; тогда он подпрыгнул на четвереньках, как кролик, и ударился головой о лысину майора. Звук удара, проклятия майора, стоны мистера Левендера, лай Блинк и хохот Авроры произвели такой шум, который, наверное, был слышен даже в Португалии. Напряженность возрастала до тех пор, пока мистер Левендер не вылез из-под стола; тут он схватил нож, обернул левую руку салфеткой и приготовился дать отпор германской армии.

- Черт побери, - сказал майор при виде этих приготовлений, - ах, черт меня побери!

Аврора, все время державшаяся за стену, чтобы не упасть, задыхаясь от смеха, подошла к майору и прошептала:

- Папа, уйди, предоставь его мне.

- Тебе?! - воскликнул майор. - Это же не безопасно!

- Совершенно безопасно, ты только возбуждаешь его. Уйди!

И, взяв отца за руку, она вывела его из комнаты. Закрыв за ним дверь и прислонясь к ней, она ласково сказала:

- Дорогой дон Пиквихот, опасность миновала. Враг отбит, мы с вами одни, и ничто уже нам не угрожает. Ха-ха-ха!

Ее голос рассеял странную галлюцинацию мистера Левендера.

- Что? - еле слышно выговорил он. - Почему? Кто? Где? Когда?

- Вы опять вздремнули. Давайте я провожу вас домой и уложу в постель.

И, отобрав у него нож и салфетку, она открыла стеклянную дверь и вышла на лужайку. Мистер Левендер, сознание которого полностью возвратилось к действительности, был готов следовать за нею куда угодно, и он вышел за нею, сопровождаемый Блинк и взглядами

майора, который просунул голову в приоткрытую дверь. К несчастью, храбрость заставила мистера Левендера опянуться именно в этот момент, и, увидя голову врага, он закричал что было мочи:

- Он там! Он там! Архивраг рода человеческого! Позвольте мне пойти и умереть под его сапогом; пока я жив, он не будет властвовать над нами! - И ослепленный джентльмен, без сомнения, бросился бы на своего гостеприимного соседа, если бы Аврора не удержала его за штанину. Майор скрылся за дверью, волнение мистера Левендера утихло, и он позволил проводить себя домой, где Аврора передала его на попечение миссис Петти и Джо, которые хлопотали вокруг него до тех пор, пока он не заснул с помощью сильной дозы снотворного.

XVI

...БОРЕТСЯ ЗА ВЕРУ

Треволнения, испытанные мистером Левендером, привели к тому, что Джо Петти назвал "честным нокаутом", и нашему герою пришлось провести три дня без газет, в постели. Тем не менее он распорядился, чтобы миссис Петти ни в коем случае не рвала и не теряла газеты, но складывала их стопкой в кабинете. Она так и поступала; хотя ее первой мыслью было каждое утро растапливать печь на кухне всеми пятью, однако по здравом раздумии она пришла к выводу, что двадцать газет, прочитанных в один присест, произведут на него более усыпляющее действие, нежели только пять.

Итак, мистер Левендер провел эти три дня в полном уединении, подкармливая Блинк, глядя в потолок и беседуя с Джо. Мучительное сознание, что он опять не сумел воздержаться от спиртного, заставляло его смотреть на жизнь глазами скорее ежемесячных, чем ежедневных изданий, и вести со своим шофером дискуссии отчасти философического характера.

- Наше будущее в значительной степени зависит от того, кто управляет нашей страной, Джо, - сказал мистер Левендер в последний вечер своего вынужденного уединения. - Как вы думаете, кто управляет нами на самом деле?

- Понятия не имею, - ответил Джо, - может быть, Глист?

- Не знаю, кого или что вы обозначаете этим словом, - ответил мистер Левендер. - Я спрашиваю, управляет ли нашей страной Народ?

- Народ! - ответил Джо. - Народ похож на того типа в сумасшедшем доме, которому позволили иметь чувства, но только не

выражать их. В один прекрасный день все это выйдет наружу, и тогда у нас будет веселая жизнь.

- В таком случае, быть может, нами правит Общественное Мнение, выражаемое Прессой? - продолжал мистер Левендер.

- Ну нет, - сказал Джо. - Пресса больше выражает мнение мэров. Вы замечали, сэр, когда Пресса хочет поддержать то, что не нравится народу, она отправляется за помощью к мэрам и печатает их общественное мнение в два столбца?

- Мэры - исключительно ценные члены общества, - сказал мистер Левендер.

- Да я ничего не имею против них, - ответил Джо, - очень средняя публика, но они не Народ.

Мистер Левендер вздохнул.

- Кто же тогда Народ, Джо?

- Я, - ответил Джо. - У меня нет никаких особых мнений ни о чем, просто я хочу жить спокойно: малость пивка, табачок, рабочая неделя покороче и никаких лишних забот.

- Если вы сравните это с устремлениями наших мэров, вы увидите, как убоги ваши мечты, - сурово проговорил мистер Левендер.

- Пусть убоги, сэр, - ответил Джо, - только одного вы не заметили. Чтобы добиться своего, мне не надо никого приносить в жертву. А почему? Да у меня нет никаких особых устремлений. Это самое ценное. Возьмите Прессу, Парламент, мэров - все с ума походили от устремлений. То Свободная Торговля, то Империализм, то Свобода для Европы, то Рабство для Ирландии, то Пожертвуем последним человеком и последним долларом. И никогда не знаешь, что у них будет следующим номером. А все эти устремления ведут к тому, что кого-то другого ради них приносят в жертву. Поймите все это правильно, сэр. Ну-ка, скажите речь, которая бы не исходила из этого!

- Мы уклонились от темы, Джо, - заметил мистер Левендер. - Так кто же управляет нашей страной?

- Невидимая Сила, - быстро ответил Джо.

- То есть?

- Ну, сэр, мы же демократическая страна. Народ избирает Парламент. Парламент избирает Правительство. Пока все в порядке,

но что дальше? Правительство говорит: "Я сделаю то-то". Если с этим согласна Невидимая Сила, все идет гладко. А если не согласна? Эта Н. С. начинает действовать; в сотне газет появляется то, что Н. С. называет Общественным Мнением, то есть мнением тех, кто согласен с Н. С. Вот в ней-то и дело, сэр, управляет она, и это как будто убедительно. Нападки на политику правительства, гнусности о тех министрах, которые неосмотрительно говорят то, что думают, - им приписывают немецких родителей и прочие тайные грехи; и что самое главное, сотня газет никогда не скажет ни слова в поддержку правительства. Это идет изо дня в день, это беспокоит парламентские умы, действует на нервы правительству, а у правительства всегда слабые нервы, и вот министры говорят: "Явный беспорядок, общественное мнение против. Нас могут выставить, а этого допустить нельзя, потому что никакие другие парни отечества не спасут". Кабинет заседает, политика меняется. А настоящего общественного мнения они никогда и не слыхивали. Они слышали только то, что позволила Н. С. На месте правительства я бы раз и навсегда покончил с этой Н. С.

- Ах! - воскликнул мистер Левендер, у которого глаза повылезали из орбит, так глубоко он был взволнован этой новой для себя мыслью.

- Да, - продолжал Джо, - будь я Правительством, как только бы такое случилось, я бы сказал: "Ладно, старая чертовка, делай, что тебе заблагорассудится. Я за тебя не отвечаю. Нападай, дави и так далее. Мы все равно будем гнуть свое!" И я бы так и делал. И что бы получилось? Или Н. С. вышла бы за пределы закона - и тогда бы я бросился на нее, прикрыл ее газеты и упек ее самое в каталажку, - или она сама бы сдалась и прекрасно проглотила все, что я делаю. Как бы то ни было, а Н. С. был бы конец. Ее цепей на мне бы не осталось. Но я не правительство, а правительство боится щекотки. Скажите, сэр: что толку иметь конституцию и избирать этих парней, когда они раз в жизни не могут поступить по своему разумению? Н. С. может быть патриотична и почтенна, может, у нее самые лучшие намерения и все такое, но она противоречит Конституции, а, кроме того, я не намерен отдавать последнюю кровь и последние деньги в демократической стране ради прихоти какого-нибудь типа или триумвирата, или кого-нибудь еще. А коли правительство не знает, чего хочет страна, то почему не спросить об этом как полагается? Нечего им судить

понаслышке и верить газетам. Вот что я думаю. Слушая эту речь, мистер Левендер взволновался до такой степени, что его начало трясти, ибо, сам того не желая, Джо обнажил перед ним зияющую бездну между его преклонением перед политиками и его любовью к Прессе. И, как только шофер умолк, он воскликнул:

- Оставьте меня, Джо, я должен это продумать.

- Ладно, - усмехнулся Джо, забрал у хозяина чайный поднос, поставил его туда, где он скорее всего мог перевернуться, и вышел.

"Может ли быть, что я служу и Богу и Маммоне? - подумал мистер Левендер, оставшись один. - Но что есть Бог и что есть Маммона? - прибавил он, и мысли его заплясали по бесчисленным речам и передовицам, составлявшим его духовную диету с самого начала войны. - А не может быть, что и то и другое есть Бог, или же, наоборот, Маммона? Если то, что говорит Джо, правда, и в газетах пишут только то, что одобряет эта Невидимая Сила, выходит, я все время знакомился с мнениями призраков и теней; да и разве сам я не призрак общественного деятеля? Ведь я не знаю ничего, кроме того, что пишется в газетах. - И, видя, что самые устои его веры находятся под угрозой, он сбросил с себя одеяло и стал расхаживать по комнате взад-вперед. - Выходит, что все мы лишь резиновые мячики, которыми играет невидимая рука, - размышлял он, - среди нас нет никого, кто мог бы, отскочив, ударить жонглера в глаз и повергнуть его. Боже, как я несчастлив, я не знаю, что есть мой Бог и что есть я сам: общественный деятель или резиновый мячик".

И чем больше он думал, тем ужаснее казалось ему его положение, ибо теперь он понимал, что газеты и брошюры, которыми кабинет был завален до потолка, вероятно, сообщали ему не истину, но ее тщательно отредактированные версии.

- Я должен освободиться от этого кошмара, - проговорил он вслух, иначе я потеряю способность помогать отечеству, над которым нависла угроза.

Внезапно его лоб покрылся испариной: он понял, что даже не знает, существует ли эта угроза на самом деле, - так странно подействовали слова Джо на его способность верить чему-либо.

"Но, без сомнения, эта угроза по крайней мере была когда-то, - подумал он, хватаясь для устойчивости за умывальник. - И все же, как я могу быть уверенным хотя бы в этом, ведь мне об этом только

говорили; да и говорившие сами узнали это от Невидимой Силы, а та могла ошибиться или исказить истину в корыстных целях! О, как это ужасно, и где выход?"

И в судорогах, вызванных первыми сомнениями в истинности своей веры, он затряс фаянсовый таз умывальника.

- Куда же мне пойти, чтобы узнать истину? - вскричал он. - Даже книги, по-видимому, зависят от Невидимой Силы и не достигают моих глаз без ее санкции!

И чем больше он думал, тем больше убеждался, что ему ничто не поможет, кроме встречи лицом к лицу с самой Невидимой Силой, ибо только тогда он сможет убедиться, кто она, Ангел Истины или Демон, нисшедший на землю. Стоило этой идее прийти ему в голову, как он тотчас же осознал, что, осуществив этот план, он не только успокоит душу и окончательно утвердится в своей вере - или навсегда отречется от нее, - но и окажет величайшую услугу отечеству и всем общественным деятелям.

"Этим я увековечу свои труды, - подумал он, - и послужу Авроре, заре Истины и Красоты. Однако, я пока недостойн взяться за это высокое дело, ибо оно бесконечно сложнее и мучительнее всего, за что я брался доселе. Что делать, чтобы подготовить мой разум для этой высокой миссии, просветлить и освободить его от всех предрассудков, в которых я погряз, сам того не ведая? О, если бы я мог хоть на мгновение покинуть землю, чтобы побеседовать с облаками! Мне надо побывать в Хендоне {Один из первых английских аэродромов.}, может быть, там кто-нибудь за вознаграждение поднимет меня на небо, ибо на земле я более ни в чем не уверен".

И, завершив свои размышления этим высоким планом, он улегся в постель, причем голова его была легче, чем зрелый гриб-дождевик.

XVII

...ОБРАЩАЕТСЯ С РЕЧЬЮ К ОБЛАКАМ

Наутро по выздоровлении мистер Левендер ни свет ни заря отправился на знаменитый аэродром, никому не сказав о своем намерении. У подножия холма он с досадой обнаружил, что Блинк, заметив отсутствие хозяина, поспешила за ним. Поэтому ему пришлось проделать весь путь пешком, что сильно отсрочило его прибытие в Хендон. Однако судьба благоприятствовала ему, ибо он увидел, что его уже ожидает готовый к отлету аппарат, на который

сосредоточенно смотрит молчаливый молодой человек с лошадиной челюстью и крылышками на груди.

- Готовы, сэр? - спросил он.

- Да, - ответил мистер Левендер, с ног до головы одетый в мех и кожу. Не будете ли добры поддержать мою собаку? - обратился он к механику, погладив Блинк с таким чувством, словно навеки расстается с самым дорогим на свете существом.

Механик взял ее за ошейник, мистера Левендера посадили в кабину, где впереди него уже сидел молодой авиатор.

- У меня может быть приступ морской болезни? - спросил мистер Левендер.

- Может, - ответил молодой авиатор.

- Это не остановит меня, чем менее материален я стану, тем лучше.

Молодой авиатор оглянулся на него, и мистер Левендер уловил удивление в его желтых глазах.

- Держитесь, - сказал авиатор, - включаю мотор.

Мистер Левендер повиновался; аппарат медленно тронулся, но в это мгновение Блинк, издав отчаянный вопль, ринулась вперед и, вырвавшись из рук механика, вскочила в кабину и прижалась к груди мистера Левендера.

- Остановитесь! Остановитесь! - закричал он. - Моя собака!

- Устройте ее между ногами. Она не первая летит и не последняя вернется на землю.

Мистер Левендер устроил ее как мог.

"Если погибнем, Блинк, так вместе", - подумал он.

Верное создание, уже сожалевшее о своем поступке, ибо аппарат стал подниматься и воздух, взглянуло потускневшими глазами на мистера Левендера, который обеими руками зажимал себе уши, потому что рев мотора был оглушительным. Он почувствовал, что в желудке его что-то подымается, но это ощущение скоро прошло и сменилось волнением от мысли, что он покидает землю, так как они были уже на высоте дома и быстро поднимались еще выше.

"Я совсем не чувствую себя птичкой, - думал он, - скорее, я словно на медленном поезде, идущем по поверхности моря, или же на деревянном коньке карусели. Тем не менее я продвигу, что мой дух скоро обретет свободу, ведь я покидаю землю, похожую отсюда на

шахматную доску, на которой переставляет фигуры невидимая рука!" - И, чрезмерно вытянув шею, он стукнулся подбородком о спину авиатора.

С трудом вернув голову в нормальное положение, он сосредоточил свое внимание на очищении духа, так как это и было главной целью его воздушного путешествия.

"Я нахожусь в трансцендентальном эфире, - думал он. - Он должен придать мне такую поразительную силу слов, какой достигали лишь величайшие писатели и ораторы; и поскольку я так быстро отвлекаюсь от низкой реальности, передо мной, подобно одной из тех звезд, к которым мы держим путь, появится Истина, впрочем, пока я ее не вижу".

Зажатая между коленями хозяина, Блинк, которая до сих пор не подозревала, что рассталась с землей, вылезла повыше и, положив передние лапы ему на грудь, скорбно смотрела в грозную пустоту окрест. Мистер Левендер судорожно обнял ее. Они быстро приближались к стаду небесных барашков, которые все росли и росли, пока не обратились в огромные снежные горы, разделенные полосами синевы.

"Неужели мы полетим над ними? - подумал мистер Левендер. - Надеюсь, что нет, они такие страшные".

Его опасения вскоре рассеялись, так как аппарат взял прямой курс, быть может, на тысячу футов ниже облаков, и лишь легкие их обрывки порою застилали поле зрения мистера Левендера и увлажняли его лоб.

Блинк опять устроилась между хозяйскими ногами, и вполне естественный трепет начал сменяться в душе мистера Левендера чувствами безопасности и восторга.

"Я вознесен на крыльях утра над всеми низменными страстями и умыслами. Скоро великие мысли начнут тесниться в моей голове, и я, наконец, увижу всеобщую абсолютную Истину".

Но великие мысли не приходили, вместо этого им овладела странная апатия, голова его откинулась, рот открылся. Так могло бы продолжаться до приземления, если бы авиатор не выключил мотор. Теперь они задумчиво плыли между облаками. С прекращением шума мысль мистера Левендера заработала вновь, и он с радостью услышал голос авиатора:

- Ну как вы там, сэр?

- Что касается моих ощущений, то это восхитительно, - ответил мистер Левендер, - ибо после первых мгновений, когда непривычность движения причиняет некоторые неудобства, я быстро ощутил радость нашего великого полета. Устремляться к сферам, видеть землю похожей на шахматную доску, ощущать под собою гибкое тело аэроплана, послушное каждому движению отважного юного авиатора, наполниться ревом мотора, быть как вольный орел, знать, что от малейшей ошибки бесстрашного юного пилота мы разлетимся на миллион частиц, - значит пережить незабываемое, то, чего никогда... гм... не забыть.

- Да ну! - сказал молодой авиатор.

- Да, - продолжал мистер Левендер, который словно читал свою собственную статью в завтрашней газете, - такие чувства должна испытывать покинувшая брэнное тело душа по пути от земли к небу. Мы увидели на огромном расстоянии под нами узкую ленту дороги, по которой ползли две черные точки, и поняли, что это люди точно такие же, каких мы видели, покидая наше огромное общее обиталище, именуемое Землей.

- М-да, - сказал молодой авиатор, пока мистер Левендер переводил дух, у вас это здорово выходит, сэр! Где это появится?

- Эти огромные волокнистые существа, известные под именем облаков, продолжал мистер Левендер, не обращая внимания на вопрос, - казалось, ждали нашего прибытия в утреннем блеске своих величественных снегов, и мы, дышавшие разреженным воздухом, вдруг почувствовали, что не можем молча пролететь мимо них. - Мистер Левендер был так увлечен собственной элоквенцией, что действительно обратился к облакам с речью:

- О холодные призраки неба, ползущие по бескрайней голубизне! Мы, смертные, слабые, но неустрашимые, великодушно приветствуем вас. Исполненные скромности и отваги, мы прибыли сюда, чтобы состязаться с вами и с ветрами Урана, и сейчас мы летим в лучезарных дорогах между вами, мы ныряем, кружимся, прячемся и парим на своих ласточкиных крыльях. Мы - малые, но непобедимые Духи Д-з-з-з-земли!

Эти странные звуки, произнесенные мистером Левендером среди потока великолепной поэзии, настолько поразили его, что он не смог

выговорить более ни слова.

- М-да, - сказал авиатор, в голосе его слышалась тревога. - Держитесь! - И они стали спускаться к земле еще быстрее, чем поднимались.

Они приземлились на том самом месте, с которого взлетели, и это показалось чудом погруженному в размышления мистеру Левендеру. Несколько человек ожидало их, и когда они вылезли, раздался голос:

- Прошу прощения!

Это было сказано столь недружелюбно, что вся задумчивость мистера Левендера сразу исчезла. У обратившегося к нему джентльмена были темные усы и густая седая шевелюра; если бы не монокль и не лишние дюйма три роста, его положительно нельзя было бы отличить от мистера Левендера.

- Благодарю вас от души, - ответил наш герой.

- Не за что, - сказал джентльмен, - совсем наоборот. Черт побери, кто вы такой?

- Общественный деятель, - сказал удивленный мистер Левендер и честно добавил: - Впрочем, я не вполне уверен в этом.

- Итак, - сказал джентльмен, - вы взяли и украли мой полет.

- Но кто вы? - спросил мистер Левендер.

- Я? - проговорил джентльмен, явно не на шутку удивленный тем, что его не узнают. - Я...

Но в эту секунду внимание мистера Левендера перескочило с джентльмена на Блинк, которая вдруг понеслась прочь, и, громко закричав "Моя собака", он сбросил с себя меха и кожу и со всех ног пустился вдогонку, так и не узнав, кто был сердитый джентльмен, и не сказав, кто он сам. Блинк же, заподозрив, что ее опять могут поднять в воздух, устремилась к воротам аэродрома и прыгнула в открытую дверцу стоявшего там автомобиля, приняв его за хозяйский. Мистер Левендер ворвался туда следом за ней; автомобиль качнуло на рессорах, отчего дремавший шофер проснулся, и, обернувшись к мистеру Левендеру, спросил:

- Желаете назад, сэр?

- Да, - задыхаясь, ответил мистер Левендер, - в Лондон.

XVIII

... ВСТРЕЧАЕТСЯ ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ИСТИНОЙ

"Боюсь, что я нечаянно воспользовался полетом, который предназначался для того выдающегося деятеля с моноклем, - размышлял мистер Левендер на пути в Лондон. - Но ничего, зато испытанное очистило мой дух. Если бы только знать, где можно повстречаться с этой Невидимой Силой - но, может быть, ее передвижения зарегистрированы в газетах?" - И, вытащив из кармана еще не прочитанные утренние газеты, он углубился в них. Он был поглощен чтением до тех пор, пока автомобиль не остановился и шофер не постучал по стеклу. Сопровождаемый Блинк, мистер Левендер вылез и стал рыться в карманах, чтобы заплатить шоферу, но тот вдруг воскликнул:

- Черт знает что! Не того привез!

И прежде чем мистер Левендер оправился от изумления, шофер развернул машину и помчался назад, к аэродрому.

"Как вышло неловко! - подумал мистер Левендер, отличавшийся крайней щепетильностью в денежных делах. - Что же мне делать теперь?" И он осмотрелся. О чудо! Перед ним была редакция великой газеты, от которой его выдающийся коллега, вероятно, и ездил на аэродром и к которой его верный шофер по ошибке привез мистера Левендера.

Узрев в этом перст провидения, мистер Левендер вошел в здание. Читатели, внимательно следившие за деятельностью мистера Левендера, легко догадаются, что все принимали его за человека крайне известного, и не удивительно, что ему тотчас сообщили, что нужное ему Высокое Лицо только что отправилось на открытие госпиталя в Брайтон и что его еще можно нагнать на вокзале Виктория.

С учащенно бьющимся сердцем он пустился в погоню на такси и, прибыв на вокзал, купил билеты для себя и Блинк и осведомился о брайтонском поезде.

- Спешите! - сказал ему кассир. Мистер Левендер побежал вдоль поезда, заглядывая в окна вагонов в поисках нужного ему Лица. Раздался свисток; мистер Левендер был в отчаянии, но вдруг на глаза ему попала табличка с надписью "Занято" на купе первого класса. Заглянув в окно, он увидел там одного пассажира, без сомнения, высокопоставленного, который сидел среди множества газет и курил

сигару. Ни секунды не колеблясь, мистер Левендер рванул дверцу и вслед за Блинк ворвался в купе.

- Здесь занято, сэр, - проговорило Высокое Лицо, но поезд уже тронулся.

- Я знаю, - сказал мистер Левендер, опустившись на диван напротив, - и только неотложность моего дела заставляет меня нарушить ваше священное уединение, ибо, верьте мне, сэр, я обладаю если не привычками, то по крайней мере инстинктами джентльмена.

Высокое Лицо сделало нетерпеливый жест, словно желая мановением руки остановить поезд, но, видимо, отказалось от своего намерения, водрузило сигару на место и уставилось на мистера Левендера.

Наш герой ответил на этот многозначительный взгляд молчанием, Блинк же убралась под диван и прижалась мордой к полу, взволнованная новым способом передвижения.

"Да, - думал мистер Левендер, - в его глазах почти сверхчеловеческая сила и коварство. Это глаза паука, засевшего в центре огромной паутины. Они завораживают меня".

- Вы, без сомнения, и есть Невидимая Сила, сэр, - внезапно заговорил он, - я, кажется, на пороге разрешения тайны. Вы сами скажете мне, кто я: марионетка или общественный деятель.

Высокое Лицо явно пришло к выводу, что имеет дело с помешанным, поэтому оно положило руки на колени, чтобы быть готовым к обороне; тем не менее во рту его была сигара, а на лице - натянутая улыбка.

- Чем я могу быть полезен, сэр? - спросил он. - Не хотите ли сигару?

- Нет, благодарю вас, - ответил мистер Левендер, - очи моей души должны быть ясными, потому что я хочу спросить вас о самом главном. Вы или не вы управляете нашей страной? От вашего ответа зависит все мое будущее. Скажите, когда я призываю народ к чему-либо, я говорю то, что подсказывает мне моя совесть или ваша? Далее, если я говорю то, что подсказывает ваша совесть, то есть ли она у вас?

Высокое Лицо, по-видимому, решило ни в чем не перечить незваному гостю и стряхнуло пепел с сигары.

- Черт побери, сэр, - сказало оно, - я не знаю, кто вы такой, но моя совесть так же чиста, как и ваша.

- Я счастлив узнать это, - проговорил мистер Левендер со вздохом облегчения, - ибо правите вы страной или нет, вы, несомненно, являетесь тем источником, где черпают вдохновение почти все мои соотечественники и я сам. Мы припадаем к вам и пьем. И сознание, что ваши воды чисты и не замутнены никакими личными соображениями и властолюбием, бесконечно укрепит нас. Могу ли я в таком случае считать, что вы - стоящая над страстями и происками безличная сила и что ваши бесчисленные ежедневные издания отражают лишь объективную истину и никоим образом не искажают положения вещей предвзятостью или субъективизмом?

- Да вы хотите знать слишком много, - сказала Высокое Лицо, улыбаясь.

- Но как же можно знать слишком много? - спросил мистер Левендер. Если вы на самом деле невидимый властелин, направляющий потоки общественной жизни и поворачивающий их в какую угодно сторону, то необходимо, чтобы мы верили в вас; однако, прежде чем поверить в вас, мы должны узнать о вас все - не так ли?

- Избави боже, сэръ, - ответило Высокое Лицо, - это же противно всем основам религии. Вера никогда не опирается на знание.

Мистер Левендер был настолько потрясен этим ответом, что на мгновение умолк; брови его так и ходили вверх и вниз.

- Сэр, - выговорил он наконец, - вы подали мне новую идею. Если вы правы, то не доверять вам и вашим действиям или, вернее, вашим изданиям, есть не что иное, как кощунство.

- Надеюсь, что да, - сказала Высокое Лицо, выпуская длинную струйку сигарного дыма. - Вам это раньше никогда не приходило в голову?

- Нет, - простодушно ответил мистер Левендер, - я еще никогда не сомневался в том, что пишут в газетах.

Лицо усердно закашляло.

- Я всегда отношусь к ним с полным доверием, - продолжал мистер Левендер, - и хочу, чтобы меня считали таким же: "без страха и упрека". Насколько я понимаю, это тот принцип, на котором джентльмен должен строить свою жизнь, всегда доверяя другим и стремясь к тому, чтобы другие доверяли ему. Я, конечно, не говорю о немцах, - поспешно добавил он.

- Естественно, - ответило Высокое Лицо. - Попробуйте-ка найти в наших газетах что-нибудь, что противоречило бы этому принципу. Все, что они печатают, относится к немцам, если не прямо, то косвенно. Немцы - их *idée fixe* {Навязчивая мысль (франц.)}, а без *idée fixe* никакая религия невозможна. Вам понятна моя мысль?

- Конечно! - воскликнул восхищенный мистер Левендер, для которого вдруг все на свете стало понятным и, более того, совпадало с его собственными предположениями, так что все сомнения тут же отпали. - Вы, сэр, то есть Невидимая Сила, есть кристаллизованное воплощение национальных чувств во время войны; служа вам и проводя в жизнь идеи, сформулированные в ваших газетах, мы, общественные деятели, служим всеобщей тенденции, которая, в свою очередь, служит слепому и жгучему инстинкту Правосудия. Это в высшей степени радостно для меня, не желающего лучшей судьбы, чем судьба скромного слуги в общем доме.

Но только он закончил эту тираду, как ему вспомнились слова Джо Петти об общественном мнении, и он добавил: - Но действительно ли вы есть всеобщая тенденция, а не тенденция одних мэров? Вот в чем вопрос.

Высокое Лицо, казалось, с трудом понимало, о чем он говорит.

- Что вы хотите сказать? - спросило оно. Мистер Левендер взъерошил волосы.

- Все дело в том, кого считать носителем общественных чувств и разума, - спросил он. - Мэры это или не мэры?

Высокое Лицо улыбнулось,

- А как вы сами думаете? - спросило оно. - Вы никогда не слышали, какие речи говорят мэры после ужина? Тут просто сомневаться не в чем. Если только это волнует вас, то можете быть совершенно спокойны.

Мистер Левендер страшно обрадовался добродушной уверенности ответа.

- Благодарю вас, сэр! - воскликнул он. - Я отправлюсь домой и опровергну домыслы этого низкого насмешника и разрушителя веры. Я встретился лицом к лицу с Истиной и теперь полон желаний продолжить мою общественную деятельность. Я приношу вам тысячу извинений и покидаю вас, - добавил он, потому что поезд как раз

остановился в Саут Кройдоне. - Блинк! - И он вышел из купе в сопровождении Блинк.

Высокое Лицо, которое на самом деле было личным секретарем личного секретаря того Лица, которое мистер Левендер считал обладателем Истины, следило за ним из окна.

- Вот это был номер, черт побери, - выпуская струю дыма, пробормотало оно, когда его собеседник скрылся из виду.

XIX

...ПОДВЕРГАЕТСЯ ОПАСНОСТЯМ УЛИЦЫ

В воскресенье, после беседы с Истиной, мистер Левендер, всегда находивший день отдыха обременительным для своей деятельной натуры, вышел из дому после раннего ужина. Весь день шел дождь, но сейчас проглянуло заходящее солнце и озарило вершины деревьев горизонтальными лучами, выбившимися из еще затянутой облаками дали. Он шагал с Блинк по покрытому лужами пустырю, который расположен к западу от Спаньярд-Роуд; очень скоро дикая красота пейзажа проникла в его душу, и он остановился, залюбовавшись вечеряющей ширью. Дымчатые облака туманного дождливого дня еще плыли в свете заката по яблочно-зеленому небу; мистер Левендер смотрел на эти облака, и они казались ему символами вселенской смуты, а сзади него стояли похожие на ведьм высокие черные елки, которые, казалось, прислушивались к его космическим раздумьям. Он сейчас был бы сущей находкой для художника: западный ветер развевал его седые волосы, трепал темные усы, а Блинк, опередившая его на шаг, смотрела вдаль и лаяла так яростно, что ее голова болталась из стороны в сторону.

"Как прекрасна наша земля, - думал мистер Левендер. - и как просто быть на ней добрым и счастливым. И все же нам приходится пройти двадцать миль за краем света, прежде чем мы обретем справедливость и свободу. И на этом пути нас подстерегают темные силы. Да, - продолжал он, повернувшись к елкам, которые слегка поскрипывали на ветру, - ненависть и угнетение, алчность, вожделения и честолюбие! Вот вы стоите и злобно смотрите на меня. Прочь с дороги, черные, злобные ведьмы! Будь у меня топор, я бы поверг вас во прах". Но бедные елки не обращали на него никакого внимания и лишь поскрипывали чуть погромче. Мистер Левендер был так разъярен бесчувственностью тех, а ком, как он убедил себя,

воплотились зловещие темные силы, что уже хотел броситься на них с голыми руками, однако нетерпеливая Блинк заставила его продолжать прогулку, и он взобрался к старинному валу, окаймлявшему Спаньярд-Роуд.

Он шагал вдоль него, а потом спустился с холма; в сознании его проносились бесчисленные тени и призраки; в мечтах он освобождал мир от всех препон, стоящих на пути общественных деятелей, пока не наступила темнота, и ему пришлось повернуть домой. Сопровождаемый присмирившей Блинк, он дошел до станции метрополитена и вдруг обнаружил в черном военном мраке, что его преследует женщина. Он различил только, что она высока и стройна, и поспешил прочь от нее, но, очень скоро убедился, что она не отстает и все время смотрит на него. Она, казалось, манила его рукой в перчатке, и, мгновенно осознав, что на него нацелен тот губительный порок, который, по мнению многих статей и писем в газетах, был одним из наиболее тяжких последствий войны, он готов был броситься наутек, но дорога шла в гору; и так как бежать было невозможно, он опять почувствовал себя общественным деятелем, чей долг - выстоять в борьбе с этой женщиной и нанести решительный удар крадущемуся за ним пороку военного времени. Тут же он испытал серьезные затруднения, ибо врожденная деликатность по отношению к женщинам мешала ему поступить с преследовательницей так, как она того заслуживает и как повелевает чувство долга.

Донесшийся до него сладкий аромат духов придал ему уверенности.

- Сударыня, - сказал он, стараясь не смотреть ей в лицо, которого, кстати, в такой тьме и не было видно, - бесполезно преследовать того, кто не только преклоняется перед женщинами, но и видит в них угрозу для общества во время, когда вся энергия страны должна, быть направлена на разгром нашего общего врага.

Издав звук, похожий на смех, женщина направилась к нему; мистер Левендер поспешил прочь; так они двигались друг за другом по пустынной улице, причем ревнивая Блинк не отставала от хозяина ни на шаг.

- Знаете ли вы, - сказал мистер Левендер, стараясь быть как можно более деликатным, - как вредоносны для усилий нации красота

и изящество, которые ловят в сети нашу славную молодежь и расслабляют ее мускулы? Таинственная сила женского взгляда в подобные времена должна лишь призывать наших героев отдать жизнь за отечество. А вы, сударыня, обладательница самого таинственного в мире взгляда, используете его лишь для того, чтобы, по словам одного великого деятеля, осквернить храм нашею... нашего...

Мистер Левендер не договорил, потому что деликатность не позволила ему даже в таком решительном случае назвать тело телом. Женщина подошла так близко, что он в ужасе пошел на другую сторону улицы.

- Сударыня, - говорил он, - вы, вероятно, уже поняли, что лета, увы, не позволяют мне стать защитником родины, и хотя я готов уступить вам, чтобы этим спасти от вас хотя бы одного молодого героя, я хочу, чтобы вы ясно осознали, что к этому меня побуждает лишь чувство долга. - Он с ужасом поднял глаза на приближающуюся стройную фигуру и, вновь вдохнув сладкий аромат, почувствовал, что у него кружится голова, и прислонился к фонарному столбу.

- Пощадите меня, сударыня, - проговорил он слабым голосом, - для отечества я готов на все, но знайте, что я тайно обожаю другую представительницу вашего пола, и если вы женщина, вы не захотите, чтобы я осквернил свое чувство и поступил не по-рыцарски.

С этими словами он изо всех сил обхватил столб и закрыл глаза, ожидая, что его сию минуту против воли вовлекут в грех. Хорошо знакомый голос, задыхаясь, проговорил ему в ухо:

- Ох, дон Пиквихот, дон Пиквихот, вы меня в могилу сведете!

Огорошенный мистер Левендер открыл глаза, и в тусклом оранжевом свете затененного фонаря увидел корчащуюся, задыхающуюся Аврору. Невыразимо потрясенный своей ужасной ошибкой, мистер Левендер взмахнул руками и побежал; он пронесся через свой сад, он не остановился до тех пор, пока не вбежал к себе в спальню и не забился под кровать - так велики были его стыд и отчаяние. Под кроватью в обществе Блинк он провел, вероятно, самые мучительные часы своей жизни, проклиная всех епископов и романистов, которые заставили его поверить, что каждая женщина на темной улице опасна для государства; никакие увещания миссис Петти и Джо не могли заставить его вылезти оттуда; отчаявшись, они

покинули его, и он провел всю ночь в покаянии и муках стыда, даже не вынув вставных челюстей.

XX

...ПОЛУЧАЕТ ОТКРОВЕНИЕ

Лишь спустя неделю мистер Левендер оправился от последствий ночи, проведенной под кроватью, и вновь обрел интерес к общественной жизни. Его вывела из оцепенения и дала пищу воображению статья в одной газете, посвященная Лиге Наций, из которой он понял, что в настоящий момент Лига самое главное. Аккуратно вырезав адрес общества, занимавшегося этим делом, он решил немедленно отправиться туда и из первых уст узнать, как он может заставить всех и каждого поддержать это благородное начинание. Поэтому он закрыл все окна, предусмотрительно запер Блинк в кабинете, дошел до метрополитена и поехал на Черинг Кросс.

Прибыв по указанному адресу, он долго блуждал по лифтам и коридорам, пока на двери с номером 443 не увидел вывеску великой всемирной организации. Изумление его было велико, ибо он полагал, что столь обширная ассоциация должна занимать по крайней мере целое здание.

"Впрочем, внешность бывает обманчива, - подумал он, - от одного горчичного зернышка могут произрасти целые поля".

Поэтому он постучал в дверь и, услышав "Войдите", вошел в комнату, где две молодые леди с сильным насморком рассеянно ударяли по клавишам пишущих машинок.

- Могу я видеть Президента? - спросил мистер Левендер.

- Конечно, до только де сейчас, - ответила одна из них. - Может быть, вы обратитесь к секретарю?

- Да-да, - ответил мистер Левендер, - мне нужна информация.

Молодые леди что-то зашептали друг другу, причем до мистера Левендера донеслось лишь многократно повторенное "он".

Затем одна из них скользнула в соседнюю комнату, оставив за собой сильный запах ментола. Почти тотчас же она возвратилась и сказала:

- Пройдите в кабидет.

В комнате, куда вошел мистер Левендер, было два человека: один сидел за письменным столом, другой расхаживал взад-вперед и что-то говорил могучим басом. При виде мистера Левендера он умолк на

секунду, взглянул на него из-под нависших бровей и опять стал расхаживать по комнате и говорить, причем был его заметно возрос.

"Вероятно, это и есть он", - подумал мистер Левендер, присаживаясь и прислушиваясь: говоривший джентльмен сразу же произвел на него сильное впечатление. У него были очень большие красные уши и ни волосинки на черепе, крупное бородатое лицо и выпуклые глаза, полные силы и вдохновения.

- Это не пойдет, Титмарш, - говорил он, - мы не позволим политиканам соваться в нашу затею. Нам нужны гении, которые могли бы силой воображения отвлечься от конкретных фактов. Это не под силу безмозглым политиканам. Они до сих пор не уделили ни крохи внимания тому, что я говорил все время. Их надо гнать, Титмарш. Дайте нам механизм без махинаций, и мы переделаем весь мир. Это проще простого. Взять по гению из каждой страны, и никакого крючкотворства, никаких мелочных предрассудков.

Второй джентльмен, которого мистер Левендер принял за секретаря и который довольно устало подпирал Щеку ладонью, дождавшись паузы, вставил:

- Вот именно! Кого бы вы могли рекомендовать, кроме себя? Ну, например, во Франции.

Первый джентльмен на секунду остановился, пристально посмотрел на мистера Левендера и снова заговорил, как бы не замечая его.

- Во Франции? - сказал он. - Там нет никого, Анатолий слишком стар... да, никого нет.

- Тогда в Америке, - отважился секретарь.

- В Америке! - повторил первый джентльмен. - Да там и полчеловека не найдется. Вот есть тот парень в Германии - я еще оказал на него сильное влияние; впрочем, не знаю... нет, думаю, не подойдет.

- Д'Аннунцио, разумеется... - начал секретарь.

- Д'Аннунцио? Господи боже мой! Д'Аннунцио! Нет! Нет никого ни в Италии, ни в Голландии, - она такой же банкрот, как Испания; в Австрии и кошки не сыщешь. Россия, может быть, дала бы нам кого-нибудь, но сейчас мне просто никто не приходит в голову. Да, Титмарш, это нелегко.

Волнение мистера Левендера возрастало с каждым услышанным словом: в его сознании все отчетливее вырисовывался грандиозный проект. Внезапно он встал.

- У меня есть мысль.

Секретарь выпрямился в кресле, словно получив гальванический удар, расхаживавший по комнате джентльмен резко остановился.

- Ни черта у вас нет, сэр, - сказал он.

- Нет, есть! - воскликнул мистер Левендер. - И по своей гениальной простоте это небывалая мысль. Мне ясно, сэр, что вы сами - один - должны быть всею Лигой Наций. Если она целиком окажется в ваших руках, не будет никаких проволочек. Все родится само собой, как Афина из головы Зевса, и великая благодетельная перемена в судьбах человечества сразу же станет свершившимся фактом. Тогда не придется иметь дело с неподатливой человеческой природой, не надо будет призывать к терпению и возводить здание по кирпичику - это всегда разочаровывает людей и ставит под угрозу осуществление величайших преобразований. Нет, сэр, вы, вы сами должны быть Лигой Наций, и мы будем работать до победного конца, чтобы величайшее деяние рода человеческого было завершено не позднее, чем завтра.

Возобновивший хождение джентльмен украдкой взглянул сначала на мистера Левендера, потом на секретаря и сказал:

- М-да! Это идея!

- Конечно! - воскликнул мистер Левендер в восторге от того, что его великое предложение незамедлительно принято. - Ведь только люди, подобные вам, могут одновременно витать в облаках и проводить свои замыслы в жизнь, и, что самое важное, дело никогда не утомит вас, и вы не оставите его, ибо вы сами - дело, а изменить себя человек не волен.

При словах "утомит вас" джентльмен вдруг взглянул на мистера Левендера и тотчас перевел взгляд на секретаря, который, уткнувшись в бумаги, прикрывал ладонью смешок.

- Кто вы такой? - резко спросил он.

- Всего лишь человек, готовый отдать все силы делу, которое осчастливит человечество, - ответил мистер Левендер. - Я бесконечно счастлив, что пришел сюда сегодня утром и нашел здесь самую суть - горчичное зернышко.

Опять зашагавший по комнате джентльмен пробормотал что-то, прозвучавшее, как "ни стыда, ни совести", но увлеченный мистер Левендер уже ничего не слышал.

- Я сейчас же пойду и сообщу народу добрую весть: поля засеяны, Лига образована, - сказал он. - С этой минуты нет более преград между народами, вечный мир обеспечен. Это грандиозно.

Джентльмен хотел было топнуть ногой, но передумал и повернулся к окну.

Мистер Левендер поклонился его спине и вышел; вне себя от восторга он направился прямо на Трафальгар-сквер.

Прибыв на сей пуп земли, он увидел, что судьба ему благоприятствует: там уже шел какой-то митинг, и человек сорок столпились вокруг одного из львов. Благодаря своей внешности мистер Левендер без труда пробился к памятнику и, взобравшись на цоколь, оказался рядом с оратором, женщиной неопределенного возраста. Он стоял там, ожидая своей очереди, и готовился к речи, в то время как женщина протестовала, кажется, против посягательств на морское владычество Британии. Когда она кончила, мистер Левендер схватил за чем-то стоявший у памятника британский флаг и стал им размахивать.

- Великая новость! - воскликнул он и тотчас начал речь, которую, несомненно, можно причислить к его шедеврам. - Великая новость, друзья! Я посеял горчичное зернышко; говоря попросту, я только что со встречи, которая заложила основу Лиги Наций, и мой долг этим же утром вкратце изложить вам принципы, которые будут основой политики всех государств. Поскольку мы боремся за всеобщее братство и вечное царство мира, мы должны первым делом полностью уничтожить нашего общего врага. Эти представители рода человеческого, которые своими злодеяниями в значительной мере поставили себя за его пределами, должны быть истреблены раз и навсегда. - Громкие крики одобрения приветствовали эту мысль, и окрыленный мистер Левендер продолжил: - Что же в таком случае должны делать цивилизованные народы, когда их совесть будет чиста? В первую очередь им надо позабыть все мелочные предрассудки и провинциальные устремления, ибо, хотя мир будет основан на незыблемом национальном принципе, человечество должно действовать как один великий народ. Дорогие соотечественники, в

этом нет никакого терминологического противоречия: ибо, хотя каждый народ, солидарный с другими народами, будет еще больше гордиться собой, еще ревностнее оберегать свое доброе имя и суверенность, это не помешает ему пожертвовать своими неотчуждаемыми правами на благо всего объединенного человечества. Друзья, позвольте привести вам простой пример, в котором, как солнце в капле воды, отражается все наше великое будущее. Мы, британцы, справедливо гордимся и восхищаемся нашим флотом, говоря словами поэта, "мы держим все врата морей". Неопровержимо ясно, что еще более укрепившийся принцип национализма заставит нас увеличить наше морское могущество, в то время как принцип интернационализма побудит нас отказаться от него.

Собравшиеся, доселе слушавшие с открытыми ртами, закрыли их; и кто-то пронзительно крикнул:

- Короче, хозяин! Ты что, хочешь, чтобы мы отдали Гибралтар?

Это слово поразило мистера Левендера в самое сердце, и в душе его воцарилось такое смятение, что слова его стали совершенно неслышными.

"О боже! - в ужасе думал он. - Неужели я не продумал этот вопрос до конца?"

И повернувшись спиной к аудитории, он со страданием взглянул на возвышавшуюся над ним фигуру Нельсона. Он был готов жалобно воскликнуть:

"Соотечественники, я не знаю, что и думать! Ах, как я несчастен!" - Но тут он остутился и, запутавшись во флаге, упал с цоколя; два полисмена тотчас подняли его и отвели в тихий уголок напротив Национальной галереи.

В растерянности стоял он там, окруженный голубями и позабытый людьми, и тогда-то к нему и снизошло откровение.

"Странно, - подумал он, - я замечаю непоследовательность в моих поступках и даже в речах. Я - два человека, один из них - я, а другой - не я; и тот, который не я, толкает меня в объятия полисменов и ввергает в прочие неприятности. Тот, который я, любит голубей и Блинк, хочет жить мирно и нисколько не интересуется политикой, которая явно предназначена для людей иного склада. Откуда же появляется тот, который не я? Может быть, он происходит из речей и

писаний различных деятелей и является недобрым духом, которого надо изгонять? Короче говоря, какое мне дело до того, наш Гибралтар или не наш, если люди живут в дружбе? Но если это так, имею ли я право заявить об этом вслух? Не должен ли я быть в первую очередь верен самому себе и оставить политику тем, у кого громкий голос и нет своего "я"?

Мысль эта была необыкновенно мучительна, потому что в свете ее открывалась полная несостоятельность последних месяцев его жизни. Подавленный и разбитый, он хотел было пойти в Национальную галерею и найти утешение в искусстве, но на пути его встал огромный плакат, возвещавший о ходе подписки на военный заем. Новое поле общественной деятельности открылось бы для него, и душа его неизбежно воспламенилась бы, если бы один из поднявших его полисменов не тронул его за рукав.

- Как вы себя чувствуете, сэр? - спросил он.

- Благодарю вас, полисмен, мне лучше, - ответил мистер Левендер. - Мне очень жаль, что я доставил вам столько беспокойства.

- Ну что вы, сэр, - ответил полисмен. - А вы здорово грохнулись.

- Скажите мне, - вдруг проговорил мистер Левендер, глядя ему в лицо, как, по-вашему, имеет ли право человек жить личной жизнью? Мое будущее в значительной степени зависит от вашего ответа.

На тяжелом лице полисмена появилось удивление, и он медленно произнес:

- Обычно личная жизнь человека бывает ниже всякой критики, вы сами это знаете, сэр.

- Я довольно давно не жил личной жизнью, - сказал мистер Левендер.

- Послушайте меня, сэр, и не мечтайте вернуться к ней, - проговорил полисмен. - У вас здоровье не то.

- Боюсь, вы меня не поняли, - ответил мистер Левендер, чье тело после падения изрядно побаливало. - Меня измучила как раз моя общественная жизнь.

- Я бы на вашем месте бросил ее, - сказал полисмен.

- Правда? - оживился мистер Левендер. - Бросили бы?

- Конечно, - сказал полисмен.

Мистер Левендер был так взволнован этим подтверждением своего внезапного желания, что вынул из кармана полкроны.

- Вы чрезвычайно меня обяжете, - сказал он, - если примете это как знак моей благодарности.

- Так и быть, сэр, доставлю вам удовольствие, - ответил полисмен, хоть мне было совсем нетрудно: вы легкий, как перышко. Вы куда-нибудь сейчас направляетесь? - добавил он.

- Да, - ответил мистер Левендер слабым голосом, - к метрополитену.

- Тогда я вас провожу.

Мистер Левендер был даже рад идти под защитой этого верзилы, ибо силы покинули его - не столько из-за физической боли, сколько из-за полученного откровения.

- Послушайте меня, сэр, - сказал полисмен на прощание, - и не думайте ни о какой личной жизни, на это у вас силенок маловато.

- Благодарю вас, полисмен, - задумчиво проговорил мистер Левендер, - вы так добры. До свидания!

Он сидел в вагоне метрополитена, возвращаясь в Хэмпстед; обостренная борьба его мыслей не прекращалась.

"Если я как общественный деятель приношу больше вреда, чем пользы, размышлял он, - то я готов ради отечества вернуться к личной жизни. Но полисмен сказал, что это для меня опасно. Что же мне остается? Не жить ни общественной, ни личной жизнью!"

Эта мысль, мучительная и героическая, так овладела им, что он приехал домой, буквально сходя с ума.

XXI

...И ВОЗНОСИТСЯ НА НЕБЕСА

К следующему утру эта мысль окончательно созрела и приобрела такую власть, что никакая сила на свете не могла бы помешать ее осуществлению; и всю ночь мистер Левендер не давал Блинк уснуть: он расхаживал по спальне взад-вперед, обдумывая подробности такого ухода от всего, который бы лучшим образом соответствовал его несчастью. Он с самого начала понял, что отказ от обеих его жизней не имел бы смысла, если бы об этом не узнал весь мир.

"Я смогу преподать урок всем общественным деятелям и частным лицам только в том случае, если совершу поступок столь поразительного свойства, что его нельзя будет не заметить". - И тысячи планов, как муравьи, закопошились в его мозгу.

Однако достойный план пришел ему в голову только с криком первого петуха.

"Осуществление этого плана потребует чрезвычайной предусмотрительности, - думал он, - иначе мне могут помешать или даже остановить меня на полпути, а это было бы и мучительно и нелепо". Идея его была столь возвышенной, что он пролил над нею немало слез и, расхаживая по комнате, не раз останавливался, чтобы увлажненными глазами взглянуть на ничего не подозревавшую Блинк. Весь день он бродил по дому и саду, прощаясь со всем, что было так дорого его сердцу; за завтраком, обедом и ужином он ел и пил даже меньше, чем обычно, ибо был весь поглощен пафосом грядущего самоотречения. Он решил подготовиться к своему последнему деянию ночью, когда храп Джо мешает миссис Петти услышать шум; за ужином он стал прощаться со своей преданной экономкой, но постарался сделать это так тонко, чтобы она не могла догадаться, в чем дело.

- Миссис Петти, - сказал он, вертя в руках ломтик сыра, - бесполезно скрывать от вас, что я скоро отправлюсь в путешествие, и я чувствую, что не могу расстаться с вашими заботами, не выразив вам своей сердечной благодарности. Мне будет недоставать вас, крайне недоставать, то есть, если там, куда я отправлюсь, человеку вообще может чего-нибудь недоставать.

Миссис Петти, мгновенно решившая, что речь идет о ночных носках, ответила:

- Не беспокойтесь, сэр, я про них не забуду. А куда же это вы отправляетесь?

- Гм, - тонко ответил мистер Левендер, - пока все это очень неопределенно; в такое время, как сейчас, когда зацветает липа, на меня находит какое-то беспокойство, и вы можете заметить во мне некоторую перемену. Но что бы ни произошло, я вверяю мою дорогую Блинк вашим заботам. Кормите ее, как меня, и любите ее, как Джо, ведь счастье собаки больше всего зависит от еды и любви.

- Боже милостивый, - сказала миссис Петти, - да вы никак собираетесь надолго? Уж не в Истберн ли?

Услышав это, мистер Левендер вздохнул: к грусти прощального вечера прибавилось воспоминание о месте, где он провел столько счастливых дней.

- Пока я ничего не могу вам сказать, дело в том, что я сам еще не уверен в месте своего назначения. В общем, ни один об... об... общественный деятель, - он произнес эти слова, запинаясь, так как не знал, принадлежит ли теперь к таковым, - ни один общественный деятель не знает, куда он направится завтра. Довлеют дневи планы его.

- Хорошо, сэр, - простодушно проговорила миссис Петти, - но вам нельзя никуда ехать без Джо или без меня, это-то ясно.

Мистер Левендер улыбнулся.

- Дорогая миссис Петти, - пробормотал он, - есть жертвы, которых нельзя требовать даже от самых верных друзей. Однако, - продолжал он с наигранным легкомыслием, - не будем думать об этом по крайней мере до послезавтра, потому что у меня еще много дел.

Зная по опыту, что планы мистера Левендера за два дня неизбежно переменятся, успокоенная миссис Петти слегка покачала головой и направилась к дверям.

- Вы все говорите загадками, - заметила она.

- Я бы хотел повидать Джо, - сказал мистер Левендер, не сводя глаз со своей преданной домоправительницы.

- Сейчас пришлю вам этого красавчика, - пробормотала она и вышла.

Отдав ломтик сыра Блинк - ей достался чуть ли не весь последний ужин хозяина, - мистер Левендер посадил лунную кошечку на плечо и стал нежно гладить своих любимиц.

- Блинк, - сказал он слегка дрожащим голосом, - будь, пожалуйста, добра с лунной кошечкой, когда я уеду, и если я задержусь дольше, чем ты предполагаешь, то не скорби, дорогая. Может быть, когда-нибудь ты присоединишься ко мне, но если даже нам не суждено встретиться вновь, я не хочу мешать твоему второму браку и омрачать твое счастье напоминанием о себе, как это сделал бы жестокий супруг. Будь беспечна, моя дорогая, и не оплакивай своего хозяина.

И он обнял ее и крепко прижал к себе, вдыхая запах ее шерсти, похожий на запах овцы. В это время открылась дверь, и вошел Джо.

- Джо, - решительно начал мистер Левендер, - садитесь и закурите вашу трубку. В буфете бутылка довоенного портвейна. Достаньте ее и выпейте за мое здоровье, да и я сам тоже выпью - это придаст мне смелости. Мы всегда были добрыми друзьями, Джо, -

говорил он в то время, как Джо откупоривал бутылку, - у нас были приятные и опасные приключения. Я призвал вас в момент, который когда-нибудь, вероятно, покажется вам торжественным, чтобы пожать вам руку и чтобы продолжить дискуссию об общественных деятелях, которую, как вы помните, мы начали несколько дней назад.

- Ну да, - сказал Джо со своей обычной беззаботностью, - когда я сказал вам, что они нагоняют на меня тоску. Ну, и что, сэр? Разве они написали что-нибудь уж очень злобное? - Вытаскивая пробку, он поднял глаза на мистера Левендера и, увидев выражение его лица, добавил: - Не принимайте мои слова близко к сердцу, сэр, делайте, что хотите, вам-то общественным деятелем не быть!

Мистеру Левендеру показалось, что эти слова решили его судьбу, и на щеках его проступил слабый румянец.

- Нет, - продолжал Джо, разливая вино, - у вас для этого не хватает нахальства. Вы, вероятно, заметили, сэр, что в наше время грязные пятна на государстве заметны, как никогда. Ваше здоровье!

- Джо, - сказал мистер Левендер, торжественно поднимая бокал, - желаю вам счастья и успехов. Давайте выпьем за те качества, которые делают вас *par excellence* {По преимуществу (франц.).} представителем великого, самого добросердечного в мире народа, который никогда не заботится о завтрашнем дне, никогда не считает себя побитым и редко теряет чувство юмора.

- М-да, - загадочно ответил Джо, полузакрыв зеленоватые глаза и приставляя бокал к красноватому носу. Потом он залпом проглотил содержимое и наполнил бокал опять, мистер Левендер же успел выпить не более капли. - Я ничего не говорю, - продолжал Джо, - есть же общественные деятели, которые приносят пользу, так же, как маленькие люди, которые нас всех кормят, или как настоящий английский джентльмен, который делает свое дело и никогда не кричит об этом. Такому человеку можно верить, вот потому-то он нынче и не в почете; он воспитанный, он добротный товар; а эти нынешние - сырье, выскочки, проходимцы, неведомо откуда взялись - чтоб они там и остались со всеми своими "давай-давай!" и гимнами ненависти.

- Джо, - сказал мистер Левендер, - вы уверены, что это у вас не типичный английский снобизм? По-моему, вы, сами того не желая, преклоняетесь перед словом "джентльмен".

- А почему бы и нет? - ответил Джо, опрокидывая второй бокал. - Для страны было бы неплохо, будь мы все джентльменами, честными, малость глуповатыми и хоть изредка подумывающими о других. - Он снова наполнил бокал мистера Левендера. - Я определяю джентльмена не по деньгам, не по титулу, даже не по костюму; по моему, джентльмен - тот, кто может быть у власти и при этом не терять ни головы, ни совести и делать то, что считает нужным, не слушая горлопанов. А вот мысли у него должны быть правильные и сердце доброе. Ваше здоровье, сэр!

Поглощенный мыслями своего шофера, мистер Левендер уже выпил два бокала; он встал со стула и, схватясь за голову, сказал:

- Не буду скрывать от вас, Джо, я всегда считал, что каждый общественный деятель обладает как минимум именно этими свойствами.

- Черта с два! - сказал Джо. - Вы это правда, сэр? Господи! Вам потом не понадобится то, что осталось в бутылке?

- Нет, Джо, нет. Мне это больше никогда не понадобится.

- В таком случае я воспользуюсь, - ответил Джо, выливая в свой стакан оставшееся вино. - Вы не хотели бы поговорить еще о чем-нибудь, сэр? Я всегда рад оказать на вас влияние.

- Благодарю вас, Джо, - ответил мистер Левендер, - сейчас мне нужнее всего одиночество и ваши добрые пожелания. Уведите, пожалуйста, Блинк и, когда она погуляет, запирайте ее в спальне и не забудьте закрыть окна. Покойной ночи, Джо. Зайдите ко мне завтра утром, только попозже.

- Конечно, сэр. Покойной ночи, сэр.

- Покойной ночи, Джо. Вашу руку.

Когда Джо увел упиравшуюся Блинк, которая все время оглядывалась на хозяина, мистер Левендер сел за письменный стол и, достав лист бумаги, написал наверху:

"Моя последняя воля и завещание".

Он долго думал, с чего начать, а затем, увлекшись вступительной частью, полностью опустил вопрос о наследовании. Вот что он написал:

"Я, Джон Левендер, настоящим сообщаю всему человечеству, что предпринимаемый мною акт носит чисто символический характер и никоим образом не может рассматриваться, как следствие усталости

от жизни или капитуляция перед лицом неудач, что было бы недостойно английского общественного джентльмена". (Мистер Левендер долго не мог решить, кто он, но затем решил, что лучшим выходом из затруднительного положения будет такое объединение "английского джентльмена" и "общественного деятеля".) "Долгий и нелегкий опыт убедил меня в том, что, лишь отказавшись от первого качества, я смогу удержать за собою последнее и, лишь отказавшись от обоих, я достигну моральной чистоты, приверженцами которой всегда были мои соотечественники. Сознавая, что один акт личного самоотречения не поколеблет государства и не может сбить с пути нацию, я решил тем не менее исчезнуть в голубом пламени, чтобы каждый англичанин мог усвоить преподанный мной урок и узнать на примере моей необычайной судьбы, как спастись от вредоносного влияния чужих речей. В то же время я хочу сполна засвидетельствовать свое почтение всем великим публицистам и ораторам нашего времени, которые оказали на меня столь губительное влияние". (Далее следовал в алфавитном порядке список имен от Б до Ч.) "При этом я не могу не заявить о своем полном несогласии со взглядами моего шофера Джо Петти. Расставаясь с жизнью, я утверждаю, что не сумел стать безупречным общественным джентльменом только из-за особенностей своего характера, а отнюдь не по убеждению, что быть таковым невозможно вообще, тем более, что я всегда искренне восхищался вышеуказанными великими людьми. Если кто-либо захочет после моей смерти написать мой портрет, то я желаю, чтобы меня изобразили устремленным к Заре, ибо я собираюсь покинуть мир именно в час рассвета, так живо напоминающий мне о глубоком чувстве, которое я не хочу сделать достоянием молвы. Если от меня что-нибудь останется, - что маловероятно, учитывая горючесть материала, из которого будет сложен мой погребальный костер, - я был бы крайне обязан, если бы мои останки без лишних хлопот погребли в моем саду с обычным для Хэмпстеда надгробием и надписью:

Здесь жил
ДЖОН ЛЕВЕНДЕР,
общественный деятель,
отдавший жизнь на благо отечества

В заключение я хотел бы сказать стране, которую любил и которой служил: "Избегай крайностей! Не верь чужим словам! Будь верна самой себе! Сочетай силу с великодушием и отвагу со скромностью! Любимая страна, прощай!"

Дописав последние слова, он долго не мог положить перо. Однако выпитый портвейн уже начал оказывать свое обычное действие, и мистер Левендер задремал, и лишь часов через пять свет полной луны разбудит его.

"Мой час настал", - подумал он и, открыв стеклянную дверь, вышел на лужайку, на которой белела роса. Предрассветная свежесть, лунное сияние и выпитый портвейн привели его в странно романтическое расположение духа, и, оказавшись у него в руках какой-нибудь музыкальный инструмент, он, весьма вероятно, заиграл бы. Несколько минут он расхаживал взад и вперед по росе и, наконец, избрал середину лужайки как наиболее подходящее место для задуманного, ибо оттуда ничто не мешало видеть окно Авроры, на которое он хотел устремить свой прощальный взгляд. Очертив носком ботинка двенадцатифутовую окружность в росе, он принялся в ярком лунном свете сооружать свой погребальный костер, для чего перетащил из кабинета книгу за книгой, газету за газетой, брошюру за брошюрой - все ценности, накопившиеся за четыре года; и со всем тщанием построив из них прочное и хитроумное сооружение, он застонал, так как вдруг вспомнил о своих былых обольщениях и о славных мыслях, запечатленных в этой литературе. Внизу, в самом центре сооружения, он оставил местечко для наиболее легко воспламеняющихся материалов, состоящих из особой подшивки особой газеты; по окружности своего величественного конусообразного кургана он аккуратно разложил двести четыре военных выпуска одного еженедельника, чтобы огненное кольцо воспламенило более плотный материал, на котором он будет сидеть. Он работал два часа в блекнущем свете луны и, наконец, завершил свое роковое и героическое здание; перед самой зарей при свече, которая предназначалась для последнего штриха, он сел сочинять интервью с самим собой, в котором собирался поведать миру значение своего поступка.

"Я нашел его, - начал он от имени корреспондента, - сидящим на груди прекрасных листьев человеческой мысли, которая на заре нового

дня горела довольно ярким пламенем, словно сама страсть, таящаяся в этих необычайных страницах, освещала скрытый смысл происходящего, равно как и черты героя, на которые страдание уже наложило безжалостный отпечаток.

- Я бы хотел, - сказал я, приближаясь к нему, насколько это было возможно, так как искры средиземноморскими светляками плясали у моих брюк, я бы хотел услышать из ваших уст, каковы причины, побудившие вас уйти из жизни.

- Пожалуйста, - ответил он с учтивостью, не покидавшей его в минуты, которые были бы серьезным испытанием благовоспитанности более обыкновенного человека; и с великолепным спокойствием и ясностью он стал описывать тайные движения своей души, в то время как рассветные лучи все ярче и ярче озаряли его выразительное изможденное лицо, а языки пламени медленно лизали его левый ботинок.

- Да, - сказал он, окидывая себя умственным взором, - я наконец увидел эту проблему в деталях и в целом. Именно поэтому я и ищу прибежища в мире ином. Что ждет меня там, я не знаю, хотя очень многие общественные деятели пытались мне это разъяснить; но не в моих правилах отступить перед Неведомым, и я готов шагнуть за край света.

Я был потрясен великодушием, с которым он произнес эти слова, и тут же спросил его, нет ли, по его мнению, таких коренных черт в английском характере, которые помогли бы всем нам единодушно откликнуться на столь щедрую жертву и столь благородное дело.

- Что касается этого, - бесстрашно ответил он, хотя при свете разгоравшейся зари я ясно видел, что подвязка его правого носка уже тлеет, так что он не мог не испытывать мучительнейшей боли, - что касается этого, то как раз склонность современных англичан к крайностям в выражении мыслей и побуждает меня преподать им наглядный урок сдержанности и здравомыслия. Ох!

Это краткое восклицание вырвалось у него, несмотря на его железную выдержку, и запах горящей плоти как нельзя убедительнее поведал мне об испытываемых им муках.

- Я чувствую, - сурово продолжал он, - что невоздержанность в речах и поступках пагубна для моей страны, и, испытав это на себе, я сейчас хочу своим огненным примером указать средство от болезни,

которая подтачивает организм и угрожает рассудку моих соотечественников и превращает их во второстепенную расу духовных алкоголиков. Ох!

Признаюсь, что в это мгновение слезы выступили у меня на глазах, ибо редко приходилось мне быть свидетелем зрелища более возвышенного, нежели медленное самосожжение патриота во имя родины. Зрелище это обладало странной, устрашающей привлекательностью, и ни за что на свете я не мог бы оторваться от него. Я впервые до конца оценил силу воли и героизм рода человеческого и, осознав это, возрадовался, что принадлежу к тому же славному народу, как и этот герой, вылепленный из столь прочной человеческой глины, что ни одна слеза не сбежала по его щекам, дабы угасить пламена, поднимавшиеся вокруг него выше и выше. На востоке полыхала заря; я знал, что человечество вступает в великий день, и, внимательно следя за обугливающимся на моих глазах героем, я от всего сердца возблагодарил небеса, что мне суждено было стать свидетелем этой минуты. И тогда он громко воскликнул:

- Призываю Аврору в свидетели: я умер не дрогнув, поражая пылающим копьем то злоупотребление доверием, которое лишило меня рассудка! - И я увидел, что горячей рукой он сжимает пылающее копье из свернутых в трубку газет.

- Аврора! - снова воскликнул он и с этим загадочным словом на устах был поглощен высоким столпом алчного пламени.

Это было едва ли не самое потрясающее зрелище, какое я когда-либо видел".

Закончив интервью, взволновавшее его достоверностью и богатством живых подробностей, и надписав на нем "Срочно. Для прессы", мистер Левендер почувствовал, что его пробирает озноб. Это был тот рассветный час, когда дрожь пробегает по всему миру; дрожа и почти радуясь предстоящему, мистер Левендер с горячей свечой в руке прокрался к своему погребальному костру, подымавшемуся на высоту пяти футов среди тусклой темной лужайки, которая точно начинала зеленеть в лучах занимавшегося дня. Он дважды обошел вокруг своего сооружения и уложил ступеньками четыре толстенных тома истории войны, затем опустился на колени, наклонил свечу, ровно горевшую в утреннем затишье, и поджег статью в воскресной газете. Сделав это, он глубоко вздохнул, вернулся к книжным

ступенькам и, с трудом сохраняя равновесие, вскарабкался наверх, уселся там, свесив ноги и не сводя глаз с окна Авроры. Так он просидел минут десять, пока наконец не понял, что под ним ничего не происходит; тогда он слез вниз и заглянул в углубление, где была подоженная газета. При ярком уже свете небес он увидел, что огонь погас на словах: "Сцена теперь готова для последнего акта этой колоссальной всемирной драмы". И решив, что провидение хочет этой ободряющей фразой вернуть ему присутствие духа, он подумал: "Этим утром я тоже творю историю". И он снова поджег газету и, опустившись на четвереньки, стал мужественно раздувать огонь.

А в это время юная леди из соседней крепости встала с постели и подошла к окну поглядеть, как солнце всходит над Парламентским холмом. Почувствовав запах горящей бумаги, она поглядела вниз и увидела мистера Левендера за раздуванием огня.

"Что еще выдумал этот несчастный? - подумала она. - Это уже просто невыносимо!" Она сунула ноги в туфли, накинула голубой халат и, спрятавшись за занавеской, стала ждать, что будет дальше.

Мистер Левендер отполз от разгоревшегося пламени, но продолжал стоять на коленях, вероятно, желая убедиться, всерьез ли огонь занялся. Потом он встал и, к величайшему изумлению юной леди, взобрался на гору книг и газет. Сначала она следила за ним с жадным любопытством: уж очень смехотворна была эта фигурка, увенчанная взъерошенной седой шевелюрой, уж очень забавна была страстная тоска на его исхудалом скуластом лице, обращенном к ее спальне. Но скоро она с беспокойством обнаружила, что огонь под ним разгорается не на шутку, и, вдруг решив, что ему пришла в голову бредовая идея получить ожоги и этим привлечь ее внимание, она бросилась по лестнице вниз и, выбежав с черного хода прямо в халате, обогнула свой сад и оказалась сзади мистера Левендера, готовая ко всему. Она была в двух шагах от него, но он не слышал ее шагов, так как взволнованная Блинк, следившая в закрытое окно спальни за самосожжением хозяина, пронзительно скулила, и сам мистер Левендер, подвывая, запел что-то странное и заунывное, что вместе с шелестом пламени, ползущего по еженедельникам, которые опоясывали книжную гору, производило столь жуткое впечатление, что у юной леди кровь застыла в жилах.

- Аврора, - жалобно пел мистер Левендер, - Аврора,

Унеси мое сердце с собой
Все равно оно тут не сгорит.
Пусть и осенью и весной
Оно в твоём сердце стучит!
Прощай навеки!
Аврора, Аврора, ах!
Я мчусь на воздушном коне
И сейчас превращусь во прах,
Но ты вспоминай обо мне.
Аврора, Аврора!

И в то мгновение, когда безудержный смех готов был овладеть ею, она увидела, что язык пламени, пожрав слово "Горацио", лизнул правую икру мистера Левендера.

- Ох! - отчаянно закричал он, воздев руки к небу. - Мой час настал! О сладостные небеса, раскройте и дайте мне увидеть ее лицо! Я вижу! Я вижу ее духовным взором. Довольно! Теперь смелее! Я должен умереть в молчании!

И он сложил руки на груди и стиснул зубы. Огонь, пожрав последнюю строчку еженедельника (который, кстати, лежал вверх ногами), так яростно лизнул мистера Левендера, что он невольно дрыгнул ногами и, потеряв равновесие, упал вниз головой прямо в объятия бдительной Авроры. Оказавшись в стороне от бушующего пламени, он прижался лицом к ее шелковистому голубому халату и понял, что уже сгорел и перешел из зловещего мрака ночи в светлые объятия утра, и с его непослушных губ слетели слова:

- Я в раю.

1919 г.